

В.Н. Трофимов

**Коллаборационисты:
мнимые и настоящие.
Субхас Чандра Бос,
Махатма Ганди,
Шарль де Голль,
Андрей Власов,
Михаил Горбачев**

Москва
Отпечатано в типографии Ваш Формат
2015

ББК 63.3(0)6
УДК 94(0)<19>
Т76

Трофимов В.Н. - действительный член РАЕН, д.ю.н.

Коллаборационисты: мнимые и настоящие. Субхас Чандра Бос, Махатма Ганди, Шарль де Голль, Андрей Власов, Михаил Горбачев / В.Н. Трофимов. - М.: Отпечатано в типографии Ваш Формат, 2015. – 198 с.

ISBN 978-5-9905971-9-8

Фигура Субхаса Чандры Боса представляет определенный интерес для российского читателя. Этот индийский политик активно искал союзников, которые могли бы помочь освободить Индию от британского колониального ига. И в первую очередь он пытался заручиться помощью руководства Советского Союза. А оно проявляло определенные колебания. По мнению автора, если бы такое сотрудничество с Босом было все-таки налажено, то скорее всего это позволило бы предотвратить нападение фашистов на СССР, по крайней мере в 1941 году. Однако переговоры Боса с советскими представителями окончились неудачно, и в результате он обратился за помощью к фашистской Германии, а потом и к Японии. Тем не менее, наверное, было бы ошибкой рассматривать Боса как коллаборациониста, то есть как лицо, сотрудничавшее с другими государствами против интересов собственного народа.

Судьба Боса перекликается, а в иногда и переплетается с судьбой других известных индийских политиков. По мнению автора, некоторые поступки, например, Махатмы Ганди заставляют усомниться в безупречности его репутации. Нередко эти поступки были выгодны британцам и не отвечали интересам борьбы за независимость индийского народа. Автор в этой связи приводит также достаточно интересные оценки, которые давал Субхас Бос Махатме Ганди.

А как можно оценить сотрудничество Шарля де Голля с британцами? Так ли все тут очевидно и бесспорно? Общепризнано, что коллаборационистом был другой французский политик – Петен. А де Голль? Некоторые факты из его биографии явно представляют интерес с этой точки зрения.

Но правильно ли говорить о коллаборационизме только применительно к периоду Второй мировой войны? Автор обращается к событиям последних лет существования СССР и пытается оценить некоторые действия М. Горбачева как президента страны. По мнению автора, в ряде случаев имеется достаточно оснований, чтобы юридически точно квалифицировать поступки М. Горбачева как умышленно направленные против интересов советского народа.

Книга рассчитана на массового читателя, но может представлять интерес и для специалистов в соответствующих областях.

Связь с автором: dialog-partner@list.ru

© Трофимов В.Н., 2015

Оглавление:

Введение.....	4
Глава 1. Субхас Чандра Бос.....	8
1.1. Начало биографии.....	8
1.2. Афганистан. Сотрудничество Субхаса Чандры Боса с Советским Союзом. «Направленной против нас коалиции Германии, России и Японии - вот чего мы опасались больше всего».....	13
1.3. Германия.....	37
1.4. Япония.....	47
1.5. Идеология Субхаса Чандры Боса.....	60
1.5.1. Гражданское неповиновение и Махатма Ганди.....	61
1.5.2. Государственное строительство.....	65
1.5.3. Итоги гражданского неповиновения.....	66
1.5.4. Участие Индии во Второй мировой войне на стороне Великобритании.....	67
1.5.5. Джавахарлал Неру.....	68
1.5.6. «Форвард Блок» и левое движение.....	69
1.5.7. Советский Союз.....	70
1.5.8. Окончательное формирование идеологии Боса. Коммунизм и национал-социализм.....	71
1.5.9. Правопорядок и мировой порядок. Роль Японии.....	75
1.6. Гибель Субхаса Чандры Боса.....	81
Глава 2. Махатма Ганди.....	102
Глава 3. Шарль де Голль.....	123
Глава 4. Андрей Власов.....	133
Глава 5. Лакшми Сахгал.....	139
Глава 6. Михаил Горбачев.....	143
6.1. Кооперативное движение.....	145
6.2. ГКЧП.....	146
6.3. ГДР и Восточная Европа.....	153
6.4. Разграничение в Беринговом море.....	159
6.5. Ракетный комплекс «Ока».....	168
6.6. Деньги от Ро Дэ У.....	171
6.7. Беловежский сговор.....	174
6.8. Признание независимости Литвы, Латвии и Эстонии.....	183
6.9. Матиас Руст.....	187
6.10. Разглашение секретных сведений.....	191
6.11. Что в итоге?.....	193
Эпилог.....	195

Введение

Что заставило меня взяться за тему предателей, сотрудничавших с другими государствами против своих собственных стран? Казалось бы, их удел – это всеобщее забвение. Вычеркнуть их из памяти, вот и все. И никогда ни в каком виде не вспоминать.

Однако не все тут так просто. С поступками тех или иных лиц, которых считают коллаборационистами, связаны важные моменты в мировой истории. Например, в самом начале 1941 года в Москве, судя по всему, решался вопрос, нужно ли начинать активное сотрудничество с Субхасом Чандрой Босом, известным борцом за независимость Индии. Если бы такое сотрудничество началось, это, скорее всего, быстро привело бы к тому, что Индия обрела бы независимость с помощью СССР. Однако в таком случае Советский Союз невольно (или умышленно) помог бы фашистской Германии сломить сопротивление Великобритании. Я не беру на себя смелость утверждать, что в результате СССР стал бы еще одним членом «оси Берлин – Рим». Но, скорее всего, такое развитие событий предотвратило бы нападение Германии на СССР в июне 1941 года. Возможно, конфликт между Германией и СССР возник бы позже. Но это была бы уже совсем другая ситуация. И в любом случае при таком раскладе вряд ли США могли бы рассчитывать на легкую победу в войне с Японией. Короче, мир был бы совсем иным.

Однако, насколько можно судить, тогда, в самом начале 1941 года, кремлевское руководство после длительных колебаний, но все-таки не согласилось с уговорами немцев ударить по Британии на двух фронтах. С Босом поговорили, к нему примерились. Но в конце концов отказались от сотрудничества и передали в Берлин. Очень вероятно, что именно это решение Сталина не трогать британскую Индию и пытаться и дальше сидеть на двух стульях послужило последней каплей и окончательно убедило Гитлера, что Советский Союз не был готов дальше углублять сотрудничество между двумя странами. Но такие колебания, по мнению немцев, явно были чреватые тем, что СССР мог и вовсе перейти в стан врагов Германии и Японии. И Гитлер не стал отменять план «Барбаросса»...

Конечно же, Сталин тогда пытался усидеть на двух стульях. СССР в то время поддерживал Германию экономически, продавал ей стратегическое сырье. Делил с ней зоны влияния в Восточной Европе, в том числе в Польше. Обещал не нападать на Германию (пакт о ненападении). Все это – в ситуации, когда Германия находилась в состоянии войны с Великобританией. Но одновременно Сталин не желал совсем уж окончательно портить отношения ни с англичанами, ни с американцами.

Согласитесь, такие переломные моменты в мировой истории достойны самого тщательного изучения. А значит, надо изучать и поступки такой

довольно-таки неоднозначной исторической личности, как Субхас Чандра Бос, который невольно оказался причастен к формированию судеб многих советских граждан.

Если говорить о коллаборационистах, то надо также отметить, что далеко не всегда оценки, которые им дает мировое сообщество, бывают до конца точными и оправданными. Ведь, к сожалению, общественное мнение нередко бывает недостаточно объективным. Тем более, что формируется оно вполне определенными способами, где манипуляции и подтасовки – самое обычное дело. Ведь ярлыки к тем или иным деятелям подчас приклеиваются исходя из сиюминутных политических причин. При этом кто владеет средствами массовой информации, тот и формирует общественное мнение. Победитель называет себя героем, а побежденного пытается выставить в самом негативном свете. В результате картина с предполагаемым предательством иногда бывает искаженной. А настоящие предатели и коллаборационисты оказываются в тени, маскируются под политических романтиков, якобы не желавших вреда собственной стране.

Вообще, что такое коллаборационизм? Определение этого термина нетрудно найти в словарях. Тут есть некоторые разночтения, но в целом суть дела понятна. Во-первых, нередко речь идет не о рядовом предателе, а о более или менее заметной, часто политической фигуре. Во-вторых, предполагается, что те, кого обвиняют в коллаборационизме, сотрудничают с врагами собственной страны, причем этим своим сотрудничеством наносят ущерб интересам своей родины. Мало того, в результате деятельности таких людей какое-то иностранное государство оказывается в определенном выигрыше. Иногда коллаборационистами называют тех, кто просто сотрудничает с оккупантами. А подчас можно встретить даже мнение, что коллаборационисты – это те, кто хоть и не наносят вреда собственной родине, но, сотрудничая с другими странами, наносят ущерб каким-нибудь союзникам своей страны.

В общем, как мы видим, состав поступка, именуемого «коллаборационизм», не совсем совпадает с составом уголовного преступления, именуемого «измена Родине», хотя явно с ним перекликается. Тут есть определенные нюансы и тонкости. И определенные различия.

Исторически так сложилось, что коллаборационистами впервые стали называть тех, кто сотрудничал с фашистской Германией в период Второй мировой войны. Если быть точным, то речь идет о режиме Виши во Франции, о маршале Петене. Но потом этот термин стал применяться и более широко. Как правило, при этом имеется в виду умышленное сотрудничество с другой страной во вред своему собственному государству.

Есть некоторые исторические фигуры, которые в глазах общественного мнения уже давно и прочно воспринимаются именно как

коллорабационисты, и никак иначе. В СССР это был генерал Власов. Во Франции – уже упомянутый Петен. В Индии – Субхас Чандра Бос. Однако есть и другие деятели, которые совершали поступки, явно подпадающие под определение коллаборационизма. Но их почему-то коллаборационистами не считают. Хотя они вполне того заслуживали. Цель данной книги – попытаться разобраться в этом сложном вопросе. Оценить, насколько на самом деле были коллаборационистами те, к кому прочно приклеился этот ярлык. И попробовать разобраться с поступками других деятелей, которых коллаборационистами обычно не называют. Это в данном случае де Голль, Махатма Ганди, Горбачев.

Тут читатель, наверное, скажет, что автор немного погорячился. Ну какой же коллаборационист Махатма Ганди? Или де Голль? Они – очень уважаемые люди. Не может же быть так, чтобы они совершали проступки, наносящие вред их государствам, сотрудничали с врагом, а об этом никто не знал и даже не догадывался.

Догадывался и знал, и даже очень. Но историческая наука, к сожалению, это не только изучение тех или иных событий и фактов. Это еще и хорошее средство для политических манипуляций. Для начала историки выискивают различные факты. И на этом этапе еще существует какая-то объективность. Потом выбирают из них только те, которые они считают наиболее характерными и важными. В результате с объективностью начинают возникать первые проблемы. Затем историки эти отобранные факты передают гласности. А в довершение всего еще и определенным образом комментируют. Тут уже объективность и вовсе может сильно пострадать. А что делать простому человеку? Ведь он не имеет возможности самостоятельно рыться в архивах. И не может делать выбор, какие факты обнародовать, а про какие умолчать. В лучшем случае он может лишь попытаться высказать свою оценку уже известным фактам. И то это будет оценка, о которой, скорее всего, почти никто и не узнает.

В общем, историки несомненно имеют возможность манипулировать общественным мнением. А при определенном умении запросто могут белое выдать за черное и наоборот. В свою очередь политики в определенной мере управляют историками. Вывод понятен: многое из того, что мы в мировой истории считаем достоверным, таковым на самом деле вовсе и не является. Оценки, имеющие статус «это общеизвестно», далеко не всегда бывают достоверными.

Именно потому-то я и решил углубиться в исследование биографий уже упомянутых людей, поскольку у меня возникли серьезные сомнения в справедливости соответствующих общественных оценок и ярлыков. При этом я постарался использовать свои познания в юриспруденции и не просто голословно что-то утверждать, а все-таки попытаться это и доказать. Не

просто приводить те или иные факты, а давать им соответствующую юридическую оценку, квалифицировать, как это и принято в юридической теории и практике.

Будем надеяться, что читатель не сочтет мои выводы слишком экстремистскими и радикальными. Я стремился оперировать объективными фактами и более или менее бесспорными свидетельствами очевидцев.

Глава 1. Субхас Чандра Бос

1.1. Начало биографии

Наверное, я не случайно занялся темой коллаборационизма. Сама жизнь однажды столкнула меня с одним из известнейших политиков, которого иногда считают коллаборационистом. Точнее, с тем следом, который он оставил в мировой истории. Дело было в Индии в далекие семидесятые годы прошлого века. Я в составе советской делегации летел в индийский штат Манипур на востоке Индии. Этот штат расположен в предгорьях Гималаев и отделен от остальной Индии труднопроходимыми горными джунглями. Тут живут люди со своими особыми этническими признаками. Более того, в штатах этой части Индии нет характерного для других районов этой страны перенаселения. Неторопливое сельское хозяйство, население, в общем, сыто, одето и обуто. Зима без снега, лето без особой жары. В общем, почти райское место. Или просто райское место безо всяких «почти».

Однако джунгли – хорошее прибежище для всевозможных революционно-повстанческих отрядов. В соседней Бирме в таких же джунглях издавна живет целая повстанческая армия. На востоке Индии тоже есть свои сепаратисты и революционеры, но их тут намного меньше. Однако переловить их в этих бескрайних зеленых джунглях просто невозможно.

Нашу делегацию возглавлял космонавт Петр Климук. И цель была довольно обычная – по приглашению индийских властей пообщаться с местной общественностью, рассказать о покорении космоса, а заодно и о преимуществах социалистического строя. Наладить культурные контакты, укрепить дружбу между народами. В общем, все как обычно.

Однако программа визита началась с довольно необычного происшествия. Как правило, в ходе таких мероприятий совершаются какие-то протокольные действия, которые призваны продемонстрировать уважение приехавших гостей к истории принимающей страны. Нередко это возложение венков к тем или иным мемориальным местам. У нас было то же самое. Однако памятник, к которому местные власти предложили нам возложить венки, был необычным. Это был памятник Субхасу Чандре Босу.

Необычность же заключалась в том, что официальные советские делегации никогда памятники этому деятелю не посещали, а тем более не возлагали к ним венков. Хотя Бос в Индии считается одной из центральных фигур национально-освободительного движения. В чем же дело? Почему Советский Союз, всегда так ценивший дружбу с Индией, вдруг взялся бойкотировать столь выдающуюся историческую личность? Дело в том, что к упомянутому Субхасу Чандре Босу приклеился ярлык «коллаборационист». Этот индиец в период борьбы Индии за свою независимость тесно

сотрудничал с фашистской Германией, лично встречался с самим Гитлером. Ведь Индия находилась в колониальной зависимости от Великобритании. А фашистская Германия воевала с Великобританией. Вот Бос и пытался заручиться поддержкой немцев в борьбе против британского колониального ига.

Но в СССР, понятное дело, упоминание Гитлера и фашистской Германии в любом контексте всегда вызывало резко негативную реакцию. Настолько негативную, что Советский Союз решил, по сути, на бойкот одного из самых почитаемых в Индии национальных деятелей.

Нельзя сказать, что индийцам это очень понравилось. Но они с пониманием отнеслись к этой советской фобии. И обычно не включали памятники Босу ни в какие официальные программы визитов советских делегаций. А если вдруг включали, то наше посольство их тут же и вычеркивало. Конфликтов при этом никаких не возникало.

Однако в далеком Манипуре ситуация была немного иной. Как известно из истории, Бос даже смог создать свое небольшое государство, независимую от британцев Индию в миниатюре. Со всеми атрибутами государственной власти. Его маленькая Индия просуществовала недолго. Но это и не важно для индийцев. Она все равно являлась значимым символом борьбы за независимость.

Так вот эта миниатюрная независимая Индия называлась Азад Хинд. И была расположена частично и в Манипуре, том самом индийском штате, который в тот раз и вознамерилась посетить наша делегация. То есть мы приехали в то самое место, где Субхас Чандра Бос и создавал свой Азад Хинд. Понятное дело, что тут памятник Босу являлся центральной достопримечательностью. И проигнорировать его было совершенно невозможно.

В общем, мы возложили цветы к памятнику этого коллаборациониста и личного друга Гитлера вопреки всем запретам. Ничего, правда, с нами в результате не случилось. Индийцы никак этот случай не стали раздувать. А мы сами предусмотрительно не стали вдаваться в Москве в детали, где и кому какие венки мы возлагали. Да от нас и не требовали подобного отчета.

Однако такой в общем-то мелкий эпизод заставил меня еще раз, более внимательно, обратиться к этой части истории Индии. Все-таки по профессии я не просто дипломат, но еще и индолог. И покопаться в деталях местной политики было даже моей обязанностью. Я тогда собрал кое-какие материалы, кое-что почитал. По итогам что-то написал в центральный аппарат МИДа. Но в итоге отложил собранное досье, как говорится, в долгий ящик.

А потом в моей стране наступили «лихие девяностые». Государство разрушалось, политики всех мастей наперебой отправлялись на поклон за

рубеж, где изо всех сил обхаивали собственную страну. При этом если могли, то и торговали ее интересами. То есть коллаборационизм из далекой Индии вдруг пришел ко мне домой и стал повседневной реальностью. Я по роду работы нередко наблюдал все это с очень короткого расстояния. И в конце концов стал пополнять свое досье по коллаборационизму.

Наконец в какой-то момент я понял, что окончательно созрел для того, чтобы обобщить накопленные мной документы и материалы. И издать их в виде книги со своими комментариями. Попутно при работе над книгой я волей-неволей соприкоснулся и с материалами, описывающими жизнь и поступки некоторых других исторических деятелей. Мне показалось, что они достаточно органично ложатся в ткань этой работы.

Итак, Субхас Чандра Бос. Вообще-то, в советских и российских справочниках о нем говорится довольно скупо и слово «коллаборационист», как правило, не употребляется. Исключение сделано разве что в Википедии. Но в иностранных источниках слова «collaborator» и «Субхас Чандра Бос» очень часто идут вместе.

Но почему все-таки Советский Союз занял такую позицию к этому человеку? Потому, что он сотрудничал с Гитлером, получал от него деньги? Сам был фашистом? Формировал и возглавлял военные подразделения индийцев, которые являлись частью фашистской или японской армии и даже принимали участие в боевых действиях? Или потому, что Бос воевал против союзника Советского Союза во Второй мировой войне – Великобритании? Если разобраться, то все это было одновременно и так, и не совсем так. Стоило ли Советскому Союзу вообще вытаскивать все это из пыльного сундука истории, при этом отравляя отношения с дружеской страной?

Кто он в конце концов такой, этот злополучный Субхас Чандра Бос? Для начала кратко опишем некоторые вехи его жизни, но в дальнейшем более внимательное разберем отдельные эпизоды его биографии. Итак, Бос родился в 1897 году в семье юриста. Был девятым ребенком в семье, причем всего детей было аж четырнадцать! Блестящий ученик. И с самого начала – большой патриот Индии. Из школы его выгнали за то, что он оскорбил учителя, который что-то там сказал не слишком патриотичное. Однако парень был действительно способный. И свое обучение продолжил уже в Великобритании.

Казалось бы, полученное им образование гарантировало безбедную жизнь под крылом у англичан. Однако Бос отказался работать в английской администрации и вернулся назад в Индию, в Калькутту. Где организовал свою газету, был редактором еще одной газеты, тесно сотрудничал с достаточно известными политиками. В конце концов возглавил организацию Всеиндийского молодежного конгресса. В итоге в 1924 году Боса арестовали как ярого националиста и отправили в тюрьму в Бирму, в город Мандалай.

Взглядов Бос придерживался достаточно радикальных – предлагал изгонять британцев с индийской территории всеми доступными способами, в том числе и с помощью вооруженной борьбы. Причем тут особо следует отметить, что Бос был далеко не одинок в своих взглядах. Многие индийцы полагали, что с британцами нечего миндальничать. В те же годы, а если быть точным, то в 1925 году, был основан, например, Раштрия Сваямсевак Сангх. Это была более чем радикальная организация, крайне националистическая и изначально настроенная предельно непримиримо к англичанам. Она существует в Индии и поныне.

А раньше, в 1915 году, была создана еще одна крайне националистическая организация, Хинду Махасабха. Тут же уместно упомянуть еще одну полусекретную радикальную организацию Ананда Марг. Так что единомышленников у Боса по части радикальных мер хватало уже тогда.

Кстати, немного забегая вперед, следует тут упомянуть, что Махатму Ганди застрелил член именно Хинду Махасабха, причем, как принято считать, за чрезмерную либеральность по отношению к мусульманам.

Уже через два года Бос вышел из тюрьмы и сразу же стал генеральным секретарем Индийского Национального Конгресса (ИНК), где работал вместе с Джавахарлалом Неру. Тогда же он возглавил корпус волонтеров ИНК.

Боса опять арестовали, формально – за гражданское неповиновение. Однако он уже стал заметной политической фигурой. Настолько заметной, что фактически исполнял обязанности мэра Калькутты. А дальше наш герой отправился путешествовать по Европе и заодно лечиться от туберкулеза, который подхватил в тюрьме. Встречался там с разными людьми. С индийцами и местными европейскими политиками. Например, с Бенито Муссолини в Риме и Эдвардом Бенешем в Праге. Смог Бос пообщаться и с некоторыми британскими достаточно выдающимися политиками. Заодно Бос изучал как коммунизм, так и фашизм, причем, что называется, в натуре. Тогда же он опубликовал свою первую книгу под названием «Индийская борьба» («The Indian Struggle»), описывавшую национально-освободительное движение в Индии с 1920 по 1934 год. Книжка была издана в Великобритании. Однако англичане тут же ее и запретили, сочтя, что она может вызвать беспорядки в Индии.

Наконец в 1938 году Субхас Чандра Бос превратился в общенационального лидера, став президентом ИНК. И с этого момента он стал конфликтовать с Ганди и Неру. Конфликт был идеологический – Бос выступал за активную борьбу против колонизаторов. Тем не менее Боса, несмотря на конфликт с самим Ганди, еще раз переизбрали на пост президента ИНК.

В конце концов этот конфликт, а по сути, внутренняя борьба в ИНК, закончился расколом. И Бос, расставшись с этой организацией, основал свою собственную: All India Forward Bloc. В переводе это звучит приблизительно как Всеиндийский прогрессивный (или передовой) блок.

Однако пора кое-что сказать и о политических взглядах Субхаса Чандры Боса. Частично мы их уже упомянули: активная борьба против британцев. А какой видел Бос будущую свободную Индию? Он в этой связи говорил о социалистическом авторитаризме. То есть скорее даже тяготел к модели Советского Союза того времени, однако на основе частного предпринимательства. Впрочем, некоторые историки говорят о значительной близости взглядов Боса и известного турецкого лидера того времени Ататюрка.

Итак, как мы видим, пока Боса никак нельзя обвинить в фашизме. Встречался с фашистами? А кто в то время с ними не встречался? Советские политики тоже встречались. А СССР и вовсе заключал с фашистской Германией всевозможные договоры. Уж про экономическое и военно-политическое сотрудничество между Советским Союзом и Германией я и не говорю. Босу было тогда далеко до такого уровня.

Накануне Второй мировой войны Бос опять вступил в конфликт с Махатмой Ганди. Дело в том, что Субхас Бос предлагал организовать кампанию массового гражданского неповиновения, протестуя против

втягивания Индии в войну. А Ганди выступил против. Скажем честно: с одной стороны, речь шла о войне против фашизма. С другой стороны, суть протеста была даже не в том, что Бос был против войны с фашистами. Он был против того, что англичане, втягивая Индию в войну, при этом не считали нужным хотя бы посоветоваться с руководством Индийского Национального Конгресса.

В 1940 году Бос созвал в г. Рангаре «Конференцию против компромисса». Смысл конференции – никаких компромиссов с британцами. Там же Бос впервые использовал трехцветный флаг – шафрановый, белый и зеленый. Этот флаг и сейчас является государственным флагом Индии, единственно, в его середине добавлено «солнечное колесо» императора Ашоки.

1.2. Афганистан. Сотрудничество Субхаса Чандры Боса с Советским Союзом. «Направленной против нас коалиции Германии, России и Японии — вот чего мы опасались больше всего»

Англичане было опять арестовали Субхаса Чандру Боса. Но неожиданно быстро отпустили из тюрьмы, оставив его лишь под домашним арестом. А тот решил не дожидаться суда и очередного срока и тайно бежать из Индии в Европу. При этом отправился через Афганистан сначала в Советский Союз. Дело было в январе 1941 года, то есть прямо накануне Великой Отечественной войны.

На Афганистане необходимо остановиться более подробно. Там, на границе с Индией проживали племена пуштунов, тогда где-то около пяти миллионов человек. Это были довольно воинственные люди. И считалось, что они при определенных обстоятельствах могут поднять бунт против британцев и вторгнуться на индийскую территорию. Теперь это территория государства Пакистан.

Такое вторжение могло кончиться плохо для британцев. Если бы часть территории Индии была освобождена от них, там могла бы сформироваться национально-освободительная армия из тех индийцев, которые хотели силой изгнать англичан. И дальше мог последовать «эффект домино», вслед за этой освобожденной территорией и вся остальная Индия могла изгнать британцев.

В общем-то, этот предполагаемый сценарий был известен всем. Великобритания опасалась, что враждебные ей государства попытаются использовать эту возможность. И исключительно болезненно относилась к любым действиям, которые могли быть истолкованы как поддержка пуштунов.

Субхас Чандра Бос тоже имел в виду такой вариант использования пуштунских племен. И он тоже строил какие-то планы в этом направлении. Но на этом этапе до конкретных действий пока дело не доходило.

Британцы боялись, что пуштунов могут использовать немцы и, может быть, даже и Советский Союз. В СССР знали про эти опасения Великобритании, и в то время проводилась государственная политика до поры до времени не дразнить понапрасну англичан. Конкретно это выражалось в том, что, например, наше посольство в Афганистане старалось не совершать действий, в том числе не поддерживать тех лиц, которые были намерены использовать афганские племена против британцев.

Я только что употребил слова «до поры до времени». И сделал это совсем не случайно. На самом деле в Коминтерне активно прорабатывался вариант именно здесь открыть восточный фронт мировой революции. При этом велась определенная подготовительная работа в Афганистане, нужных людей приглашали в Москву. Но до принятия окончательного решения так дело и не дошло. В любом случае Советский Союз старался не привлекать излишнего внимания к этим своим планам. В том числе слишком уж открыто не поддерживать крупных политических деятелей, которые выступали за использование пуштунской карты.

А Субхас Чандра Бос как раз таким политическим деятелем и являлся. И вот тут, в Афганистане как раз и начал закручиваться сюжет, в котором Бос вступил в контакт с представителями Советского Союза. Именно поэтому его пребывание в Афганистане и интересно разобрать более подробно. По счастью, эту часть биографии Боса можно частично восстановить, например, по книге Юрия Тихонова «Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию».

Итак, сбежав из-под домашнего ареста в Калькутте, Бос направился в Афганистан. Почему именно туда? Если он ставил целью наладить связи с какой-то страной, которая могла помочь изгнать британцев из Индии, то таких кандидатов тогда было всего три. Это Япония на востоке. И СССР и Германия на западе. То есть Босу надо было из Калькутты либо бежать на каком-нибудь морском судне в сторону Японии, либо пытаться пробраться в Германию и СССР.

В Советском Союзе не любили распространяться на тему связей с Субхасом Чандрой Босом. И обычно историки рассказывали эту часть жизни Боса как бы скороговоркой. Прощел через Афганистан, потом как-то добрался до Москвы. И отсюда с помощью немцев перебрался в Германию. А Советский Союз вроде бы никак с Босом ни в какой контакт не вступал и ни о чем с ним не договаривался. Конечно же, это не так. Но афишировать свои связи с человеком, который тесно сотрудничал с фашистами, в Советском Союзе было совсем не принято. Да и в современной России это тоже не

принято. Потому-то эта часть биографии Субхаса Чандры Боса замалчивалась тогда и продолжает замалчиваться и сейчас.

На самом же деле все происходило следующим образом. Уже в Калькутте Бос наладил предварительные контакты не только с немцами, но и с индийскими коммунистами. А с их помощью через Коминтерн – прямой контакт с Москвой. Индийские коммунисты имели приличные связи в Афганистане. Вот благодаря этим связям и можно было переправить Боса через советскую Среднюю Азию прямо в Москву.

Конкретно через Афганистан коридор для связей с Коминтерном имели коммунисты Пенджаба. Речь шла о партии «Гадр» и о коммунистической группе под названием «Кирти». Именно услугами «Кирти» Субхас Чандра Бос и воспользовался. Для начала он провел зондаж. И в апреле 1940 года обратился к представителю «Кирти» в Бомбее Раму Сингху Датте с просьбой помочь добраться до Москвы, чтобы уговорить советских товарищей совершить военное вторжение в Индию.

Этот первоначальный зондаж остался в тот момент без внимания, причем во многом не потому, что было невозможно перебраться в СССР через Афганистан. А потому, что Бос поставил вопрос слишком радикально. И представителям «Кирти» показалось, что СССР точно не будет посылать свои войска для ведения боевых действий в Южной Азии.

Однако канал переброски своих людей в СССР через Афганистан у «Кирти» точно был. Этот канал был налажен еще с тридцатых годов через советского военного атташе в Кабуле. Тут надо уточнить одну деталь. Коминтерн делал ставку на одну коммунистическую партию в Индии, на КПИ. А «Кирти» была самостоятельной группой. И в Коминтерне вступили с ней в контакт главным образом для того, чтобы уговорить войти в состав Коммунистической партии Индии.

В сентябре 1940 года в СССР через Афганистан пробрался представитель Компартии Индии, первый секретарь пенджабского комитета КПИ Ачар Сингх. В Сталинабаде его встретил представитель Коминтерна И. Козлов, который прибыл туда по личному указанию Мануильского. И вскоре этот Ачар Сингх уже успешно работал референтом, курировавшим Индию в Восточном секторе Исполкома Коминтерна.

Ачар Сингх и сообщил о желании Субхаса Чандры Боса прибыть в Москву и встретиться со Сталиным. На что уже упомянутый Козлов ответил, что такой визит может повлечь нежелательные для СССР последствия.

Можно ли было толковать ответ Козлова как твердое «нет» Босу? Я бы все-таки не стал высказывать столь радикальных оценок. Если бы Кремль твердо и ясно выступал против контактов с Босом, тот никогда не пошел бы в Москву. Но он пошел, и даже очень быстро и успешно. Другое дело, что отношение государства к тому или иному политическому вопросу нередко

зависит от первой реакции самого первого чиновника, к которому этот вопрос попадет. Если вопрос не слишком ясный, а чиновник считает, что может быть нанесен вред государственным интересам, то бюрократический аппарат нередко и дальше не сильно напрягается, а просто автоматически кладет этот вопрос под сукно. Я, работая на госслужбе, нередко наблюдал эту картину, причем по довольно крупным для страны вопросам.

Похоже, и тут произошло то же самое. Этот самый Козлов пораскинул мозгами, посоветовался с товарищами. И счел, что Бос вряд ли может быть полезен для СССР. А то, глядишь, и вреден. Вдруг британцы прознают про контакты с видным индийским политиком, выступающим за их изгнание из Индии?

Конечно, обычно политика по таким вопросам была вовсе даже иная. Какой бы одиозный иностранец ни был, если он являлся влиятельной фигурой, с ним, конечно же, налаживался какой-то контакт. Другое дело, что если фигура была слишком неудобная, то такой контакт поддерживался на рабочем уровне. Но всегда при этом оставлялась возможность в случае необходимости активизировать контакт и вывести его на высокий политический уровень. Вообще-то это азы азов работы спецслужб. Тут нет ничего удивительного. Всегда бойцы невидимого фронта стремятся иметь контакты «на всякий случай».

Итак, Козлов высказал свои сомнения. И из Москвы никакой команды для переброски Боса в СССР не последовало. Тем не менее Бос все-таки отправился в Афганистан, и уже 19 января 1941 года он был в Пешаваре. Здесь он обратился к Аббас-хану из «Гадра», который непосредственно и занимался переброской через границу. Проводником у Боса стал помощник Аббас-хана, некто Бхагат Рам Тальвар. И, пройдя с его помощью через территорию, занятую пуштунскими племенами, Бос уже 1 февраля прибыл в Кабул.

Тут Боса ждало первое разочарование. Советский полпред в Афганистане К. Михайлов встретился с Бхагатом Рамом Тальваром, но наотрез отказался выполнить его просьбу встретиться и с Субхасом Чандрой Босом. Почему? Некоторые историки полагают, что у Михайлова на этот счет было жесткое указание из Москвы. Я в этом сомневаюсь. Просто старый опытный аппаратчик перестраховывался. Действительно, что могла дать ему эта встреча? Конечно, Бос мог рассказать что-то полезное. Но о встрече пришлось бы докладывать в Москву. И пришлось бы излагать мнение Боса о том, что Красная Армия могла бы напасть на британцев в Индии через Афганистан. Вариант такого нападения выглядел для советского полпреда, мягко скажем, необычно. И Михайлов запросто мог получить из Москвы щелчок по носу: «Зачем ты передаешь в Москву такие немыслимые идеи? Ты что, не понимаешь политической обстановки в мире?» Откуда Михайлову

было знать, что в Москве очень даже обсуждали такой вариант с представителями Германии?!

К тому же Бос в ходе встречи мог попросить помочь ему перебраться в СССР. Отказывать в лицо? Тоже нехорошо. Ведь Бос был активным участником национально-освободительного движения. А Советский Союз поддерживал такие движения.

Я полагаю, что проблемы с Москвой возникли у Боса частично именно потому, что он слишком радикально преподносил свои идеи. Для него, бывшего руководителя ИНК, было естественно ставить большие вопросы, причем ребром. Но в Москве к такой постановке вопроса явно не были готовы. В Кремле сильно колебались по поводу сотрудничества с Германией и конфликта с Великобританией по части Индии.

Если бы Бос заговорил просто о налаживании более активной работы по изучению и поддержке национально-освободительного движения, то не исключено, что он нашел бы больше понимания. Например, Бос мог бы помочь Москве лучше организовать такую работу, наладить информационные каналы. А потом покинуть пределы СССР, оставив за спиной боевой отряд индийцев, которых можно было бы использовать для подрывной работы против британцев в Индии. И такой вариант мог бы быть одобрен в Москве на достаточно высоком уровне.

Но Бос хотел не только на словах, но и на деле пойти войной против британцев в Индии. И он не стал смягчать свою риторику. В результате натолкнулся на определенные проблемы.

Однако важно подчеркнуть, что все-таки Бос не получил твердое «нет». Да, с ним не пожелал встретиться полпред Михайлов. Но и только. Все-таки по линии «Кирти» он добрался до Кабула. А это значило, что у «Кирти» не было команды из СССР не оказывать помощь Босу.

Тут, скорее, сложилась другая ситуация. Просто в Москве никак не могли определиться по поводу помощи, которую просила Германия, планировавшая военные операции в Индии. И потому не могли определиться и с Субхасом Чандрой Босом. Не знали, куда его девать и куда пристроить. Но совсем со счетов все-таки не сбрасывали.

Однако в Кабуле Бос обратился не только в советское полпредство. После попыток напрямую договориться с Михайловым Бос направился в посольство Италии. Там его приняли с распростертыми объятиями. И сразу же пообещали снабдить итальянским паспортом. Попутно отметим для себя этот факт, он нам еще пригодится для дальнейшего анализа. Таким образом, почти с самого начала пребывания Боса в Кабуле было известно, что он будет пользоваться фальшивым итальянским паспортом. Если быть точными, Бос имел на руках итальянский паспорт уже 18 марта 1941 года.

Где итальянцы, там и немцы. И вскоре Бос уже вступил в контакт с немецким посольством. Немцы очень им заинтересовались. Но вот тут произошло нечто интересное. Ведь немцы могли перебросить Боса в Германию по собственным каналам. Но они поступили иначе. Вместо организации такой переброски немецкий представитель обратился все к тому же Михайлову с просьбой оформить Босу советскую въездную визу. Михайлов передал эту просьбу в Москву. И получил оттуда вовсе даже не отказ, а указание выполнить просьбу немцев.

Нередко вопрос о выборе маршрута толкуют следующим образом: Бос не очень-то был рад сотрудничеству с немцами и хотел в первую очередь попробовать наладить такое сотрудничество все-таки с СССР. Потому-то и возник вариант с посещением Москвы.

Наверное, так дело и было. Но это – только одна сторона вопроса. А немцы? Они что, просто уступили настойчивым просьбам Боса? Отнюдь! Они еще больше самого Боса были заинтересованы в том, чтобы вовлечь Советский Союз в противостояние с британцами. И имели серьезные основания надеяться на успех. Но этого мы коснемся чуть дальше.

А в Москве в МИД СССР с просьбой о выдаче визы Босу вместе с немцами обратились также итальянцы и японцы. При этом итальянцы, как известно, выдали Босу паспорт на имя реального человека – радиста посольства Орландо Мацотты. Но вклеили туда фотографию Боса. И советским властям предлагалось проставить въездную визу именно в эту фальшивку. Представьте себе, согласие было получено! Полпредство в Кабуле получило указание из Москвы выдать визу. Виза была проставлена в уже упомянутый фальшивый итальянский паспорт. Номер визы был 064033.

Как нужно толковать этот эпизод? Советские власти просто уступили настойчивым просьбам трех посольств в Москве и разрешили проехать через свою территорию сомнительному индийцу только для того, чтобы он без задержки транзитом отправился дальше в Германию? Это было бы совершенно невозможно, если бы в Москве перед этим приняли решение не контактировать с Босом. Совершенно очевидно, что такого решения как раз и не было. Иначе ответ немцам был бы очень простым: «Вам он интересен? Тогда вы с ним и возитесь!»

Выдача посольством въездной визы в заведомо фальшивый паспорт, которым пользовался крупный политический деятель страны, находящейся в колониальной зависимости от Великобритании? Такой вопрос наверняка не мог решить единолично даже советский министр иностранных дел. Надо полагать, подобное решение в Советском Союзе могли принять только два человека: Берия, а скорее всего, лично Сталин по докладу Берии.

И что же такое Берия мог доложить Сталину? Дайте согласие на транзитный проезд этого деятеля, а куда и зачем он едет, это нас не касается?

Конечно, нет. Если советские власти дали согласие на визу и транзит, конечно же, они при этом хорошо понимали, зачем именно это делается.

А действительно, зачем? Зачем нужно было выслушивать просьбу трех стран «оси» о выдаче визы? А потом выполнять эту просьбу? Для меня ответ понятен. Немцы не просто уговорили советских руководителей дать визу. Немцы уговорили их подумать о том, чтобы совместно выступить против Великобритании. Даже если бы СССР просто разрешил Босу перебраться транзитом в Германию по собственной территории, конечно же, тем самым он становился бы соучастником дальнейшей деятельности этого индийца у фашистов. При этом, заметим себе, в Москве хорошо знали, какие у Боса имеются намерения (организация военного вторжения в Индию с территории Афганистана). И все-таки московские власти дали согласие на визу и фальшивый паспорт.

Немцы, как я уже упомянул, просили выдать визу не только через советское полпредство в Кабуле, но и непосредственно в Москве, через свое там посольство. Зачем? Для авторитетности? Нет, конечно. Просьба эта, судя по всему, сопровождалась в Москве такими комментариями, которые немцы не собирались сообщать какому-то полпреду СССР в каком-то Кабуле. Это были предельно чувствительные комментарии, надо полагать, совсем не предназначенные для чужих ушей.

В переговорах в Кабуле по поводу Боса был и еще один очень примечательный и показательный момент. Немецкий посланник Г. Пильгер прямо предложил советскому полпреду Михайлову отправить Боса на советском самолете в Ташкент. При этом сообщил, что имеет возможность тайно провести Боса на борт самолета. Михайлов отказался от этого варианта, высказавшись в пользу наземной переброски.

Читателю ничего не кажется странным в этом эпизоде? Если уж немцы могли тайно провести Боса на борт аж советского самолета, то на борт собственного самолета они могли провести его с еще большим успехом. Если бы немцы просто хотели заполучить себе Боса, они не стали бы связываться ни с какими советскими визами. Посадили бы его на борт своего или итальянского, или какого угодно другого самолета, и все. Но немцы напрягались именно для того, чтобы Бос проехал через территорию СССР. Я полагаю, что это можно считать установленным.

Однако для начала попытаемся уяснить, почему Михайлов воспротивился переброске Боса в Ташкент советским самолетом. Боялся, что британцы застукают Боса при посадке и получится скандал? Может быть. В случае такого скандала первый кандидат на высылку из страны – сам господин Михайлов.

Но тут есть и еще одно обстоятельство, которое могло сыграть свою роль. Вернемся к эпизоду с переброской в СССР уже упомянутого нами

представителя Компартии Индии Ачара Сингха. Как известно, он шел на территорию Советского Союза не один, а вместе с активистом «Кирти» Рамом Кишаном. Тот погиб при переходе границы, утонув в реке. И вот для того, чтобы переправить оставшегося в живых одного Ачара Сингха в Москву Мануильский лично отправил своего сотрудника И. Козлова в Среднюю Азию. Хотя можно было этого не делать. А просто позвонить в Сталинабад и попросить местных товарищей посадить Ачара Сингха на самолет в Москву. Но в те времена в СССР было принято в таких ситуациях поступать иначе. Ачар Сингх был достаточно крупной фигурой. И для его встречи и сопровождения выделялся соответствующий сотрудник Коминтерна из Москвы.

А Субхас Чандра Бос был куда как более крупной фигурой! Не чета какому-то Ачару Сингху из Пенджаба! Несомненно, что его тоже должны были встречать представители Москвы сразу после пересечения государственной границы.

Как известно, Бос, попав в советскую Среднюю Азию 22 марта 1941 года в пункте Термез, добрался до Москвы предположительно на поезде. Кто его встречал на границе? Это неизвестно. Но можно с уверенностью предположить, что, конечно же, встречали. Но вряд ли тот же Козлов. Почему? Потому как теперь Бос наверняка проходил уже по другой линии. По ведомству Берии, надо полагать. На этом этапе речь уже не шла о сотрудничестве и налаживании связей между коммунистами. Речь шла о начале войны против Британии в Индии.

Кстати, тут уместно привести выдержку из одного документа. Это докладная записка генсекретарю ИККИ Г.М. Димитрову от заведующего отделом кадров Коминтерна Гуляева (записка завизирована также старшим референтом Козловым), датированная октябрём 1941 года. В ней, в частности, сказано следующее:

«В отношении Боса никакими дополнительными материалами Отдел Кадров не располагает. После того, как он скрылся из-под домашнего ареста и уехал из Индии, он публично нигде не выказывался, поэтому неизвестно ни его местопребывание, ни его точка зрения по важнейшим вопросам современной международной обстановки».

Казалось бы, эта информация говорит о том, что Москва никак не интересовалась Субхасом Чандрой Босом и никаких дел с ним не имела. Но тут есть одна тонкость. Это в отделе кадров Коминтерна на Боса не было никакой информации. А в других ведомствах? Бос был слишком крупной фигурой, чтобы в Москве не знали о его позиции по важнейшим вопросам. И он проехал в Германию по территории Советского Союза. При этом из Москвы в Кабул пришло указание проставить Босу въездную визу в фальшивый итальянский паспорт. Всему этому предшествовало

согласованное обращение посольств Германии, Италии и Японии к советским властям эту самую визу выдать. И после этого в Москве никто ничего о Босе не знал? Это совершенно невероятно.

Более того, в этой самой докладной записке Димитрову уже упомянуто, что Боса перебросили из Индии в Кабул. А в целом записка посвящена тем представителям «Кирти», которые и организовывали переброску Боса дальше, в Советский Союз. В частности, в записке упомянуты Аббас-хан и Бхагат Рам Тальвар. И после этого представитель отдела кадров Коминтерна утверждает, что он вообще не знает, куда делся Бос из Индии и какие у него политические взгляды?

Бос пересек границу Советского Союза 22 марта. А уже 28 марта он вылетел из Москвы в Германию. Где-то он пробыл шесть дней на территории СССР. Либо добрался до Москвы на поезде, либо на самолете. По срокам это в общем совпадает с поездкой по железной дороге. До Москвы из Душанбе – почти четыре тысячи километров.

Итак, почти наверняка на границе Боса кто-то встретил. Считается, что дальше они отправились в Москву поездом. Но почему не воспользовались самолетом? Зачем надо было терять так много времени на дорогу?

Вряд ли это случайность. В подобных делах таких случайностей не бывает. Видимо, в Москве приняли решение не форсировать переброску Субхаса Чандры Боса в Москву. А повременить. Зачем? Наверное, для того, чтобы иметь достаточно времени подготовиться к его встрече. Может, для того, чтобы дожидаться удобного момента, когда к такой встрече будет готово высокое руководство в Москве – Сталин.

Многодневная поездка на поезде была совсем не лишней. Сопровождавший Боса представитель Москвы мог за это время в непринужденной обстановке приглядеться к Босу, выяснить, что именно он из себя представляет. Уточнить те или иные детали его планов. При любом раскладе НКВД не отказался бы иметь справку с подробным описанием Боса и его взглядов.

Обратим внимание еще на один вопрос. Субхас Чандра Бос, как известно, не знал никаких языков, используемых в Афганистане. А потому изображал там глухонемого. И всегда ходил в сопровождении Бхагата Рама Тальвара. А как в таком случае в отношении СССР? Ведь Бос не знал и русского языка. Как в таком случае он после пересечения государственной границы СССР должен был поступать дальше? Как найти дорогу к крупному городу, к вокзалу или аэропорту? Где переночевать, как объясниться в гостинице? Как купить билет до Москвы? Нет, тут совершенно точно Бос не мог обойтись без сопровождающего. Ни в каком виде.

Полагаю, что я тут ничего слишком необычного не домыслил. Действительно, Боса можно было перебросить в Германию из Кабула не

только через Москву, но и через Турцию или Иран. Это совершенно очевидно. Тем более дорога до советской границы была исключительно опасна. Британцы могли запросто перехватить тут Боса (на самом деле они и пытались это сделать, расшифровав одну из телеграмм итальянского посольства в Кабуле). Но немцы, итальянцы и японцы предприняли достаточно существенные усилия для того, чтобы Бос попал именно в Москву. Они уговаривали выдать ему советскую въездную визу даже через свои посольства в Москве. Это несомненный факт. И, что интересно, уговорили. Ясно, что такие действия являлись результатом согласованной политики. Ну не посольства же между собой сговорились! Явно это была договоренность между тремя странами на высоком политическом уровне. О чем? О простом получении визы?

Все это признаки достаточно понятной ситуации. Германия, Италия и Япония согласованными действиями пытались подсунуть Боса Сталину. Для чего? Ясно для чего. Ведь Бос выступал за военные действия против англичан в Индии. Для того чтобы побудить Советский Союз в какой-то форме вступить в боевые действия против Великобритании с территории Афганистана, вот для чего немцы подсовывали Боса Сталину.

Самое интересное, что этот вариант не был напрочь и бесповоротно отвергнут в Москве. Кого-то там немцы все-таки смогли уговорить. Иначе виза не была бы Босу выдана. С кем они общались? Наверное, это был уровень самых ближайших сподвижников Сталина. Берия, Молотов, никак не меньше. И те наконец согласились попробовать. Если бы они в конце концов уговорили Сталина, скорее всего, вся последующая мировая история сложилась бы совсем иначе. Как? Не исключено, что Советский Союз попал бы в число государств «оси». И дальше не Германия бы напала на СССР. А СССР совместно с Германией громил бы британцев на всех фронтах. Немцы захватили бы метрополию. А Советский Союз освободил бы Индию от британского господства.

Жуткий сценарий? Это уж точно. Тогда Соединенным Штатам Америки пришлось бы воевать уже против совместных вооруженных сил Германии и Японии. И никакую Великобританию американцы в союзниках не имели бы. Мир был бы совсем иным. Скорее всего, Америка в таком случае вообще не вступала бы ни в какие мировые войны. А пыталась бы себе тихо отсидеться на своем «острове» и была бы счастлива, что ее не слишком трогают.

Тут надо сделать небольшую паузу. Речь идет о слишком серьезном вопросе. Ведь случилось именно то, что случилось. Мировая история сложилась так, что Германия напала на СССР. Советский Союз понес колоссальные жертвы. И теперь все, что связано с фашистской Германией, вообще с фашизмом, это полная анафема. Слово «фашизм» в СССР, а теперь и в России – одно из самых ругательных. И разговоры про всякое

сотрудничество Сталина с Гитлером накануне Великой Отечественной войны, это очень чувствительная тема. Даже теперь, спустя семь десятков лет, про это говорят сквозь зубы. А то и вовсе предпочитают помалкивать.

Но такое сотрудничество было, чего уж там говорить. Еще какое сотрудничество! Раздел Польши – это далеко не все. Было и военное сотрудничество. Были также поставки сырья в Германию, которая уже, заметим себе, находилась в состоянии войны с Великобританией. Зерно, каучук. Советский Союз поставлял в Германию металл, то есть исходный материал для производства оружия. Это в ситуации, когда единственным значительным источником железной руды для немцев была только Швеция.

Был еще пакт о ненападении. Обычно, когда в России говорят об этом документе, то имеют в виду, что Германия обязалась не нападать на СССР. Но это не совсем так. СССР тоже принял на себя зеркальное обязательство. То есть пообещал не нападать на Германию, которая в это время воевала с Великобританией. Иными словами, пообещал не вмешиваться в процесс уничтожения Великобритании и не выступать против Германии на стороне все той же Великобритании. В общем, как мы видим, много чего тогда было.

Однако вернемся к приезду Боса в Москву. Как известно, он оттуда на самолете немецкого посольства отправился прямо в Германию. Конечно же, смешно предполагать, что он мог сделать это сам по себе, без покровительства НКВД. Он и на сто метров к немецкому посольству не успел бы подойти, как оказался бы в сыром подвале Лубянки.

Надо полагать, в Москве на самом деле произошло следующее. Бос прибыл в столицу. И Сталину нужно было принимать очень серьезное решение – на чьей он в конце концов стороне. Приютить Боса – значило открыто связаться с Германией против интересов Британии в Индии. И Сталин, судя по всему, оказался к этому не готов. Предпочел и дальше сидеть на двух стульях. Продолжать заигрывать с Германией, но не настолько, чтобы превратиться в ее прямого военного союзника. А там, глядишь, если дела у Гитлера пойдут плохо, можно поддержать и Великобританию. В результате Боса просто переправили в Берлин.

А в Берлине увидели, что Советский Союз не пожелал перейти на сторону Германии и остальных держав «оси». Но, как известно, кто не с нами, тот против нас. Сегодня Советский Союз помогает Германии. А завтра? История с Босом показывала, что у Сталина на уме имеются и другие варианты, видимо, связанные с Великобританией. Ведь совсем незадолго до описываемых событий СССР предлагал Англии и Франции заключить тройственный оборонительный союз. Конечно же, оставлять такого колеблющегося партнера в тылу – это крайне опасное дело. И Гитлер дал команду продолжать подготовку уже одобренного им плана «Барбаросса». Очень может быть, что Сталин, отвергнув вариант с Босом, тем самым

утратил последний шанс отсрочить войну с Германией (а может быть, и вовсе ее предотвратить). В результате разразилась Великая Отечественная война, в пламени которой сгорело более двадцати миллионов наших соотечественников.

Впрочем, прошу тут понять меня правильно. Вряд ли данная книга окажется бестселлером. Ее в лучшем случае прочитают лишь специалисты в соответствующих областях. Поэтому я полагаю, что могу тут в столь откровенной манере рассматривать темы, обычно не рекомендуемые к широкому публичному обсуждению. Понятно, что союз СССР с фашисткой Германией, тем более в сослагательном наклонении, это предельно скользкий вопрос. Надеюсь, что меня в результате не сочтут пропагандистом фашизма и охаивателем советской истории. Я просто любопытный и дотошный тип, вот и все. При этом у меня в руках бесспорные факты. И как их ни перетасовывай, все равно получается, что в СССР какое-то время рассматривался и не отвергался вариант военного сотрудничества с Германией. Соответственно, рассматривался и вариант приютить Боса. Ему даже дали приехать в Москву, вот до чего дело дошло. Не хватало лишь самого последнего одобряющего «да» со стороны Сталина. То есть до последнего момента не сбрасывался со счетов и вариант войны с Британией в Индии. А это, по сути, союз с Гитлером. В результате же теперь кто-то пытается называть несчастного Боса коллаборационистом, сотрудничавшим с Гитлером. И не желает возлагать цветы к его памятникам. А сами советские лидеры вроде как и не сотрудничали ни с кем...

Однако если о военном союзе Советского Союза с Германией мы говорим только в сослагательном наклонении, то итоги сотрудничества Советского Союза с англосаксами вполне известны. Тут уж никакого сослагательного наклонения нет. И эти итоги во многом печальные. Для начала на СССР пала основная тяжесть войны с Германией. Союзнички не спешили с открытием второго фронта. Но активно договаривались со Сталиным о послевоенном устройстве Европы, да и всего остального мира. Сталин соглашался, ездил в Тегеран, в Ялту, в Потсдам. Дал согласие на Бреттон-Вудскую систему, позволившую США взять под контроль мировые финансы. Согласился Сталин и на ООН, штаб-квартира которой находится в США и работает во многом за счет сотрудников-американцев. Еще Сталин согласился напасть на Японию, которая вовсе не находилась в состоянии войны с СССР, и разгромил ее группировку в Китае. Чем как минимум спас очень много жизней американских солдат. А может быть, и в целом обеспечил победу США в войне над Японией.

И что мы за все это получили? Второй фронт? Без него в 1944 году можно было уже и обойтись. В этот момент советские войска запросто могли пойти до Ла-Манша и без помощи этих союзничков. И тогда СССР уже сам

определял бы послевоенное устройство всей Европы, без «помощи» США и Великобритании.

Главный же итог сотрудничества для Советского Союза с США и Великобританией не заставил себя долго ждать. Не успели стихнуть пушки, как Черчилль произнес свою знаменитую речь в Фултоне. А дальше эти «союзники» начали холодную войну против СССР, бойкотировали его всеми доступными способами, вели подрывную деятельность, И не успокоились, пока не добились его распада.

Однако вернемся к Босу. И прежде чем завершить часть книги, касающуюся его сотрудничества с Советским Союзом, обратимся к одному интересному документу. Это оперативное письмо одного из советских разведчиков. Оно хранится в архиве Службы внешней разведки России. Вот каково его содержание:

«... Вам еще в своем первом письме Леон сообщал о некоем индусе, бежавшем из Индии в Афганистан и нашедшем прикрытие у «пивоваров»: как позднее выяснилось, этот индус оказался никем иным, как известным политическим деятелем, бывшим руководителем индийского национального конгресса Субхи Чандра Босом.

В первых числах февраля в полпредство прибыл возглавляющий немецкую миссию в Кабуле Пильгер, который в беседе с полпредом заявил о том, что к нему явился известный индус Субхи Чандра Бос, который заявил ему, что бежал от англичан из Индии и просит у немцев покровительства. Далее якобы Пильгер связался со своим правительством по этому вопросу и получил указание направить его транзитом через СССР в Германию. Полпред обещал по этому поводу в свою очередь запросить Москву. После непродолжительной переписки полпред получил личное указание т. Вышинского выдать визу, требующуюся для проезда Ч. Б. транзитом через СССР в Германию без права остановки.

Спустя несколько дней Пильгер явился вновь и прямо заявил полпреду, что от своего правительства он получил сообщение о том, что из Москвы по нашей линии указание полпредству о выдаче Чандра Босу визы уже дано, и просил ускорить оформление документа, т. к. ему якобы с Ч. Б. заниматься надоело. При этом Пильгер спросил, нельзя ли Ч. Б. перебросить в Союз самолетом (нашим), и что, если мы согласны на это дадим, он организует с помощью итальянских инструкторов на аэродроме негласную посадку в наш самолет Ч. Б. Получив категорический отказ, Пильгер заявил, Ч. Б. будут направлять через Афганистан в Союз с итальянским паспортом, и просил его не подвергать по существующему у нас порядку вызову в полпредство для

оформления документов, а выдать визу заочно. Полпред распорядился оформить документ в порядке, требуемом немцами.

Для оформления документов Ч. Б. явился советник немецкого посла, он же зав. канцелярией, Шмидт. Он представил итальянский паспорт на имя инженера Орlando Мацотта (с фиктивной фотокарточкой). На паспорте имелась въездная виза немцев. После выдачи нашей визы № 064033 от 15/III 1941 г. для проезда через п. п. Термез – Заремба, они получили афганскую визу, и таким образом Ч. Б. в сопровождении немца Венгера 18/III выехал на машине из Кабула к границе, которую перешел 22/III. с. г.».

Не правда ли, интересный документ? Однако надо разобрать его предельно подробно. При первом беглом прочтении представляется, что немцам этот Субхас Чандра Бос не очень-то был и нужен. Пильгеру с ним якобы вообще надоело заниматься. А роль Советского Союза тут и вовсе никакая. Просто Бос проедет через его территорию, причем без остановки, вот и все.

Но давайте пройдемся по фактам, которые нам с вами известны, но не были известны автору этого письма. На самом деле немцы в момент описываемых в этом письме событий тайно активнейшим образом готовили восстание в Афганистане и дальнейшее наступление пуштунских племен на британскую Индию. Операция носила кодовое название «Пожиратель огня». И руководящая роль в этой операции отводилась как раз Субхасу Чандре Босу. А координатором всей этой операции в Кабуле был тот самый Пильгер, которому Бос якобы надоел.

Немцам Бос так «надоел», что они не поленились организовать коллективное обращение в Москве по поводу его визы. Потом спланировали его тайную посадку на советский самолет. Когда же этот вариант был Михайловым отвергнут, отправили его к границе на собственном автомобиле в сопровождении сотрудника немецкой миссии.

Нет, немцам Бос явно не надоел. Они возились с ним как надо. Но при этом, понятное дело, демонстрировали внешнюю незаинтересованность. Они даже итальянцам, своим союзникам, ничего не говорили про подготовку восстания в Афганистане с его дальнейшим распространением на Индию. Понятно, что советскому полпреду они и вовсе старались сказать самый минимум.

В общем, с немцами все понятно. А как же СССР? Действительно роль Советского Союза была чисто технической? Пропустить Боса через свою территорию транзитом и забыть навсегда про этого человека? Давайте еще раз взглянем на письмо советского разведчика. Вам не кажется странным эпизод с липовым итальянским паспортом?

Вообще-то, в любых дипломатических миссиях установлен определенный порядок по части выдачи виз. В советских посольствах этот порядок всегда был достаточно строгий. Получатель визы являлся лично в посольство, писал заявление и отдавал свой паспорт. Именно свой, а не чужой. А тут вроде бы получается очень странная ситуация. Наш полпред Михайлов получает из Москвы указание выдать визу индийцу Босу. После этого в постпредство заявляется немец и предлагает проставить эту самую визу в итальянский паспорт с фальшивой фотографией. При этом просит Боса в миссию не вызывать.

Допустим, что постпредство могло сделать исключение и поставить визу в паспорт человека заочно, без собеседования. Но ведь тут речь идет не просто о паспорте. А о заведомо фальшивом документе. Совершенно точно, что тут любой советский дипломат сказал бы абсолютно твердое и определенное «нет». Но Михайлов ничего такого говорить не стал. А выдал визу без проволочек. Такое было возможно только при одном-единственном варианте: указание из Москвы разрешало так поступить. То есть в Москве понимали, что речь идет о фальшивом паспорте. И тем не менее дали указание проставить въездную визу именно в такой паспорт. Самодеятельность Михайлова тут исключена. За такую самодеятельность можно было лишиться не только должности, но и головы. К тому же Михайлов уже показал себя как крайне осторожный дипломат. Ведь он незадолго до этого категорически отказался от личной встречи с Босом, хотя его об этом просто умолял Бхагат Рам Тальвар.

Думаю, тут можно предположить, не рискуя ошибиться, что делом Боса в Москве занимались не в Исполкоме Коминтерна, не в Наркоминделе, а непосредственно в НКВД. Только с одобрения НКВД можно было столь вольно обращаться с правилами при выдаче визы Босу.

Однако указание выдать визу было подписано Вышинским, и речь шла о транзитной визе, причем без права остановки в СССР. Ну, что касается Вышинского, то любое указание из Москвы полпреду, даже если оно изначально было сформировано в каком-то другом месте, передавалось по каналам именно Наркомата по иностранным делам. Так что подпись Вышинского не исключает, что решение было принято не им, а Берией.

А что значит «транзитная виза без права остановки»? Значило ли это, что СССР никаких дел с Босом иметь не хотел, общаться с ним ни на каком уровне не планировал, а только лишь уступал настойчивой просьбе Германии пропустить Боса через свою территорию, подчеркивая при этом, что речь идет только о транзите без каких-либо переговоров? Российские историки именно так и трактуют этот эпизод.

Я, однако, полагаю, что это не так. И вот почему. Понятно, что если в Москве и планировались какие-то переговоры с Босом, тем более на высоком

политическом уровне, это в любом случае не афишировалось. И в любом случае об этом не информировалась бы советская миссия в Кабуле. Если бы нашей миссии дали указание выдать просто въездную визу, это вызвало бы у сотрудников вопросы: почему только въездная, а выезжать он не планирует, почему?

Тем более следует учитывать, что Бос въезжал на территорию СССР формально как итальянец. Было бы странно, если бы в его паспорте стояла не транзитная виза, а какая-то другая. Ведь после получения советской визы немцы передали паспорт афганцам для получения визы уже у них. Если бы те что-то заподозрили, судьба Боса могла оказаться вовсе не завидной.

Нет, непохоже, чтобы Москва не планировала никакого общения с Босом. На всякий случай, но планировала. Видимо, предварительно было понятно, что Сталин не соглашается на активные действия против Британии в Индии. А вдруг передумает и согласится? Вдруг Бос скажет в Москве что-то такое, что изменит отношение высших советских руководителей к этому вопросу?

Кстати, известна и реакция Боса на посещение Москвы. Впоследствии он высказывал по этому поводу сожаление. Однако если ты просто едешь транзитом через какую-то страну, зачем высказывать сожаление? Нет, сожаление высказывают, если возникло разочарование. Значит, там произошло что-то такое, что разочаровало Боса. Значит, все-таки было какое-то общение. И Бос получил в ответ на свои предложения отказ. Вот он и разочаровался, увидев такое отношение. Или его огорчило, что он не смог встретиться лично со Сталиным. Тут же следует припомнить, что из Калькутты Бос планировал попасть вовсе не в Германию, а именно в СССР. Другое дело, что в Кабуле он наткнулся на непонимание советских дипломатов. И только после этого обратился к итальянцам и немцам.

Для подтверждения процитируем кусок из донесения одного из агентов СССР в Кабуле от 03.05.1942, который выяснял, как именно выехал Бос из Индии:

«1. Вопрос: Прежде чем приступить к обсуждению вопросов, я бы хотел выяснить обстоятельства вашего знакомства с БОСОМ, выезда последнего из Индии.

Ответ: Еще до ареста БОСА в Индии последний обратился к партии Кирти-Кисан с заявлением, что дальнейшее пребывание его в Индии невозможно, так как он будет арестован, и хотел бы перебраться в Москву. Руководство Кирти-Кисан поручило ЛАРКИНУ (Ачар-Синг) и мне организовать переброску БОСА. Когда в Пешавере было уже все подготовлено для этой цели, ЛАРКИН выехал в Калькутту за Босом. Но последний к этому времени был уже арестован».

А вот выдержка уже из донесения советского агента, внедренного в британскую разведку. Донесение датировано 10.07.1943:

«Но когда он попал в Кабул, то в действительности он отправился в германскую миссию, а не в русскую и предложил там свои услуги, заявив, что хочет поехать в БЕРЛИН. Однако встретились затруднения в смысле получения транзитной визы через СССР, и случайно этот вопрос разрешили итальянцы, которые выдали БОЗЕ итальянский паспорт на фамилию МАЦОТТА (который фактически являлся итальянским радиоспециалистом в итальянской миссии), и по этому паспорту русские выдали транзитную визу. Из всей этой истории неясно, имели ли они хоть какое-нибудь представление о том, что этот паспорт был фальшивым».

Как мы видим по этому документу, ни наш агент, ни британцы не очень были осведомлены о деталях поездки Боса в СССР и Германию. И даже полагали, что в СССР никто не знал о фальшивом паспорте. Не знал, и вообще считалось, что через их территорию едет никакой не Бос, а настоящий итальянский радист.

Таким образом, можно констатировать, что Субхас Чандра Бос первоначально искал контакты именно с Советским Союзом, а не с Германией. И планировал попасть именно в СССР, а не куда-либо еще.

Вообще, были ли другие маршруты выезда из Кабула, помимо Москвы? Конечно, были. Например, через Турцию или Иран. Наверное, при желании можно было найти и другие варианты. Полагаете, через Турцию было рискованно, могли перехватить британцы? А трястись пять дней на автомобиле по горным дорогам через весь Афганистан в сторону советской границы было не рискованно? Я думаю, в десять раз более рискованно. Кстати, а немецкие самолеты через Москву не летали? Сами-то немцы как попадали в Кабул? Только через Москву и только на советских самолетах?

Нет, немцы явно не для того так напрягались, так совместно с итальянцами и японцами просили в Москве насчет Боса, чтобы он просто транзитом проехал в Берлин. Они явно до последнего надеялись как-нибудь заинтересовать советское руководство в Босе и в его планах. И тем самым втянуть СССР в войну против Британии. Это действительно была достойная цель. И ради нее стоило напрягаться и обивать пороги в Москве. Цель явно оправдывала такие усилия.

Читателю тут впору еще раз усомниться. Мол, автор насочинял что-то, не имея никаких точных материалов. И пытается бездоказательно бросить тень на Сталина и других руководителей СССР. С чего это вдруг немцы должны были рассчитывать, что Советский Союз станет не то чтобы нападать на Великобританию, а даже просто обсуждать совместные с

фашистской Германией военные действия в Афганистане и Индии? Наверное, это совершенно безосновательные домыслы автора?

Давайте, как всегда, разбираться. Но для начала все-таки уточним для сомневающихся, планировал ли вообще Советский Союз в Афганистане какие-либо силовые операции. Может, это я наговариваю на миролюбивых коммунистов?

Итак, для начала лично Ленин в 1919 году отправил в Афганистан Я. Сурица в качестве не столько представителя РСФСР, сколько представителя Коминтерна. И полномочия его были сформулированы должным образом: **«...входить в непосредственные сношения с существующими и имеющими образоваться правительствами сих стран и со всеми революционными организациями, преследующими цель освобождения народов Центральной Азии от иностранного владычества».**

Потом Троцкий предлагал открыть там фронт мировой революции («**Дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию**») и в этих целях создать базу на Урале и в Туркестане для наступления на Индию через Афганистан. И уже в сентябре 1919 года по приказу Троцкого в Туркестан было отправлено 25 тысяч винтовок для немедленной передачи афганскому правительству.

А в ноябре 1919 года в Москве был проведен II Всероссийский съезд коммунистических организаций народов Востока, на котором было принято решение о **«создании восточной интернациональной Красной Армии как части международной Красной Армии».**

В Кабуле советский представитель вел активные переговоры с местными властями о заключении договора, который обеспечивал бы возможность экспорта революции в Индию. Речь шла о свободном транзите оружия, о создании опорных пунктов на границе с Индией. Однако переговоры окончились провалом, и на время Москве пришлось отказаться от активных планов по вторжению в Индию.

Перенесемся в 1934 год. Тогда, в июне министр иностранных дел Литвинов докладывал на Политбюро ЦК ВКП (б) о переговорах с Амануллой-ханом по организации восстания в Афганистане и возвращению его на престол. Было принято решение разрешить Аманулле и его сторонникам использовать территорию среднеазиатских республик для подготовки восстания и государственного переворота. В результате только в Ташкенте оказалось около 600 сподвижников Амануллы.

Однако в 1935 году Сталин принял решение больше не поддерживать Амануллу. Похоже, что-то его тогда смутило. Высказывается мнение, что Аманулла одновременно слишком активно налаживал связи с итальянцами и немцами, что и не понравилось кремлевскому руководству. Может быть,

Сталин считал, что Германия будет загребать жар чужими руками? Как бы там ни было, но на этом этапе с советской помощью в организации восстания было покончено.

Немцы тем не менее активизировали свое сотрудничество с Амануллой. Их очень интересовала возможность поднять на границе Афганистана и Индии восстание пуштунских племен. Из такого восстания явно вырисовывалась перспектива изгнания британцев из Индии.

В архиве ФСБ имеются интересные документы. В частности, речь идет о допросе Фрица Гроббы, известного немецкого дипломата. Он с 1930 по 1939 год был посланником Германии в Багдаде, а затем в МИДе курировал вопросы пропаганды в восточных странах. В протоколе одного из допросов сказано буквально следующее:

«После начала войны Риббентроп собрал у себя различных знатоков Дальнего и Ближнего Востока и обсудил с ними возможность организации диверсионных актов. [...] В частности, была обсуждена возможность организации диверсий в Британской Индии. Все присутствующие высказали мнение, что вследствие отсутствия прямого сообщения между Германией и Индией подобного рода действия могут быть предприняты только совместно или с согласия Советской России».

Действительно, немцы тогда решили, что бороться против Великобритании в Индии через Афганистан можно только с помощью Советского Союза. В результате стали готовиться две операции под названием «Тибет» и «Аманулла». Как нетрудно догадаться, одна из них планировалась в Афганистане, а другая – в Тибете.

Операция «Тибет» разрабатывалась СС и предполагала заброску агентов с большими суммами денег на подрывную работу. А вслед за ними в Тибет под видом научной экспедиции планировалось переправить две сотни немцев. Для экспедиции должны были использоваться аж три тысячи вьючных животных. А в багаже были предусмотрены помимо всего прочего даже минометы.

Целью операции «Аманулла», разработанной абвером, было **«приобретение базы для операций любого рода против Индии, сковывание английских вооруженных сил, поддержка повстанческого движения в Вазиристане».** При этом имелось в виду, что удастся свергнуть короля Захир-Шаха. Для начала в Афганистане должна была начать действовать группа численностью в две тысячи человек, которую предполагалось снабдить немецким оружием.

Операцию «Аманулла» должна была поддержать одна горная дивизия вермахта. И откуда же она должна была действовать? По планам немцев она должна была ударить по Кабулу из советского Туркестана.

Немцы не планировали участие СССР в боевых действиях. Но предполагали, что Советский Союз разрешит переброску немецких войск через свою территорию, построит пункты снабжения и поможет перебросить войска вдоль советско-афганской границы. Согласитесь, такие действия означали бы явное участие в войне на стороне Германии против Великобритании, пусть даже и без непосредственного участия в боевых столкновениях.

Мне тут возразят, что так планировали немцы. Но вовсе не Советский Союз. Хорошо, будем разбираться дальше. Параллельно с началом подготовки этих двух операций немецкий посол в Москве получил указание прозондировать позицию СССР в отношении подобных планов. 2 ноября 1939 года Шуленбург встретился с Молотовым. Однако посол слишком осторожно затронул эту тему. И Молотов, не поняв, о чем идет речь, отделался ничем не значащей репликой.

13 ноября произошла еще одна встреча Шуленбурга и Молотова. И посол уже поставил вопрос прямо в лоб. Он попросил, чтобы СССР поддержал усилия Германии в Афганистане, направленные против Великобритании. Например, демонстративно сконцентрировал свои войска на границе с Афганистаном. В записи беседы это звучит как просьба **«послать в Афганистан Амануллу и его людей для нажима на англичан, но идеалом была бы военная демонстрация на границах Афганистана и Кавказа без агрессивных намерений. Если это окажется невозможным, то желательно, чтобы советское правительство не отвергало подобных слухов»**.

Услышав такое, Молотов никаких протестов не заявил. И никакого решительного слова «нет» не произнес. А как раз наоборот, пообещал изучить этот вопрос. После «изучения» Молотов 17 ноября пригласил к себе немецкого посла и заявил, что **«не возражает»** против распространения слухов о концентрации советских войск на границе. По поводу Амануллы Молотов попытался выяснить, в чем должна была заключаться помощь СССР. Но Шуленбург сам не знал деталей. Он лишь сказал, что надо способствовать проезду Амануллы и его людей в Афганистан, а немецкой группы – в Тибет.

Я привожу некоторые слова в кавычках. В архиве внешней политики СССР имеются соответствующие записи бесед Молотова и Шуленбурга. Из них и цитаты. Но я не делаю прямых сносок, все-таки это не научная работа в точном значении этого слова. Но такие записи бесед существуют, в чем при желании можно убедиться.

Дальше Риббентроп решил вести переговоры с Молотовым не через посла, а через специального представителя – П. Клейста. Тот прибыл в Москву и провел несколько раундов переговоров лично с Молотовым. Что

именно они обсуждали, неизвестно. Советские архивы в этой части до сих пор засекречены. Почему – понятно. Но рассекречены немецкие архивы. Из них известно следующее: **«русские в принципе согласились с действиями Германии, но воздержались от окончательного одобрения»** (*Hauer M. India in Axis Strategy. Germany, Japan and Indian Nationalists in the Second World War. Stuttgart, 1980. P. 163*).

Надо полагать, что если Молотов в принципе согласился на ведение таких переговоров и тем более встречался со специальным представителем Германии, это могло означать только одно: Советский Союз не отвергал сотрудничество с Германией по данному вопросу, но уточнял какие-то детали. Если бы Молотов сказал, что СССР против переброски через его территорию немецких вооруженных формирований, а также сторонников Амануллы, то никаких переговоров, а тем более на таком высоком уровне, в принципе не было бы. Тут сам факт переговоров говорит вполне красноречиво, о чем именно они велись. И совершенно очевидно, кому именно Молотов докладывал об этих переговорах и их содержании.

Некоторые российские исследователи высказывают мнение, что речь на переговорах на самом деле не шла о подготовке Советского Союза и Германии к совместной войне против Великобритании. Советские представители якобы пошли на переговоры только для того, чтобы выявить все детали немецких планов. На это можно возразить очень кратко: для подобного «выявить» не ведутся месяцами переговоры на таком высоком политическом уровне.

9 января 1940 года Клейст отчитался об итогах переговоров перед руководителем абвера Канарисом. Тот выразил неудовольствие, что позиция советской стороны слишком неопределенная. А для успеха операций было нужно больше определенности. И Клейст опять поехал в Москву продолжать переговоры (*Hauer M. India in Axis Strategy. Germany, Japan and Indian Nationalists in the Second World War. Stuttgart, 1980. P. 164*).

В феврале 1940 года переговоры продолжились. По немецким архивным документам видно, что переговоры на этот раз шли не с Молотовым, а с представителями советских спецслужб. В конце концов Советский Союз отверг план «Аманулла», но согласился участвовать в операции «Тибет» (*Glasneck J., Kircheisen I. Turkei und Afghanistan – Brennpunkte der Orientpolitik im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1968. S. 216-217*).

Однако немцев такой подход вовсе не устроил. И 5 марта 1940 года, после пяти месяцев непрерывных переговоров Шуленбург вновь встретился с Молотовым и заявил, что вопрос об Афганистане снимается с повестки дня. Якобы переговоры с СССР не были санкционированы Гитлером (Запись беседы наркома иностранных дел СССР В. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом // ДВП СССР. М., 1995. Т. XXIII. 1. С. 131).

Больше немцы этот вопрос перед советским руководством не поднимали. Однако операции не были отменены. Они были лишь отложены до лучших времен.

Полагаю, теперь читатель сможет нарисовать себе более или менее достоверную картину взаимоотношений Германии и СССР по вопросу совместных действий против Великобритании в Афганистане и Индии. Переговоры шли и при этом на достаточно высоком уровне. Немцы надеялись, что такое сотрудничество было в принципе возможно. А советские представители в чем-то были готовы поддержать Германию. А в чем-то полагали, что поддерживать не надо. Несомненно, что все эти переговоры шли с санкции Сталина. Однако советский лидер так и не смог окончательно определиться как с операциями «Аманулла» и «Тибет», так и с Субхасом Чандрой Босом. И немцы в конце концов окончательно убедились, что Сталин не готов на полномасштабное сотрудничество с державами «оси». А частичное сотрудничество, на которое соглашался Сталин, не устраивало уже Гитлера. Ему совсем не нужна была такая неопределенность у себя в тылу. И началась Великая Отечественная война.

Ко всему вышесказанному необходимо добавить еще один интересный штрих. Перенесемся в начало 1939 года. Тогда в Москве решался вопрос о заключении тройственного союза с Францией и Великобританией. Речь шла ни много ни мало о полноценном военном союзе, предполагавшем взаимную военную помощь. Такой союз явно был бы направлен против Германии. Дело дошло до того, что 17 апреля 1939 года Советский Союз обратился с официальным предложением к Франции и Великобритании о создании единого фронта взаимопомощи. Это обращение не было опубликовано. Но оно имело место. И что же? Великобритания и Франция его отвергли. Почему и отчего – это другой вопрос. Якобы того требовали интересы стран Восточной Европы. И англичанам не хотелось дразнить Гитлера. Но что после этого должен был делать Сталин? Сидеть и ждать своей судьбы? Следует ли удивляться, что в такой ситуации он санкционировал переговоры с другой стороной, с Германией, по поводу совместных действий против Великобритании в Индии? И следует ли удивляться, что СССР после отказа Великобритании и Франции пошел на заключение пакта о ненападении с Германией?

Трудно сегодня утверждать, как далеко должен был пойти Сталин в сближении с Германией. Результат его политики шатаний и колебаний, а также попытки усидеть на двух стульях известен: Великая Отечественная война, уничтожение значительной части европейской части страны, гибель десятков миллионов советских людей, по сути, всего цвета нации. А что было бы, если бы СССР смог заключить оборонительный союз с Великобританией и Францией? Осмелился бы в такой ситуации Гитлер на войну на два фронта?

Напал бы на Польшу? Может быть, в таком случае Советскому Союзу пришлось бы уже в 1939, а не в 1941 году вступать в войну?

А если бы Сталин наоборот пошел на полное военное сотрудничество с Германией? Скорее всего, это означало бы быстрое поражение не только Франции, но и Великобритании. И полное доминирование на евро-азиатском континенте держав «оси». Такая ситуация почти наверняка оставляла бы и США за скобками, обрекая на томительное ожидание, когда очередь дойдет и до них. Но как бы в таком случае поступил дальше Гитлер по отношению к СССР? Пошел бы на полноценную войну с Советским Союзом? Наверное, ключевую роль в таком случае играла бы возможность доступа к советским запасам сырья. Если Германия получала бы такой доступ, то причин затевать войну было бы явно поменьше. И в любом случае никакие межгосударственные союзы не вечны. Наверное, даже в случае полной победы держав «оси» в какой-то момент между ними самими возникли бы противоречия, которые могли довести и до взаимной войны.

А вот как описывал в своих мемуарах Черчилль возможность полноценного сотрудничества между СССР и Германией. О визите Молотова в Берлин в ноябре 1940 года он пишет:

«В заключение фюрер заявил, что данное обсуждение в известной мере представляет собой первый конкретный шаг к широкому сотрудничеству с должным учетом проблем Западной Европы, которые должны решаться между Германией, Италией и Францией, а также проблем Востока, которые в первую очередь интересуют Россию и Японию, но в решениях которых Германия предлагает свои услуги в качестве посредника. Речь идет о сопротивлении всяким попыткам со стороны Америки «делать деньги за счет Европы». Соединенным Штатам нечего делать в Европе, Африке или Азии.

Молотов выразил свое согласие с заявлением фюрера о роли Америки и Англии. Участие России в тройственном пакте представлялось ему вполне приемлемым в принципе при условии, что Россия будет сотрудничать в качестве партнера, а не только лишь в качестве объекта. В таком случае он не видел никаких препятствий к участию Советского Союза в общих усилиях. Но прежде всего нужно четко определить цель и значение этого пакта, в частности определить границы «сферы Великой Восточной Азии».

Как нетрудно убедиться, не только я тут, в этой книге рассматриваю гипотетическую возможность участия Советского Союза в качестве четвертой стороны в союзе Германии, Италии и Японии («Тройственный пакт»). Такая возможность представлялась в 1940 году Сталину вовсе не гипотетической. Вплоть до того, что этот вариант даже стал предметом

конкретного обсуждения с Гитлером. В дальнейшем обсуждался даже конкретный текст договора между Германией и Советским Союзом.

А вот как, судя по тем же мемуарам Черчилля, видел роль Советского Союза сам Гитлер:

«1. Германия не стремится получить военную помощь от России.

2. Ввиду колоссального размаха войны Германия вынуждена для оказания противодействия Англии проникнуть на отдаленные территории, которые не представляют для Германии серьезного политического или экономического интереса.

3. Однако существуют определенные потребности, все значение которых стало очевидно только во время войны, но которые жизненно важны для Германии. К их числу относятся некоторые источники сырья, которые Германия считает абсолютно необходимыми».

Как опять-таки нетрудно убедиться, для Германии, по крайней мере на словах, Советский Союз был в первую очередь интересен как источник сырья. Значит ли это, что если бы решился вопрос доступа Германии к советскому сырью, то и причин затевать войну с государством, вступившим в тройственный союз не было бы? Кто знает! Существовали еще серьезные идеологические противоречия. К тому же СССР имел мощную армию. Могли возникнуть противоречия и разногласия по поводу раздела сфер влияния (они и возникли в Восточной Европе). Так что, повторяюсь, тут трудно гадать, как дальше пошло бы дело. Впрочем, и по этому поводу Черчилль высказывается в своих мемуарах:

«Переговоры приняли форму проекта предложений Германии о присоединении Советской России к пакту трех держав за счет английских интересов на Востоке.

И если бы Сталин согласился с этим планом, то события, возможно, на время приняли бы иной оборот. Гитлер мог в любой момент отложить свои планы вторжения в Россию. Трудно себе даже представить, что произошло бы в результате вооруженного союза между двумя великими континентальными империями, обладающими миллионами солдат, с целью раздела добычи на Балканах, в Турции, Персии и на Среднем Востоке, имея в запасе Индию, а Японию — ярого участника «сферы Великой Восточной Азии» — своим партнером».

А вот еще интересная цитата из того же источника:

«Мы, конечно, ничего не знали о сделках между Германией и Россией в целях раздела нашей империи и в целях нашего уничтожения; не могли мы также оценить еще неопределившиеся намерения Японии... Направленной против нас коалиции Германии, России и Японии — вот чего мы опасались больше всего».

Наконец, наступило 22 июня 1941 года. Немецкий посол в четыре утра явился к Молотову в Кремль и передал ему полученное из Берлина сообщение о начале войны. На что Молотов, помолчав, ответил:

«Это война. Ваши самолеты только что подвергли бомбардировке около 10 беззащитных деревень. Вы считаете, что мы заслужили это?»

1.3. Германия

Итак, Субхас Чандра Бос через Москву в марте 1941 года на самолете немецкого посла напрямик вылетел в Германию. Которая, отметим себе, к этому моменту еще не объявила Советскому Союзу никакой войны. До ее начала оставалось еще три месяца. В момент этого перелета Субхаса Чандры Боса из Москвы в Берлин СССР и Германия все еще были если и не друзьями, то уж точно пока не врагами.

До этого момента, как мы с вами видим, все эти политические игры Субхаса Чандры Боса не выходили за рамки обычных тайных операций спецслужб. Он встречался с самыми разными людьми. Кто-то его выслушивал. Кто-то не только выслушивал, но и помогал найти нужные контакты. Но к описываемому моменту, как нетрудно заметить, Бос не сделал ничего такого, за что его можно было бы записать в какие-то враги Советского Союза.

В Берлине Бос нашел полное понимание со стороны немецких властей. Он появился там 28 марта 1941 года. И 9 апреля представил немецким властям меморандум о том, как он видел сотрудничество с державами «оси». Он предлагал создать в Берлине правительство свободной Индии, начать радиовещание на Индию, организовать партизанскую борьбу в Афганистане на границе с Индией с опорой не местные пуштунские племена, получить на имя правительства Индии в изгнании заем от правительства Германии на организацию освободительной борьбы. Предполагалось также использование немецких вооруженных сил для нанесения Британии военного поражения в Индии. В дополнительном меморандуме Субхас Бос просил признать независимость Индии, а также предлагал план государственного переворота в Афганистане.

Не забыл Бос и про индийских солдат, попавших в плен в Африке. Они, по мысли Боса, могли быть использованы для создания мелких групп, которые забрасывались бы на границу с Индией и занимались бы там антибританской пропагандой, а заодно и разведкой.

Историки нередко указывают, что якобы немцы не сразу ухватились за предложения Боса. Якобы они еще довольно долго их изучали. А сам Субхас Бос тем временем мучился от вынужденного безделья. Тут нужно сделать определенную ремарку. От безделья он, может быть, действительно мучился.

Но не потому, то немцы о нем забыли. Как раз наоборот. Просто на этом этапе роль Боса была довольно пассивной. Он должен был возглавить восстание в Афганистане, если бы его удалось поднять. Но конкретно в подготовке восстания Бос не участвовал, вся работа велась по линии секретной немецкой агентуры в Афганистане.

Восстание готовили совместно итальянцы и немцы. Причем подготовка восстания была начата еще задолго до приезда Боса в Германию. Он в своем меморандуме, по сути, предлагал то, что уже и так реализовывалось по линии абвера. У немцев конкретно работой по подготовке восстания занимался посланник в Кабуле В. Хентиг. Возглавить восстание на месте должен был Факир из Ипи (религиозный лидер тори-хель Мирза Али-хан). Операция называлась «Пожиратель огня». Однако британцы оказались достаточно расторопными. Они узнали о планах восстания, выявили немецких агентов и с помощью афганских властей арестовали их. В июне – июле 1941 года стало окончательно ясно, что операция по подготовке восстания провалилась.

Вот короткая выдержка из одного немецкого справочного материала, датированная 11 ноября 1942 года и касавшаяся этой операции:

«Вся остальная деятельность, проводимая в Афганистане, как, например, высадка радистов, отправка воинских групп в пограничную область, связь Боса через Рахмат-хана, организация саботажа в Северной Индии, связь с туркменскими кругами, находится в секрете от итальянцев».

Не правда ли, коротко, но очень емко? Сразу понятно, о чем шла речь. Тут и радисты, и саботаж, и воинские группы. Операция явно готовилась с размахом.

А вот еще одна выдержка, на этот раз из доклада советского резидента в Афганистане в сентябре 1941 года:

«Одновременно ЧАНДРА БОС передал для БХАГАТ РАМА следующие поручения:

1. Единомышленникам БХАГАТ РАМА поручается направить в пограничные с Афганистаном районы своих делегатов для того, чтобы убедить племена выступить против английских властей. Делегаты должны дать обязательство руководителям племен по снабжению последних военным имуществом и заявить им, что в программу Свободной Индии входит экономическая помощь племенам и защита их от нападения противников и что на независимость и свободу племен никто покушаться не будет. Делегациям должны быть предоставлены полномочия на заключение договоров с отдельными племенами».

После провала восстания в Афганистане роль Субхаса Чандры Боса в Германии из пассивной превратилась в активную. К этому моменту Германия уже начала войну с СССР. Бос должен был включиться в работу, которая уже

до него была организована в Германии и была нацелена на подрыв позиций Британии в Индии. Уже существовали специальные программы радиовещания. В результате под эгидой фашистов Субхас Чандра Бос в декабре 1941 года организовал радиовещание «Азад Хинд Радио», а с 1942 года – так называемый «Центр освобождения Индии». И сформировал Индийский легион («Азад Хинд Легион», что в переводе звучит примерно так: «Легион освобождения Индии»). По некоторым сведениям поначалу Легион состоял из трех батальонов.

Тогда же Бос придумал приветствие «Джай Хинд», что в переводе звучит примерно как «Да здравствует Индия» или «Победа Индии». Конечно, это не «Хайль Гитлер», но какую-то связь тут можно разглядеть. Тем более, что эти слова сопровождалось вполне определенным жестом – выбросом правой руки вперед и вверх.

Бос также выбрал и национальный гимн Индии, написанный на слова патриотической песни Тагора «Джана Гана Мана». По мнению Боса, в такой многонациональной стране, как Индия, должен был быть единый язык. Таковым Бос счел наиболее распространенный хиндустани.

И тогда же Бос придумал для себя даже не то чтобы новое имя, а новое обращение «Нетаджи». В переводе с хинди «нета» означает «вождь», «предводитель», а частица «джи» – вежливое, уважительное обращение. Если быть честным до конца, тут можно увидеть связь с обращением «фюрер».

Наверное, так оно на самом деле и было. Впрочем, не будем забывать, что Махатма Ганди, очень далекий от немцев, сам тоже незадолго до описываемых событий придумал для себя имя «Махатма», которое имело примерно такое же значение. На самом деле у Ганди было совсем другое имя: Мохандас.

В настоящее время в Индии слова «Нетаджи» и «Субхас Чандра Бос» звучат примерно как синонимы. И никто при этом не копает слишком глубоко и не проводит никаких параллелей ни с какими «фюрерами». Тогда такое было время. Ульянов превратился в Ленина, Джугашвили – в Сталина. Гитлер в фюрера. Мохандас в Махатму. А Субхас Чандра Бос – в Нетаджи.

Лишь через год после приезда в Германию, 29 мая 1942 года Бос встретился с самим Гитлером. Достоверных данных о том, что именно обсуждалось на этой встрече, нет. И трудно сказать, улучшила ли эта встреча положение самого Боса, который, как известно, был несколько разочарован ее итогами. К этому моменту становилось все яснее, что Германия вряд ли сможет одержать победу над СССР. И вряд ли сможет прорваться через Кавказ в Иран и Афганистан. Якобы Гитлер на этой встрече высказал мнение, что британское господство в Индии можно ликвидировать только с помощью внешних сил, пока какое-нибудь государство не постучится в дверь. Гитлер подвел Боса к карте, висевшей на стене, и показал, какое расстояние отделяет Германию от Индии. А еще Гитлер высказался против декларации об объявлении Британией войны в Индии, сочтя, что декларация, за которой не последуют конкретные действия, не принесет большой пользы. И добавил, что Босу, наверное, лучше перенести свою деятельность на Дальний Восток, под крыло к японцам.

Мы еще вернемся к анализу этой встречи. Как представляется, она на самом деле была более содержательна, чем принято считать. А пока лишь отметим, что она имела одно дополнительное, но довольно важное последствие. Немецкая пропаганда широко растиражировала факт встречи. Бос стал фигурировать в самых различных немецких пропагандистских материалах. А он на том этапе и не стеснялся этого и не придавал этому серьезного значения. А напрасно. Не исключено, что кадры немецкой кинохроники могли сыграть решающую и самую драматическую роль в судьбе Боса, если он в конце войны действительно попал в Советский Союз через Формозу. Впрочем, мы тут слишком уж забегаем вперед.

Был и еще один нерешенный политический вопрос: правительство Индии в изгнании. Немцы не соглашались с предложением Боса о его создании. И резонно возражали ему, что такое правительство без своей территории и всех формальных атрибутов будет просто бутафорией. Зачем создавать структуры, для которых еще не созрело время? А Бос думал иначе. И 5 мая 1942 года встретился с Муссолини, которого пытался убедить, что

настало время признать независимость Индии. С предложением так поступить незадолго до этого выступили японцы. Но Гитлер и Муссолини отвергли это предложение на своей встрече, состоявшейся 29 апреля.

И вот Бос все-таки как-то смог уговорить Муссолини отказаться от этой договоренности с Гитлером. Муссолини даже согласился направить в Берлин телеграмму, в которой он выразил поддержку позиции Боса. Там же говорилось и о возможности создания правительства в изгнании. Судя по дневникам Геббельса, это предложение Муссолини было уже 11 мая отвергнуто.

Однако вернемся назад в фашистскую Германию. И остановимся поподробнее на Индийском легионе. Ведь это уже было самое настоящее военное формирование под крылом у фашистов. В него были зачислены те индийцы, которые до этого воевали в Африке на стороне англичан, однако вскоре начали сдаваться немцам в плен. Численность Легиона в конечном итоге составила по некоторым оценкам четыре с половиной тысячи человек.

Формально указанное воинское формирование вообще называлось 950 пехотным полком вермахта. И только 8 августа 1944 года 950 пехотный полк вермахта был официально переименован в "Индийский добровольческий легион Ваффен СС" (Indische Freiwilligen Legion der Waffen SS). Примечательно, что Индийский легион использовался немцами в том числе для борьбы с французскими партизанами. Грязная работа? Конечно!

Существует версия, как именно возникла идея этого Легиона. Якобы немцы выделяли Босу индийцев, которые могли бы выступать дикторами на радиовещании, ориентированном на Индию. Эти индийцы попали к немцам в качестве военнопленных, сдавшихся в ходе боев в Африке. Бос общался с этим индийцами. И пришел к выводу, что некоторых из них можно было бы использовать в агентурной работе в самой Индии. Он высказал эту идею немцам, которые ее поддержали. А потом и вовсе было принято решение перевести всех пленных индийцев из Африки в лагерь Аннабург около Дрездена. И уже оттуда Бос и начал формировать свой Индийский легион.

Конечно, это красивая версия, которая предполагает, что единственным инициатором и исполнителем идеи формирования вооруженных подразделений индийцев принадлежала Босу. На самом деле, скорее всего, все было совсем не так. У немцев была хорошо отлажена система вооруженных формирований, состоявших из граждан других стран. В таких подразделениях служили десятки тысяч иностранцев. И немцы прекрасно понимали, зачем им были нужны эти формирования. Поэтому вряд ли тут Бос был оригинален в своих предложениях. Но историки так поворачивают эту тему, чтобы обойти неприятный вопрос: кто именно решал, как использовать Индийский легион. Если его создавал сам Бос, то вроде бы он и

должен был решать. А если создали фашисты и поручили Босу руководить, то это совсем другое дело. Тогда роль Боса выглядит более неприглядной.

Насколько известно, Легион формировался довольно туго. Индийцы не очень-то рвались вступать в его ряды. Хотя сидели в концентрационном лагере для военнопленных, что явно не предполагало райских условий. К декабрю 1941 года в Индийском легионе было всего несколько десятков добровольцев. Почему индийцы не проявили желания бороться за освобождение Индии? Трудно сказать. Не исключено, что они в первую очередь не хотели умирать за интересы немцев. И не были уверены, что немцы не используют их в каких-то иных целях, помимо боевых действий непосредственно в Индии.

База Легиона была образована в Франкенберге в Саксонии. И там же Бос назвал этот Легион по-индийски – Азад Хинд Фаудж, то есть приблизительно «Армия освобождения Индии». Тем не менее это вооруженное формирование все-таки именуется историками «Индийский легион».

Известно, что до поры до времени Индийский легион никаких боевых задач не выполнял. Бойцы, которых в конечном итоге насчитывалось уже три с половиной тысячи, были, например, переброшены в Кенигсбрюк в Саксонии, где довольно приятно проводили время. Но все-таки, как планировалось использовать это военное формирование? Иногда можно встретить мнение, что Легион должен был войти в Индию на плечах германских солдат, возможно, через Узбекистан и Таджикистан, а также Афганистан. Что предполагало, если глянуть на географическую карту, предварительное поражение в войне Советского Союза. На самом деле это не так. У немцев имелся план провести в Афганистане операцию под кодовым названием «Тигр». В чем-то эта операция была похожа на свою предшественницу – уже упомянутую нами ранее операцию «Аманулла».

Операция «Тигр» могла перейти в активную фазу уже в августе-сентябре 1942 года. Речь шла о высадке десанта в районы северо-западной границы Британской Индии. Уже 10 сентября было дано указание готовить для десанта посадочные площадки в Вазиристане. А в качестве десанта предполагалось использовать именно бойцов Индийского легиона. Вот на самом деле о каком использовании индийцев шла речь. Как мы видим, этот десант никак не был связан с победами Германии на фронте с Советским Союзом. Точнее, некоторая связь все-таки была. Десант должен бы высадиться после захвата немцами Баку.

Одновременно с высадкой десанта должно было начаться восстание в Вазиристане, которое должен был возглавить Факир из Ипи (уже упомянутый нами Хаджи Мирза Сеид Али-хан). Предполагалось, что Факир из Ипи сможет поставить под ружье пятьдесят тысяч бойцов.

Сто человек из первого десанта, мусульман, должны были высадиться непосредственно в Вазиристане. Эта сотня из Индийского легиона с января 1942 года проходила специальную подготовку в разведшколе под Франкфуртом-на-Одере. Их обучали подрывному делу, работе с рацией, а также альпинизму и верховой езде. После высадки в их задачу входила подготовка площадки для высадки остальной части Индийского легиона. Потом планировалось создать воздушный мост между Кавказом и Вазиристаном.

Нужно отметить, что Субхас Чандра Бос активно участвовал в подготовке этой операции. 14 октября 1942 года он встретился с Риббентропом и попытался убедить его не тянуть с высадкой десанта. Однако Риббентроп не согласился и в ответ предложил подождать, когда немецкие войска возьмут под контроль весь Кавказ.

Время все шло. Уже наступил январь 1943 года. К этому моменту немцы смогли перебросить Факиру из Ипи по воздуху какое-то количество оружия. Но высадка десанта все откладывалась. В это время немцы вдруг решили реанимировать также и операцию «Аманулла». В ходе операции предполагалось выбросить непосредственно на Кабул немецкий десант численностью 4400 человек, с помощью которых был бы произведен государственный переворот и на трон возведен все тот же Аманулла. Но и этот план привязывался к моменту захвата Баку.

Но все эти операции так и остались на бумаге. Немцы сами от них отказались, потерпев серьезные поражения на Кавказе и под Сталинградом.

Однако справедливости ради нужно сказать, что, несмотря на отказ от этих операций, немцы с помощью Боса кое-что смогли сделать и в самой Индии, не ограничиваясь только радиовещанием и подготовкой Легиона. Ведь у Боса в Индии осталась организованная им партия «Форвард Блок». Бос благословил немцев на использование этой партии для подрывной работы. Вот что по этому поводу докладывал Риббентропу статс-секретарь МИД Германии Кешплер 8 марта 1943 года:

«Вернувшийся из Индии в Кабул агент Боса Рахмат-хан предоставил в кабульскую миссию материал для особо подробного донесения о политическом развитии Индии с начала мятежа прошлым летом, и особенно об успехах организованных Берлином диверсий. Этот доклад в настоящий момент полностью передан и дает превосходный обзор, который дополняет и поясняет уже известную картину.

Арест Ганди сперва вызвал спонтанное массовое движение в основном с незапланированными актами насилия, в которых, само собой разумеется, активное участие принимали радикальные круги активистов. По мере того как массовое движение понемногу стихло, активисты все же отделились от него и перешли к планомерным актам

саботажа, тем самым становясь настоящими носителями антибританской борьбы. С «Форвард блоком», организацией Боса, объединились в «индийский революционный комитет» различные группы: Конгресс-социалистическая партия, Бенгальские волонтеры и Кисан, т. е. радикальная крестьянская организация. Недавно стала возможной, что очень важно, совместная работа между этим Комитетом и тайным руководящим органом Конгресса. Возможности организации Боса, в плане руководства пропагандой и саботажем, значительно возросли».

Итак, вернемся к встрече Боса с Гитлером весной 1942 года. Как мы теперь знаем, в это время активнейшим образом готовилось десантирование Индийского легиона в зону пуштунских племен. А значит, не могла беседа Боса с Гитлером в это время быть бессодержательной. Другое дело, что Гитлер мог немного остудить пыл Боса, предложить ему не форсировать события. Было вновь отвергнуто предложение признать независимость Индии и сформировать правительство в изгнании. Но одновременно Гитлер и Бос несомненно обсуждали, как лучше ударить по Афганистану и Британской Индии. И не мог Гитлер на этой встрече сказать Босу, что тому следует отправиться в Японию. В лучшем случае речь могла идти о том, что в принципе правительство в изгнании лучше создавать вместе с японцами и у японцев.

Однако и Япония была причастна к операции «Тигр». Японцы создали пять разведшкол, в которых подготовили для работы с пуштунскими племенами четыре сотни диверсантов из индийцев-мусульман. Подготовкой этих диверсантов руководил этнический пуштун по имени Дуррани, который был капитаном японской армии.

Японцы даже начали перебрасывать этих диверсантов в Белуджистан. Но первую группу англичане смогли перехватить. Однако японцы и дальше пытались высаживать там своих диверсантов. В конце концов в Берлине сочли, что у японцев позиции среди пуштунских племен стали более предпочтительными. И в 1943 году приняли принципиальное решение передать инициативу в проведении тут операций в японские руки. Возможно, именно в силу этого факта и встал вопрос о переезде Боса от немцев к японцам.

Интересно отметить, что в описываемое нами время у Субхаса Боса появился конкурент. В Италии объявился некто Мухаммед Икбал Шедаи (Iqbal Shedai), который тоже стал формировать военное подразделение из пленных индийцев. И он также организовал из Рима радиовещание на Индию («Гималайское радио»). Бос якобы вступал с ним в контакт. Но Шедаи так и не согласился отказаться от самостоятельной роли и не признал Боса своим руководителем. Военное подразделение под руководством Шедаи называлось

Военным центром Индии (Centro Militare India), но просуществовало оно лишь с апреля до ноября 1942 года. К ноябрю подразделение насчитывало три с половиной сотни бойцов. Однако в ноябре было принято решение направить это подразделение в Ливию для ведения боевых действий против союзнических войск. Индийцы отказались выполнить приказ, Шедаи настаивать не стал. И в результате подразделение было расформировано.

Мухаммед Икбал Шедаи не сошелся с Босом по разным причинам. Возможно, основной была политическая ориентация Шедаи. Он выступал за создание отдельного государства Пакистан, то есть полностью разделял идеи Мусульманской лиги. Понятное дело, у Боса были иные взгляды на будущее Индии.

А с Индийским легионом вдруг возникли проблемы финансирования. Численность Легиона выросла, денег, выделяемых Босу на деятельность его Центра, стало не хватать. Что делать? Бос обратился к немцам. Те согласились финансировать Легион напрямую. Но поставили условие, что в таком случае Индийский легион должен считаться военным формированием вермахта. Бос на такое условие согласился, и члены Легиона формально присягнули Гитлеру.

Справедливости ради тут надо отметить, что это не была стандартная клятва верности. Да, члены Легиона присягали Гитлеру как главнокомандующему, но при этом оговаривали, что будут воевать за освобождение Индии, причем под началом Субхаса Чандры Боса. Такая форма присяги позволила получить необходимое финансирование. И одновременно из присяги как бы следовало, что этих индийцев нельзя было использовать для ведения боевых действий иначе, как только в Индии.

Вообще, каков был формальный статус Боса у фашистов? И какие деньги они выделяли на него и на его деятельность? Его статус был близок к представителю иностранной миссии. И немцы выделяли при этом, по некоторым сведениям, лично на Боса эквивалент восьми сотен фунтов в месяц, а на его Центр – сначала 1200, а потом и все 3200 фунтов в месяц. Более того, Босу были выделены отдельная вилла и автомобиль.

А что стало с Индийским легионом после отъезда Боса в Японию? Легион не был расформирован. Но и не принимал участия в боевых действиях. Немцы использовали его в основном для охраны тех или иных важных объектов. Сначала в Голландии, потом во Франции, в Бордо. Затем Легион был переброшен в Германию. Когда конец войны был уже совсем близок, легионеры по своей инициативе решили перебраться в Швейцарию. И в конечном итоге были захвачены в плен американскими войсками. Затем их передали британцам и французам. Французы часть из пленников расстреляли, часть бросили в тюрьму.

Многие критикуют Боса за планы военного сотрудничества с фашистами. Во-первых, они предполагали участие в вооруженной борьбе формально на стороне фашистов, а во-вторых – поражение Советского Союза от Германии. Удалось бы Босу добиться того, чтобы его этот самый Индийский легион предварительно не воевал против советских войск? И, что больше всего волновало соотечественников Боса, не привел бы такой план к смене британцев в Индии на немцев? В таком случае фашисты просто воспользовались бы Босом и его Легионом, чтобы захватить Индию. О какой свободе можно было тогда говорить?

Мог ли Бос поступить в Германии иначе? Трудно сказать. У немцев было в плену много индийцев. И, скорее всего, из них в любом случае были бы сформированы боевые подразделения. Только во главе стоял бы кто-то другой, а не Субхас Чандра Бос. И если бы немцы смогли победить СССР, они в любом случае выбрали бы британцев из Индии и в любом случае захватили бы эту страну. Следовательно, для Боса был единственный выбор: он мог войти в Индию помимо немцев (то есть как их противник) или вместе с немцами.

Спорить не станем, такой выбор, конечно же, очень сложный. Допустим, Бос вошел в Индию под эгидой фашистской армии. А потом как-нибудь организовал движение сопротивления и выбил бы немцев из страны, обеспечив ее независимость. Тогда, надо полагать, Босу списалось бы его сотрудничество с фашистами. Как известно, победителей не судят. Был с немцами, а потом повернул оружие против них. Просто тактический прием, не более того.

Хуже, если бы Бос помог фашистам захватить Индию, а те потом никуда бы не ушли. Да еще пролилась бы кровь борцов за независимость. В таком случае Бос вошел бы в мировую историю как предатель индийского народа.

Да, выбор крайне сложный. И крайне рискованный. Но он – исключительно на совести человека, этот выбор делающего. Хочешь – рискуй, ставь все на карту. И либо грудь в крестах, либо голова в кустах. Впрочем, нередко и в менее понятных ситуациях люди готовы вот так рискнуть всем. Такова уж человеческая натура.

Итак, подведем итог пребывания Боса в Германии. Там он просидел с 1941 по 1943 год. И тут он точно так же, как, например, Шарль де Голль, создавал воинские подразделения под эгидой другой страны для освобождения своей собственной. Тут Бос, как мы уже упомянули, даже удостоился встречи с самим Гитлером. А с Гиммлером и вовсе сотрудничал более чем тесно. Но к 1943 году в голове у Субхаса Чандры Боса возникли серьезные сомнения. И было от чего. Немцы не смогли быстро одолеть СССР. Более того, все уже говорило о возможности поражения Германии от Советского Союза. Куда уж тут до похода на Индию! Тем более что начало

активных операций в Афганистане планировалось после захвата Кавказа. А там, как известно из истории, немцам удача совсем не сопутствовала.

Историки спорят об этапе пребывания Боса в Германии. Кто-то говорит, что он внутренне любил Советский Союз и постепенно разочаровывался в идеях фашизма. Лично я сильно в этом сомневаюсь. Субхас Чандра Бос явно был довольно прагматичной личностью. И его пристрастия не определялись любовью к Германии или Советскому Союзу. Он хотел освобождения Индии. А СССР или Германия были к тому лишь средством. И определенными примерами государственного устройства. Хотя надо отдать должное Босу, сначала он все-таки посетил Москву, а не Берлин. И не его вина, что в Москве не нашлось достаточно прозорливого политика, чтобы его пригреть. Сталин не захотел слишком уж сближаться с Гитлером и вступать в войну с Британией, вот и отверг Боса.

Подводя итог пребыванию Субхаса Чандры Боса в Германии, еще раз подчеркнем, что его Индийский легион все-таки не участвовал в боевых действиях против Красной Армии. В том числе и на Кавказе. Мог бы участвовать. Но не участвовал.

1.4. Япония

В 1943 году Бос покинул Германию. Причем не абы как. А сначала на немецкой подводной лодке – до Мадагаскара. А оттуда уже на японской подводной лодке – до Суматры. Оттуда на самолете – до самой Японии. Немцы почувствовали, что от Боса будет больше пользы на японском театре военных действий. Да он, несомненно, и сам это понимал. И по чисто прагматическим соображениям был готов примкнуть к японцам.

Впрочем, как мы уже упоминали, якобы сам фюрер на встрече с Босом 29 мая 1942 года упомянул о возможной дальнейшей деятельности Боса не в Германии, а в Японии. Интересно, однако, отметить, что министерство иностранных дел Германии, которое курировало Боса, поначалу не очень-то поддерживало эту идею.

Сначала обсуждался вариант переброски Боса в Японию самолетом. Но по какому маршруту? Был предложен тайный перелет через территорию СССР. Но японцы возразили против этого, ссылаясь на то, что если самолет с Босом будет перехвачен, то это подорвет атмосферу доверия между Японией и Советским Союзом. В конечном итоге было решено использовать немецкую и японскую подводные лодки. Что говорило о немалом значении, которое придавали персоне Боса как немцы, так и японцы. Ведь это было военное время, и отвлекать подобные боевые корабли означало лишать себя определенных военных преимуществ на море.

Итак, Субхас Чандра Бос на немецкой подводной лодке доплыл до Мадагаскара. Именно там его ждала еще одна подводная лодка, но уже японская. На которой Бос отправился дальше, до Суматры. Кстати, считается, что это единственный в истории Второй мировой войны эпизод, когда гражданское лицо было передано с подводной лодки одного государства на подводную лодку другого государства.

А в Японии уже давно приглядывались к Индии. Настолько давно, что еще в 1941 году там у некоторых дальновидных японцев родилась идея создавать национальные армии, которые должны были вроде как освобождать собственные страны от колониального господства. А по сути, воевать на стороне Японии против ее противников, в первую очередь Великобритании. И вот в начале 1942 года была создана так называемая Индийская национальная армия. Помог японцам создать ее некто Мохан Сингх. Он был индийцем по происхождению, капитаном британских войск и попал к японцам в плен.

Эта Индийская национальная армия изначально возникла вот как. Японцы в феврале 1942 года разбили наголову англичан в Сингапуре. Те сами сдались в плен и заодно сдали в плен индийцев, которые воевали на их стороне. От англичан индийцев сдавал в плен командовавший ими до этого полковник Хант. А японский майор Фудживара передал индийцев под командование уже упомянутого Мохана Сингха.

Чтобы быть точными, упомянем, что под эгидой японцев, но в рамках международной конференции была создана и политическая организация – Лига независимости Индии, которую возглавлял другой индиец, Раш Бехари Бос, известный индийский революционер, живший в Японии.

15 июня 1942 года была проведена еще одна международная конференция Лиги независимости Индии, на которой была одобрена политика Лиги во всей Юго-Восточной Азии. Была сформулирована линия борьбы за независимость народов этого региона, Индийская национальная армия была объявлена военным крылом Лиги независимости Индии. Штаб-квартирой Лиги был выбран Сингапур. Субхас Чандра Бос не остался в стороне. Он обратился к конференции, высказав мнение, что сделать Индию независимой смогут только сами индийцы, но при этом страны «оси», т.е. Германия, Италия, Япония, являются заклятыми врагами Великобритании.

Удивительно, но после всего этого японцы вдруг решили распустить Индийскую национальную армию. А получилось вот что. У индийцев, входивших в эту самую Индийскую национальную армию, вдруг возникли сомнения, не слишком ли Раш Бехари Бос ориентирован на Японию. Хоть он и был индийцем, к тому же и с революционным прошлым, однако прожил в Японии чуть не четверть века. И вот индийцы, а также возглавлявший их Мохан Сингх засомневались, не получится ли так, что японцы будут их

использовать в своих национальных интересах, действуя через Раша Бехари Боса. Не то чтобы это был бунт. Но определенный протест, это уж точно. Японцы среагировали быстро и жестко. Индийская национальная армия была расформирована, а Мохан Сингх был отправлен туда, откуда его японцы и взяли – в лагерь для военнопленных.

Согласитесь, интересный эпизод. Это к вопросу о коллаборационистах и коллаборационизме. Индийцы вдруг взбунтовались именно потому, что не хотели, чтобы их борьбу за независимость Индии использовали японцы в своих корыстных интересах. Прямо скажем, серьезная заявка на то, чтобы не считаться коллаборационистами.

Забегая вперед, расскажем про вот какую ситуацию. В начале 1944 года Субхас Чандра Бос посетил Мохана Сингха в лагере. Тот просил его простить за выступление против японцев в 1942 году и высказал пожелание вернуться к активной работе. Бос дал указание перевести Сингха в Малайзию в более благоприятные условия (Мохан Сингх был болен). Но так и не взял его ни на какую работу к себе. Хотя имел достаточно полномочий, чтобы освободить Сингха из лагеря, и при этом испытывал нужду в квалифицированных и авторитетных кадрах. Почему? Все-таки Мохан Сингх немало сделал для того, чтобы организовать индийцев против Британии, и к тому же имел достаточно большой авторитет. Наверное, Бос не мог простить его за своеволие. Или боялся Сингха как конкурента?

После прибытия в Японию Субхаса Чандры Боса идея Индийской национальной армии была реанимирована. Японцы сочли, что Субхас Бос является бесспорным и авторитетным борцом за интересы Индии и с ним у бойцов Индийской национальной армии не будут возникать сомнения в искренности Японии. Вообще-то, именно это и произошло. Никаких сомнений у индийцев, вступивших в Индийскую национальную армию, больше не возникало. Более того, Босу поверили даже те индийцы, которые не были никакими военнопленными, а просто жили и работали в Юго-Восточной Азии. Они не только снабжали Боса деньгами, но и стали лично вступать в его армию.

О популярности Субхаса Боса говорил, например, такой эпизод. Японский офицер пытался в феврале 1943 года сагитировать индийцев, находившихся в лагере для военнопленных в Сингапуре, вступить в Индийскую национальную армию. Его слушали. Но никто, ни единый человек не согласился с этим предложением. Японец стал выяснять, в чем дело. И ему сообщили, что вот если все движение за независимость Индии в Азии возглавит Субхас Чандра Бос, вот тогда другое дело. А без него – разговора не будет. В общем-то, японцы понимали это и раньше. Так что неудивительно, что они не пожалели боевой подводной лодки, чтобы перевезти к себе С. Ч. Боса.

Итак, к моменту прибытия Боса в 1943 году в Японию идея сформировать армию, состоящую из индийцев и воюющую против британцев, стала вновь активно воплощаться в жизнь. Субхас Бос приветствовал это начинание. Ведь совсем недавно он занимался тем же самым с фашистами. Кстати, отметим себе, что на этот момент отношения между Японией и СССР были достаточно нейтральными. Япония не напала в 1941 году на Советский Союз, хотя запросто могла это сделать. И к 1943 году обе страны как минимум не находились в состоянии войны. То есть в этот момент действия Боса на стороне Японии и против британцев не были прямо направлены против Советского Союза. Да они и никогда не были направлены против СССР.

Сделаем еще одно отступление. Историки, описывая Субхаса Чандру Боса, все-таки иногда используют слово «коллорабационист». А под этим термином подразумевается лицо, сотрудничающее с врагом, в его интересах и в ущерб своему государству. То есть коллорабационист – это почти синоним предателя или изменника родины. Добавим от себя, что для того, чтобы перейти из разряда обычного предателя в коллорабационисты, как правило, надо быть более или менее заметной публичной фигурой. Если ты просто сотрудничаешь с врагом, то ты – предатель. А если ты политический деятель, то такое сотрудничество, особенно в военное время, возводит тебя уже в разряд коллорабационистов.

Вы уверены, что Бос попадает под определение коллорабациониста? Он, несомненно, сотрудничал с японцами и фашистами, которые воевали с англичанами. Но сам-то Бос никаким англичанином не был. Или не так? И ни в какой Великобритании не жил. Его родина – Индия. Страна, находившаяся в колониальной зависимости от Великобритании. Бос как раз с этой зависимостью и боролся, тут нет никаких сомнений. Да, он действовал против англичан, в том числе с использованием вооруженной борьбы. А кто они ему были, эти англичане? Ну уж точно не соотечественники.

Так, получается из Субхаса Чандры Боса коллорабационист, или нет? Он не похож на маршала Петена. Вот тот – признанный коллорабационист. Да и то как сказать. Сотрудничал с немцами? Да. Под их эгидой помогал установить так называемый режим Виши? Да. Это было направлено против интересов Франции? Вот тут я вдруг задаю сам себе вопрос: «А было бы лучше для Франции, если бы она полностью была оккупирована фашистами, безо всякого режима Виши?» Понятно, что французам было неприятно, что их соотечественник пожимал руки фашистам. Но в результате он спас много жизней, создал ситуацию, когда многие французы, имевшие основание опасаться фашистов, получили место, где можно было более или менее безопасно отсидеться. И это – коллорабационизм, предательство?

Однако вернемся в Японию. Тут уместно обратить внимание на один исторический эпизод. Как только Бос попал в Токио, его тут же принял японский премьер Тодзио. У них состоялась беседа, в ходе которой премьер заявил, что Индия в любом случае должна попасть под контроль японцев, вне зависимости от того, вторгнется туда японская армия, или нет. Означало ли это, что Бос, изгоняя англичан со своей родины, автоматически ставил ее под контроль японцев? Прямо скажем, заявление японского премьера звучало довольно двусмысленно. Затем он, правда, якобы уточнил, что речь шла только о военном времени, а в принципе Япония видит Индию независимой страной.

Тут искушенный читатель, скорее всего, усмехнется. Знаем мы этих японцев! Вряд ли они будут проводить в отношении Индии иную политику, чем в отношении, например, Китая. То есть воспользуются национально-освободительным движением, а потом установят там свое господство, по сравнению с которым власть англичан покажется индийцам либеральной и очень даже дружественной.

Сказать честно, я тоже склоняюсь к мысли, что вряд ли японцы изменили бы своим привычкам и стали делать для Индии и Боса какое-то особое исключение. Но тут мы опять попадаем в сослагательное наклонение. Как известно, Япония не смогла взять Индию под свой контроль. И потому-то нам остается только гадать, что могло бы быть, если бы японцы, с помощью Боса или самостоятельно, но все-таки покорили Индию.

Если уж мы коснулись этого вопроса, то надо также отметить, что Бос, несомненно, понимал двойственный характер сотрудничества с Японией. И довольно оригинальным способом пытался снять все подозрения. Он в своих публичных выступлениях говорил, что если индийцы не доверяют державам «оси», пусть они в таком случае доверяют ему, Субхасу Чандре Босу. При этом ссылаясь на то, что если уж британцам не удалось его подкупить, то это и никому другому не удастся.

Аргумент, конечно, сомнительный. Никто тут Боса не стал бы подкупать. Его просто отодвинули бы в сторону в удобной форме, вот и все. Наверняка японцы не остановились бы ни перед чем, если бы Бос вдруг попытался помешать им извлечь соответствующую пользу от изгнания британцев из Индии. Однако, судя по всему, это аргумент Боса на публику все-таки действовал.

Итак, вернемся в 1943 год. Попав в Японию, Бос принял активное участие в реанимации идеи создания под эгидой японцев воинских формирований из выходцев из Индии. А в июле того же года, уже в Сингапуре, формально возглавил как Лигу независимости Индии, так и Индийскую национальную армию (ИНА). Кстати, с этого момента ИНА под эгидой японцев, так же, как и Индийский легион под эгидой немцев,

получила чисто индийское название – Азад Хинд Фаудж (можно перевести как «Армия свободной Индии» или «Армия освобождения Индии»). Надо еще раз подчеркнуть, что очень не зря немцы и японцы возили Субхаса Чандру Боса на подводных лодках. Он действительно пользовался популярностью среди индийцев. Из военнопленных он достаточно быстро сформировал настоящую армию. Местные жители – этнические индийцы предоставили ему финансовую помощь. В этой Индийской национальной армии было даже женское подразделение, которое возглавляла некто Лакшми Сахгал (мы еще упомянем ее в этой книге). Всего за месяц Бос собрал таким образом около двух миллионов долларов со всех этих этнических индийцев.

Тогда же был сформулирован слоган «Дели чало» (в переводе что-то вроде «Вперед на Дели» или «Движемся в Дели»). Бос также провозгласил мобилизацию индийцев в Юго-Восточной Азии на «тотальную войну». И заявил, что его цель – собрать триста тысяч солдат и тридцать миллионов долларов.

Однако не все в Японии разделяли оптимизм Боса. Например, японский маршал Тераути высказал мнение, что эту самую армию Боса надо держать в тылу, в Сингапуре. Маршал полагал, что солдаты, которых туда набирал Бос, уже потерпели в свое время поражение, потому они не способны стойко вести боевые действия и при первой же возможности сдадутся в плен. В лучшем случае на эту армию следует рассчитывать только потом, когда Япония сама завоюет Индию. И тогда Бос должен будет сыграть свою небольшую роль – убедить индийцев сотрудничать с японцами.

Откровенная позиция? Куда уж дальше! Бос, понятное дело, возражал как мог. И как всегда прибег к красочному сравнению: «Любое освобождение Индии, обеспеченное жертвами японцев, лучше, чем рабство». Но мы тут упомянули про этого японского маршала не просто так. Как потом оказалось, прав был именно он, а не Бос. Вояки из завербованных Босом индийцев действительно оказались никакие. И в конечном итоге в самой решающей битве против своих же сотоварищей, воевавших на стороне англичан, они именно то и сделали, что предполагал японский маршал – частично отступили, частично дезертировали, а частично сдались в плен.

Однако основные битвы были тогда еще впереди. И Бос занялся определенными формальными процедурами. Еще в Германии он рассматривал возможность создания Временного правительства свободной Индии и создание независимого государства Азад Хинд. И наконец это правительство в изгнании было провозглашено 21 октября 1943 года во все том же Сингапуре. Бос стал одновременно и главой правительства, и главой государства Азад Хинд. А также министром обороны и министром иностранных дел. Всего министров поначалу было четыре.

Надо отметить, что с финансовой точки зрения это правительство было не таким уж и бедным. Бос передал Японии в дар сумму денег, достаточную для строительства десяти боевых самолетов. А также предложил Бенгалии, где в 1943 году случился голод, довольно значительное количество риса. Понятное дело, Британская Индия отклонила это предложение.

Правительство свободной Индии имело свою валюту, суд и даже гражданский кодекс. Но этого, конечно, было мало. Для государства была нужна территория, на которой существовала бы суверенная власть. А где ее взять, эту территорию? Индия находилась под контролем англичан. И тогда японцы в 1943 году решили выделить для целей этого государства территорию Андаманских и Никобарских островов. А почему бы и нет?! Ведь это были острова, входившие в состав Индии и захваченные японцами. Кстати, Бос после этого переименовал острова в Шахид (Мученик) и Сварадж (Независимость) соответственно.

Я употребляю тут слово «государство» все-таки без кавычек. И вот почему. Конечно, то, что создавал Бос, имело довольно условный характер. Но в результате именно это как бы квазигосударственное образование и легло в основу независимого индийского государства. Японцы не без помощи армии Боса смогли захватить территорию Британской Индии на юго-востоке. И часть территории двух захваченных японцами индийских штатов Нагаленд и Манипур была включена в состав этого самого государства Азад Хинд.

Однако японцы фактически так и не передали Босу полномочия по административному управлению упомянутыми островами, поскольку те играли достаточно важную роль для японских военно-морских сил. Представитель Боса имел возможность заниматься там только вопросами образования, всем остальным ведали сами японцы. Поэтому правительство Азад Хинда имело свою штаб-квартиру поначалу в Сингапуре, а затем, с начала 1944 года – в Бирме, в Рангуне. Уже там правительство разделилось на три комитета. Один был базовым, для Восточной Азии. Второй занимался индийскими территориями, оккупированными японцами. А третий комитет должен был заняться той частью Индии, которая все еще находилась в руках британцев. Были созданы новые министерства: людских ресурсов, финансов, поставок. И, конечно же, налоговое министерство.

Собственно говоря, Бос выпускал свою валюту, почтовые марки, создавал суды и принимал законы, организовал свой банк «Азад Хинд Бэнк» во многом именно для того, чтобы Азад Хинд имел все атрибуты независимого государства. Кстати, флаг этого государства лег в основу флага современной Индии. То есть преемственность тут налицо.

Мало того, Азад Хинд формально признали несколько государств: Япония, Германия, Италия, Хорватия, Таиланд, Филиппины. А вот режим Виши, хотя его и обвиняют в коллаборационизме, так и не признал Азад Хинд.

Нужно также отметить, что государство Азад Хинд сразу же после того, как оно было создано, уже 23 октября 1943 года объявило войну Британии и Соединенным Штатам. Что и неудивительно. Ведь Бос действовал под

эгидой японцев. И не мог ограничиться объявлением войны только Британии как колониальной державе. Хотя, как известно, по вопросу об объявлении войны не только Британии, но и США, в правительстве Боса возникли разногласия. Не все считали нужным формально воевать и против США. Однако тогда Бос настоял именно на таком шаге. Кто знает, не погубила ли его потом эта настойчивость. Ведь под конец войны он должен был искать себе новых покровителей вместо японцев. Получается, что он тогда своими руками исключил из списка этих предполагаемых будущих благодетелей Соединенные Штаты Америки.

Справедливости ради следует отметить, что это были не первые независимые государство и правительство в истории Индии. Еще после окончания Первой мировой войны в Кабуле индийцем Пратапом под покровительством уже упомянутого в этой книге афганского эмира Амануллы-хана было создано индийское правительство в изгнании, имевшее собственную печать, знамя и прочие атрибуты государственной власти. Оно просуществовало недолго. Но это и неважно. Прецедент, таким образом, был все-таки создан.

Индийская национальная армия под предводительством Субхаса Чандры Боса в конце концов вступила в вооруженную борьбу с англичанами. И даже смогла отбить у них часть территории. В январе 1944 года японцы приняли решение вторгнуться в Индию. Наступление началось из Рангуна. 3 февраля Бос отдал приказ ИНА выступать вместе с японской армией.

Бос полагал, что его впереди ждет блистательная победа. А почему бы и нет?! Перед этим он убедился, что индийцы, проживавшие в Азии на оккупированных Японией территориях, горячо его поддерживали. Мало того, они выделяли деньги на его армию. И даже бросали свою мирную жизнь и шли к нему на воинскую службу. Потому-то Бос считал, что, как только он вторгнется на территорию Индии, местное население тотчас же восстанет против британцев. И дальше наступление Боса превратится в один сплошной победный марш прямо в столицу Индии Дели («Дели чало»). Конечно, Бос предвидел определенные трудности. В частности, он опасался, что серьезной проблемой может быть какой-то компромисс между Махатмой Ганди и британцами против Боса и его армии.

Однако действительность оказалась совсем иной. Во-первых, японцы не слишком активно вели наступление. А 26 июля 1944 года японское командование и вовсе заявило, что сворачивает свое наступление. То есть ИНА осталась один на один с британскими войсками. Во-вторых, англичане господствовали в воздухе и немало добились своими авиабомбардировками. Самым же неприятным для Боса оказалось то, что местное население его вовсе не поддержало. А поражение его армии нанесли воинские формирования, которые хотя и подчинялись британцам, но состояли почти

исключительно из индийцев. Кончилось тем, что Индийская национальная армия потерпела довольно серьезное поражение под Имхалом в штате Манипур и отступила. А если быть до конца точным, то частично бежала, а частично сдалась в плен.

Историки спорят по поводу того, почему ИНА потерпела такое поражение. Низкий моральный дух? Плохая выучка? Не исключено. Бос не ожидал, что британцы способны дать такой отпор? Это несомненно. Напрасно была перерезана дорога между Имхалом и Кохимой, по которой британские войска могли бы отступить без боя? А так они были вынуждены дать бой.

А может быть, ошибки в организации? Тоже может быть. Японское командование предлагало Босу, чтобы его подразделения были раздроблены и приданы в качестве поддержки различным японским формированиям. Но Бос был непреклонен. Он хотел, чтобы Индию освобождали самостоятельные воинские части индийцев, которые шли бы впереди японской армии, а не японские подразделения. То есть мотивы его позиции были чисто политическими. А в результате он переоценил способность своих бойцов вести успешные боевые действия. За что и был вскоре жестоко наказан. Кстати, всего японская армия насчитывала в Бирме 230 тыс. человек, а под ружьем у Боса там было всего около семнадцати тысяч бойцов, из них в наступлении на Имхал участвовало семь тысяч.

Теперь уже пора отметить и некоторые противоречия между словами и делами Субхаса Чандры Боса. На словах он ясно выступал за то, чтобы освобожденная даже с помощью японских войск Индия была независима, в том числе и от Японии. И вот в ходе наступления на столицу Манипура Имхал в марте 1944 года японское командование обратилось к Босу с просьбой обеспечить гражданское управление в индийских провинциях, которые предполагалось захватить. Представьте себе, что эта просьба застала Боса врасплох! Он даже и не думал о том, чтобы организовывать органы власти из своих сторонников. В результате ему пришлось в спешном порядке вызвать из глубоких тылов каких-то более или менее подходящих для этого людей. Только 16 марта 1944 года Чаттерджи был назначен Босом «главным администратором оккупированных территорий». А японская армия пересекла государственную границу Индии уже через три дня.

Мало того, 24 марта японцы предложили более конкретно обсудить вопросы управления оккупированными территориями. Они хотели обеспечить нужды своей наступающей армии местными трудовыми и продовольственными ресурсами. Поскольку вопросами местной администрации должны были заниматься люди из администрации Боса, японцы хотели услышать, как именно они собирались это сделать. Но Бос

оказался не готов и к этому обсуждению. Получается, Бос исходил из того, что оккупированными территориями будут управлять японцы, а не его люди?

Видимо, как раз именно в этот период стали более ясны планы японцев в отношении Индии. Они хотели, чтобы формально освобожденной Индией управляли индийцы, в том числе и Бос. Но при этом Япония осуществляла бы реальный контроль. Возможно, речь шла о модели, уже опробованной японцами в Бирме. А что же Бос? Его реакция на эти планы нам неизвестна. Во всяком случае, он по этому поводу тогда не делал никаких громких заявлений.

Хотя кое-что тут все-таки можно сказать. В тот период англичане выпустили из тюрьмы Махатму Ганди, который сразу же выступил в поддержку усилий Мусульманской лиги о разделе Индии на два государства. Начались переговоры с Мухаммедом Али Джинной о формуле раздела страны. А Субхас Чандра Бос, как известно, всегда выступал за единую независимую Индию. И он дал указание своему министру пропаганды Сивараму выступить против этих переговоров и лично против Ганди. Министр не согласился и подал в отставку. Но при этом заявил, что он теперь убежден в том, что Бос решил стать диктатором всей Индии при поддержке японцев. А вся его политика была направлена на создание в Индии лишь беспорядков и недовольства.

Таким образом, мы видим тут реакцию не самого Боса. Но одного из его ближайших сподвижников. Который счел, что Бос думает только о своей власти, причем на штыках японцев.

Тут вполне уместно сказать еще пару слов об Индийской национальной армии (ИНА). Вообще-то, ее бойцы носили форму японской армии. Тем не менее сама ИНА, в отличие от Индийского легиона в Германии, формально имела равный статус с Японской императорской армией, что было закреплено специальным соглашением. Более того, по специальному приказу Боса в состав ИНА был формально включен и Индийский легион, который оставался в Европе на немецкой территории.

При этом ИНА, конечно же, опиралась в основном на материальную поддержку Японии. Насколько известно, японцы пообещали, что снабдят бойцов ИНА оружием, но не более тридцати тысяч человек. Материальная помощь оказывалась и в других случаях. А по итогам битвы под Импхалом было решено, что 35 тысяч человек будут содержать японцы, а остальные пятнадцать тысяч – правительство Боса.

Надо констатировать, что поражение под Импхалом – достаточно неприятное пятно в биографии Субхаса Чандры Боса. И дело тут вовсе не в том, что он не смог одержать военной победы. Именно в этом эпизоде Бос формально ближе всего подошел к неприятному статусу коллаборациониста. До этого момента дело ограничивалось в основном разговорами. Вещание на

Индию по радио, призывы к неповиновению, организация воинских формирований из этнических индийцев, сотрудничество с государствами, находившимися в состоянии войны с Великобританией. Но вот под Импхалом возникло одно новое нехорошее качество – бойцы под предводительством Боса начали убивать своих соотечественников.

Да, именно так: армия Боса, состоявшая из индийцев, вступила в вооруженное столкновение не с кем-то, а именно с такими же, как они, индийцами. До этого момента ИНА если и применяла оружие, то не против жителей Индии. А вот под Импхалом от их пуль стали погибать именно индийцы.

Может, Бос не знал, что войска, которые ему противостояли под Импхалом, состояли из индийцев? Это совершенно невозможное предположение. Всегда до этого британцы действовали по одной и той же схеме: их офицеры занимали командные должности, а рядовыми бойцами были именно жители Индии.

То есть вырисовывается следующая картина: Бос обратился к представителям другой страны, они оказали ему серьезную политическую, материальную и военную поддержку. В результате Бос сформировал воинские подразделения, которые вторглись на территорию Индии и стали убивать своих соотечественников.

До полной картины коллаборационизма не хватает только одного штриха. Эти действия должны были приносить какую-то пользу этому другому государству в ущерб интересам Индии. То, что наступление на Импхал представляли для японцев какой-то интерес, это бесспорно. Японцы хотели прикрыть свой фланг в Бирме. Да, они не придавали слишком большого значения этой операции, не предоставили достаточной поддержки. Но заинтересованность имели, это совершенно точно.

Другое дело, что тут трудно рассуждать о действиях в ущерб Индии. Она ведь находилась в колониальной зависимости. Что для страны было хорошо и что плохо? Бос считал, что Индия должна стать независимой, должна освободиться от колониальной зависимости от Великобритании. А часть политической элиты Индии думала как раз наоборот. Эти индийцы считали, что Индия должна была оказать помощь Великобритании в ее вооруженной борьбе с государствами «оси». И что Индия не должна была использовать эту ситуацию для достижения независимости.

Так что тут имеется явное расхождение во взглядах на то, что именно было полезно для Индии, а что – вредно. Да, под Импхалом армия под предводительством Боса начала убивать индийцев. Но однозначно сказать, что при этом Субхас Бос действовал в ущерб интересам своей страны и народа, но в пользу другого государства, тоже нельзя. Так что, скорее всего, и тут Бос чуть-чуть, но все-таки не дотягивает до статуса коллаборациониста.

После поражения под Импхалом Индийская национальная армия не прекратила свое существование. Более того, она и дальше участвовала в боевых действиях. Британские войска, состоявшие из индийцев, наступали в Бирме, постепенно выдавливая японцев. Те оборонялись. И часть оборонительных линий держали бойцы ИНА. То есть формально индийцы Боса продолжали убивать своих соотечественников. Но тут уже они не боролись ни за какую независимость Индии, а просто воевали бок о бок с японцами.

Я не зря тут использовал слово «формально». Поскольку фактически солдаты ИНА уже не воевали. При первой возможности они сдавались в плен или просто отступали. Приближался полный и бесславный конец Индийской национальной армии.

В этот момент Бос «отличился» одним довольно неожиданным приказом. Он разрешил любому из членов его ИНА, вне зависимости от должности и ранга, от солдата до вольнонаемного, расстрелять на месте другого военнослужащего, в том числе и офицера, если имелось подозрение, что тот вел себя как трус или предатель. Эмоциональное состояние Боса понять можно. Его армия разваливалась на глазах, дезертирство превратилось в обычную вещь. Но предоставить вольнонаемному заведующему складом или рядовому бойцу законное право расстреливать офицеров по первому подозрению, это было, конечно, уже перебором. Кто угодно мог по этому приказу убить кого угодно, сославшись потом на то, что «подозревал» его в предательстве.

В апреле 1945 года японцы заявили, что уходят из Бирмы. И Бос занялся тем, что расформировал остатки находившейся в Бирме своей армии и отправил военнослужащих по домам. Благо, что многие жили не в Индии, а в Юго-Восточной Азии, все еще находившейся под контролем Японии. А в начале мая в Рангуне последовала и формальная капитуляция ИНА. Но Индийскую национальную армию при этом представлял не Бос, а его генерал Логанадхан. Примерно в это же время капитулировала и фашистская Германия.

Нужно отметить и еще одну нелицеприятную для Боса деталь. Ни при наступлении на Импхал, ни при отступлении по территории Бирмы Субхас Чандра Бос никогда не находился в расположении своей собственной Индийской национальной армии непосредственно в период ведения боевых действий. Либо он сидел в Рангуне, либо в каких-то других городах на востоке Бирмы. Но только не непосредственно в расположении собственных войск. Историки описывают героические эпизоды, когда Бос рвался на передовую, а его уговаривали это не делать. Но факт остается фактом: может, и рвался на передовую. Но так до нее и не доехал.

Выходит, Бос был трусом? Конечно, нет. И об этом говорит вся предыдущая жизнь Боса, полная рискованных походов. Однако ясно, что Бос был хорошим организатором, блестящим оратором, эрудированным политиком. Но он не был гениальным военачальником. И как военачальнику ему точно нечего было делать непосредственно на фронте. Другое дело, что он должен был там побывать как политик, который заботится о своей репутации.

В 1945 году Субхас Чандра Бос погиб. Точнее, исчез без следа. И в результате Азад Хинд тоже перестал существовать. Там не оказалось столь же авторитетных, как он, лидеров, которые могли бы встать во главе движения сопротивления.

1.5. Идеология Субхаса Чандры Боса

С этим таинственным исчезновением разберемся чуть дальше. А пока обратимся к идеям, которые разделял Субхас Чандра Бос. Что несложно, поскольку этот политический и военный деятель излагал свои взгляды достаточно подробно, и по большей части на бумаге. Тут можно условно выделить три самостоятельных периода. Первый, который закончился в 1933 году, когда Бос изложил свое понимание политических движений в Европе и дал оценку индийскому движению сопротивления того периода («Антиимпериалистическая борьба и Самьявада», Лондон, 1933). Окончанием второго периода можно считать 1941 год, когда Субхас Чандра Бос анализирует результаты двух предшествующих десятилетий борьбы индийского народа за независимость («Блок Форвард – его обоснование», Кабул, 1941). Третий период, когда к 1944 году Бос подводит определенные итоги вооруженной борьбы индийцев в Юго-Восточной Азии под эгидой Японии («Фундаментальные проблемы Индии», Токио, 1944).

Итак, первый период, до 1933 года. Сразу отметим характерную черту замечок Субхаса Чандры Боса – он явно критически относится к политике, которую проводил Махатма Ганди. Нет, Бос не рискует прямо назвать его предателем, действующим в интересах англичан, а не народа Индии. Но несомненно, что эта мысль посещала Боса. Его оценки подчас настолько жесткие, что в них не хватает разве что только самого слова «предательство». Что и неудивительно. Мы с вами еще пройдемся в этой книге по некоторым ключевым событиям того времени и по роли в них Махатмы Ганди. Я не индеец и мне, в отличие от Субхаса Чандры Боса, легко делать неприятные выводы. Потому я прямо и говорю, что поступки Махатмы Ганди очень четко укладываются в образ поведения «засланного казачка». Может быть, он и не был предателем. Но тогда он играл еще более незавидную роль –

препятствовал движению сопротивления не в силу тайного сотрудничества с англичанами, а по недоумию. Что – крайне сомнительно.

1.5.1. Гражданское неповиновение и Махатма Ганди

Вот некоторые из высказываний Субхаса Чандры Боса, касавшиеся завершения этапа ненасильственной борьбы с англичанами: **«Сегодня наше положение аналогично положению армии, которая неожиданно сдалась без каких-либо условий своему врагу в самой середине эффективной и сильной борьбы»**. Бос называет и причину. Это не желание нации сдаться, не бунт этой «армии» против своих лидеров, не исчерпание ресурсов. Нет, тут Бос говорит более чем определенно. Такая сдача «армии» без боя произошла потому, что **«...либо Главнокомандующий устал из-за непрерывного подхлестывания вперед и вперед, либо его ум и суждения были затуманены в силу субъективных причин, которые посторонний наблюдатель неспособен понять»**. Как вам такая оценка? Ведь «главнокомандующий» – это не кто иной, как сам Махатма Ганди. Очень нелестные слова, прямо скажем.

Попробую своими словами передать суть еще некоторых оценок Субхаса Чандры Боса. Он соглашается, что в период с 1920 по 1930 годы Махатма Ганди был непрекращаемым авторитетом для индийцев, боровшихся за независимость. Бос также считает, что в целом в тот период было два возможных пути борьбы за независимость. Первый – бескомпромиссная вооруженная борьба. И второй – путь компромиссов. По мнению Боса, за тринадцать лет, начиная с 1920 года, сложилась полная мешанина этих двух

путей. Была и вооруженная борьба. Но частично это был путь компромиссов, попытка добиться от Великобритании каких-то частичных уступок. В результате успеха не удалось добиться нигде. **«Мы как политические борцы не были в достаточной мере эффективны в вооруженной борьбе и одновременно не были эффективны как дипломаты».**

Позволю себе еще одну цитату: **«В 1922 году, когда вся нация восстала в едином порыве, и можно было ожидать высокой жертвенности, в этой время наш Главнокомандующий неожиданно выбросил белый флаг».** Это Субхас Чандра Бос вновь говорит о Махатме Ганди.

Бос находился в прямой оппозиции к Ганди и тогда, когда ИНК принял в 1929 году в Лахоре Декларацию о независимости. Как едко подмечает Бос, эту Декларацию можно было понимать как угодно. Тем более, что ее название звучало как «Пурна Сварадж», а это словосочетание, по мнению Боса, можно было толковать довольно свободно.

В конце концов в 1930 году Махатма Ганди выступил со своими 11 пунктами, которые, как он полагал, и составляли существо Декларации о независимости Индии и могли лечь в основу компромисса с британцами. По мнению Боса, тем самым все достижения Декларации о независимости, провозглашенной Индийским национальным конгрессом в Лахоре, были сведены просто к нулю. Тогда, в 1930 году Индию вновь всколыхнули спонтанные действия индийцев, боровшихся за независимость. Как известно, в марте 1931 года был заключен так называемый Пакт Ганди-Ирвина, которого мы подробно коснемся чуть дальше. По мнению Субхаса Чандры Боса, это была большая политическая ошибка, поскольку в результате эти спонтанные выступления были погашены. В любом случае, как считал Бос, даже если и можно было попытаться добиться какого-то компромисса с британцами, это надо было делать позже, может быть, через полгода или даже год, чтобы движение сопротивления успело набрать силу.

Бос сомневался и в содержании этого Пакта Ганди-Ирвина. Он был убежден, что документ был совсем не идеальным. Как осторожно выразился в этой связи сам Бос, при выработке документа можно было проявить больше государственного видения и дипломатии. По мнению Боса, пакт был выгоден британцам и означал полную катастрофу для народа Индии (**«По сути дела, Пакт был выгоден Правительству и был катастрофой для народа».**).

Еще одна оценка Субхаса Чандры Боса: он полагал, что в период после заключения этого пакта Индийский национальный конгресс никак не использовал протестные настроения как на юго-востоке Индии, так и в Бенгалии. **«По сути я не выскажусь неверно, если стану утверждать, что было сделано все возможное, чтобы избежать возобновления прямого столкновения».** То есть, по мнению Боса, ИНК действовал в этот период в

пользу англичан, не давая вновь разгореться вооруженной борьбе, направленной против них.

Субхас Чандра Бос высказал и конкретные замечания по Пакту Ганди-Ирвина. И они опять довольно-таки нелицеприятные для Махатмы Ганди. Вот эти замечания:

1. В пакте нет ни слова об обязательствах Британии по части основного вопроса – о независимости Индии.

2. Пакт совершенно необоснованно предусматривает федерализацию.

3. В пакте не предусмотрено условия об освобождении из тюрьмы солдат, отказавшихся стрелять в безоружную толпу.

4. В пакте не предусмотрено условие об освобождении из тюрем всех осужденных за участие в беспорядках, а также всех тех, кто находится в тюрьмах без суда и следствия.

5. В пакте не предусмотрено прекращение расследования в рамках так называемого дела о заговоре в Мируте.

6. В пакте не предусмотрено условие об освобождении из тюрем других политических заключенных, помимо тех, которые участвовали в акциях гражданского неповиновения.

В результате отсутствия всех этих договоренностей пакт, по мнению Боса, по сути, означал, что Индийский национальный конгресс превратился в орган, представляющий только ту часть индийского протеста, который был связан с Сатьяграхой (гражданским неповиновением). А остальные слои индийского общества, в частности, те, которые боролись с британцами с оружием в руках, оказались брошенными Индийским национальным конгрессом на произвол судьбы.

В целом к этому моменту Субхас Чандра Бос пришел к выводу, что путь компромиссов и эволюционных переговоров с Великобританией являлся абсолютно бесперспективным. Более того, говоря о методе борьбы, которым надлежало пользоваться в дальнейшем, он заявлял, что страна уже отвергла путь периодических компромиссов. По его словам, **«поддержка, которую наша страна предоставила Индийскому национальному конгрессу, была обусловлена тем фактом, что ИНК пообещал добиться независимости Индии и пообещал бороться за это до тех пор, пока эта цель не будет достигнута. Поэтому, определяя нашу будущую политику и планы, мы должны исключить, раз и навсегда, перспективу периодических компромиссов».**

Напомню читателю, что эти слова были сказаны в 1933 году, как раз после десятилетия, в течение которого Махатма Ганди претворял в жизнь свои идеи гражданского неповиновения. Такова была довольно-таки нелестная оценка Субхасом Чандрой Босом этого периода, увенчавшегося заключением Пакта Ганди-Ирвина.

По мнению Боса, наступление на Британию надо было вести по двум направлениям. Первое – полная экономическая блокада англичан. Второе – борьба с оружием в руках. Кстати, тут Бос сравнивает положение Великобритании и Индии с положением Германии в ходе Первой мировой войны. Германия имела военное преимущество, но проиграла войну именно из-за грамотно организованной блокады со стороны союзных держав.

Бос предложил и нечто более конкретное для того, чтобы вытеснить англичан из Индии:

1. разрушить систему сбора налогов;
2. не давать британской администрации получать внешнюю помощь, как финансовую, так и военную;
3. перетянуть на свою сторону индийцев, находящихся на службе у англичан, в частности, в армии, полиции и на государственной службе;
4. прямая вооруженная борьба с целью захватить власть.

Субхас Чандра Бос также вполне резонно высказывает мнение, что для борьбы за независимость очень нужны боевые кадры. То есть нужны индийцы, которые готовы пожертвовать своей жизнью ради победы. Тут для себя отметим, что это были как раз те самые индийцы, которые подставили себя под дубинки и пули в рамках идей гражданского неповиновения, распространявшихся Махатмой Ганди. И погибли, не нанеся никакого урона своему врагу. Этих эпизодов мы подробнее коснемся в другой главе книги.

Бос также высказывает мнение, что борьба против англичан должна вестись на научной основе. То есть в том числе на основе опыта такой борьбы за независимость других стран. Тут Бос косвенно опровергает тезис о том, что у Индии должен был быть какой-то свой собственный путь к независимости, например, путь гражданского неповиновения.

Вполне резонно Субхас Чандра Бос предлагает готовить не только бойцов для непосредственной борьбы с режимом британцев, но и готовить кадры, которые могли бы грамотно управлять будущей независимой Индией, смогли бы направить развитие страны и ее народа в правильное русло. При этом Бос подчеркивает, что на такую роль не годятся лидеры, которые руководят борьбой за независимость. По его мнению, задачи, стоящие на этапе такой борьбы и на этапе строительства нового государства, принципиально различаются. Надо ли понимать этот тезис Боса как его нежелание видеть во главе независимой Индии Махатму Ганди?

Есть и еще один интересный вопрос, который поднимает Субхас Чандра Бос в своих записках того времени. Он горько сетует, что Индийский национальный конгресс игнорирует вопросы пропаганды, в том числе и на международном уровне. И тем самым полностью упускает возможность повлиять на мировое общественное мнение по вопросу о независимом статусе Индии, в том числе и в самой Великобритании. Тут надо еще раз

процитировать самого Боса: **«Наверное, я ничем так не восхищаюсь в британцах, как их ловкостью в пропаганде. Британцы рождаются пропагандистами, и для них пропаганда – это более сильное оружие, чем пушка».** Читатель, я надеюсь, запомнит это высказывание. В следующей главе мы попытаемся оценить личность Махатмы Ганди, и нам эта цитата там очень пригодится.

По Босу получается, что сами индийцы, в том числе и их организованная часть, ИНК, были совершенно беспомощны по части пропаганды. А англичане, наоборот, были исключительно искусны в этой области. И как теперь нам оценивать феномен необычайного роста популярности Махатмы Ганди не только в Индии, но и далеко за ее пределами? Неужели англичане не приложили руку к такой мощной международной «раскрутке» Махатмы Ганди?

Кстати, уместно также упомянуть, что уже в тот период Бос высказывал мнение, что после обретения независимости Индия могла бы взять на вооружение модель экономического устройства, сформировавшуюся в СССР. Бос видел много общего между СССР и Индией и рассматривал Советский Союз как успешный пример развития экономики на принципах, существенно отличающихся от капиталистических.

1.5.2. Государственное строительство

Есть и еще одна любопытная черта в рассуждениях Боса того периода. Он не напрасно отдельно говорит о подготовке индийцев к выполнению государственных функций в будущей независимой Индии. По мнению Боса, Индийский национальный конгресс вовсе не годится на роль кузницы будущих кадров государственных чиновников. Вместо ИНК Бос предлагает создать новую политическую партию, Самьявади Сангх. Переводится приблизительно как «Самоуправляемое государство». Согласитесь, нередко правящей партией при смене власти становится как раз та партия, которая и обеспечила такую смену власти. А Бос вдруг напрочь отвергает Индийский национальный конгресс. Почему? Тут остается только гадать. Но не исключено, что Субхас Чандра Бос критически относился не только к фигуре Махатмы Ганди, но и ко многим другим индийцам, находившимся в руководстве ИНК. Надо ли было понимать эту позицию так, что британцы разрешили существование только такой политической организации, которая их в достаточной мере устраивала и которая была в необходимой мере управляема? Или, предлагая создать такую новую партию, Бос лишь хотел закрепить свое лидирующее положение на индийской политической сцене?

1.5.3. Итоги гражданского неповиновения

Давайте теперь перейдем к исследованию теоретического наследия Субхаса Чандры Боса второго периода. Он подвел итоги своего мировоззрения уже в Кабуле, в феврале – марте 1941 года, на пути в СССР, а затем и в Германию. Его записки назывались «Форвард Блок – его обоснование» («Forward Bloc – Its Justification»).

Этот документ Бос начинает с того, что предлагает проанализировать «с диалектической точки зрения» политику Индийского национального конгресса за прошедшие десятилетия, а также идеи Махатмы Ганди, касающиеся гражданского неповиновения. В результате Бос пришел к следующим выводам. В силу разных причин к 1919 году с политической сцены Индии ушли прежние авторитетные лидеры, а само политическое движение сопротивления оказалось на перепутье. В этот момент и оказался востребованным Махатма Ганди, выступавший как представитель левых взглядов. Возник, как его называет Субхас Чандра Бос, гандизм. И этот самый гандизм довлел над Индийским национальным конгрессом в течение целых двадцати лет.

По мнению Боса, Индийский национальный конгресс в эти годы занимался тем, что перехватывал идеи и политику других направлений борьбы за независимость. И тем самым **«оставлял их паруса без ветра» («Gandhi Movement took the wind out of their sails by accepting many of their ideas and policies».)**. Например, в декабре 1928 года на конгрессе в Калькутте сформировался протест против гандизма со стороны Лиги независимости. Но тут Махатма Ганди выступил за предоставление Индии статуса доминиона, одновременно противодействуя резолюции по независимости и разрушая ее. Однако уже через год сам же Махатма Ганди на конгрессе в Лахоре выдвинул свою версию Декларации о независимости в рамках ИНК. **«В рамках этого процесса ассимиляции Движение Ганди смогло сохранить свой прогрессивный характер и предотвратило возникновение и развитие какого-либо существенного левого крыла».**

Согласитесь, это интересные наблюдения Субхаса Чандры Боса. С одной стороны, ИНК так и не добился независимости для Индии. Но одновременно не дал и другим политическим направлениям набрать силу. Внешне такая ситуация была вполне выгодна для англичан. ИНК выступил как своеобразный предохранительный клапан, в более или менее безопасной для Великобритании форме спускавший пар из индийского политического котла.

Субхас Чандра Бос анализирует дальше действия Махатмы Ганди и его идеи. Как отмечает Бос, в марте 1931 года был заключен Пакт Ганди-Ирвина. А затем в январе 1932 года Ганди вновь запустил идеи Сатьяграхи,

гражданского неповиновения. Но уже в мае 1933 года Махатма Ганди отказался от идей Сатьяграхи, когда они не нашли понимания в обществе.

Вообще-то, Бос не без оснований ассоциирует себя с левыми взглядами и левым крылом движения за независимость Индии. И он уделяет довольно много внимания отношению Ганди именно к этому левому движению. В 1934 году была создана Социалистическая партия Конгресса. Поначалу Ганди к ним благоволил. И с 1936 по 1938 годы социалистам предлагались даже места в Исполкоме ИНК. Более того, в 1938 году Ганди и его сторонники даже поддержали кандидатуру самого Субхаса Чандры Боса на должность президента ИНК.

Однако в сентябре 1938 года отношение Махатмы Ганди к социалистам резко изменилось. Он вдруг счел, что в рамках ИНК с ними не может быть никаких компромиссов. В результате Махатма Ганди уже в начале 1939 года воспротивился избранию Боса на должность президента ИНК. Что же такое радикальное произошло в этот период? Внешне противоречия возникли по двум вопросам: федерализм и отношение к войне.

Субхас Чандра Бос выступил против переговоров с британцами по федерализму. А Махатма Ганди и его последователи в ИНК пытались договориться с Великобританией по этому вопросу. Но главное – это то, что Бос выступил за активизацию борьбы за независимость Индии. И даже за то, чтобы предъявить британцам жесткий ультиматум по этому вопросу.

1.5.4. Участие Индии во Второй мировой войне на стороне Великобритании

Между Босом и Ганди возникли разногласия и по вопросу о войне. В то время британцы приняли активное участие в подготовке мюнхенского сговора с фашистами. Для Боса было понятно, что речь идет всего лишь об отсрочке начала большой войны. И он считал, что индийцы должны определиться в этом вопросе. С кем они и за защиту чьих интересов они будут выступать.

Бос полагал, что наступило благоприятное время избавиться от британского господства. Именно сейчас, накануне войны, в которую была бы втянута и Великобритания, складывалась удобная ситуация для защиты своих собственных интересов.

Однако Махатма Ганди и его сторонники в ИНК считали иначе. И Ганди выступил за участие Индии в войне на стороне Великобритании. Тут я как автор данной книжки должен перевести дух. Ничего себе ситуация! Великобритания попала в тяжелое положение, ей надо воевать с фашистами. Тут не до далекой Индии. Для британцев в этот момент воевать на два фронта – в Европе против Гитлера и в Индии против ее народа было бы явно

очень сложно. Иными словами, более благоприятной ситуации, чтобы вырваться из-под британского ига, нельзя было и придумать. И в такой момент Махатма Ганди вдруг выступает за то, чтобы не воевать за независимость, а, наоборот, втянуть его собственную страну в войну, да еще на стороне колонизатора! У меня просто нет слов. Кто-то тут все еще продолжает сомневаться, каковы были истинные отношения Махатмы Ганди и британцев?

Более того, в этот момент Махатма Ганди даже изменил своим идеям гражданского неповиновения и отказа от насилия! Он счел, что даже таким путем не следовало больше бороться с англичанами. Ничего себе поворот во взглядах!

Единственно, что себе позволил Ганди, это заниматься индивидуальной Сатьяграхой. То есть всей стране – нельзя. А он будет в одиночку противостоять британцам своим гражданским неповиновением. Еще Ганди оставил за собой право в целом выступать против войны.

Субхас Чандра Бос констатирует все эти особенности в позиции Махатмы Ганди. Он, единственно, не может себе позволить то, что можем теперь мы – называть вещи своими именами. Не смог он прямо назвать Махатму Ганди предателем своего народа. Хотя, судя по всему, очень хотелось.

Конечно, британцы всеми силами помогали членам Индийского национального конгресса устроить свою собственную хорошую жизнь. А почему бы и не помочь, если ИНК занимал такую лояльную позицию? И британцы с 1937 года пошли на то, чтобы члены ИНК участвовали в административном управлении в Индии на местном уровне. То есть должности и небольшая власть в обмен на лояльность.

1.5.5. Джавахарлал Неру

Кстати, тут вполне можно упомянуть и еще одного известного индийского политика того времени, близкого соратника Ганди Джавахарлала Неру. Вот что он в то время написал Босу в мае 1940 года, после поражения Франции: **«Я думаю, было бы неверно для нас в этот специфический момент, когда Британия находится в опасности, воспользоваться ее бедственным положением и наброситься на ее горло».** Примерно те же слова Неру произнес тогда же на публичном митинге в Лакнау.

У меня просто нет слов. Ничего себе борцы за независимость Индии от британского господства! Какая трогательная забота о колонизаторах! Не следует пользоваться сложным положением Британии, чтобы бороться за свою независимость! Надо понимать, что Неру был за то, чтобы бороться за независимость только тогда, когда самой Британии ничего не угрожало, и она

могла спокойно заняться разбиванием голов мятежных индийцев. Да, особого были сорта эти «борцы за независимость»!

Бос ответил Джавахарлалу Неру следующим образом: **«Давайте перестанем говорить о том, как спасти Британию с помощью Британской империи или Индии. Индия в этот серьезный момент должна в первую очередь думать о себе... Индийцы должны немедленно потребовать передачи им власти в форме временного национального правительства»**. По моим меркам, ясный ответ, но вовсе не радикальный. Тут нет ни слова про вооруженную борьбу. Однако и за это скромное возражение англичане тут же обвинили Боса в подстрекательстве к мятежу. И 2 июля посадили в тюрьму. Надо полагать, при этом англичане одновременно поблагодарили Неру за лояльность. Правда, вскоре Боса перевели из тюрьмы под домашний арест, откуда он 17 января успешно и удрал. А ведь на 26 января уже был назначен суд по обвинению в мятеже. Однако уже 28 марта 1941 года Субхас Чандра Бос очутился в Берлине.

А кстати, кем был этот Джавахарлал Неру? Как выясняется, он тоже поддерживал контакты с немцами. Более того, имел в Берлине своего представителя, которого звали Намбьяр. И этот самый Намбьяр в конечном итоге вступил в контакт с Босом, когда тот находился в Берлине. Более того, Намбьяр активно помогал Босу руководить Центром «Свободная Индия».

1.5.6. «Форвард Блок» и левое движение

А вот еще одна оценка Субхасом Чандрой Босом Индийского национального конгресса, Махатмы Ганди и его сподвижников: **«Персонально я не возражал бы против попыток сторонников Ганди монополизировать власть или действовать в авторитарном стиле, если бы они были революционной силой. Но, к сожалению, гандизм перестал быть революционным. Нет никакой надежды, что он успешно поведет нацию к ее цели – национальной независимости»**.

И вот Субхас Чандра Бос подводит читателя к естественному выводу: ИНК и Махатма Ганди со своими сторонниками не способны добиться независимости страны. Следовательно, этим должно заняться другое политическое образование. И Бос его предлагает. Это «Форвард Блок», который был создан еще в мае 1939 года, вскоре после того, как Бос ушел с поста президента ИНК. Субхас Чандра Бос рассматривал именно эту политическую силу как центр консолидации всех левых сил страны. Речь при этом шла не о новой партии, а именно о блоке нескольких левых партий.

Однако процесс объединения столкнулся с серьезными проблемами. В силу разных причин, но партии левого толка никак не могли договориться о том, как именно и в какой форме они должны координировать свои действия.

А что Бос вообще понимал под левым движением? Какие именно ценности преследовали левые, в его понимании? В первую очередь это была идея антиимпериализма. То есть достижения настоящей независимости Индии. Тут Бос довольно ядовито отмечает: **«а не независимости по Махатме Ганди»** (**«not Mahatma Gandhi's substance of independance»**).

Затем, после достижения независимости Индии, левые должны были обеспечить устройство Индии по социалистическому образцу.

Настоящие левые, в понимании Боса, должны были бороться на два фронта. Во-первых, против империалистических сил. И, во-вторых, против союзников империализма внутри страны, то есть против правого крыла движения за независимость, готового пойти на сделку с империализмом. Понятно, что к этому правому крылу Субхас Чандра Бос всецело относил ИНК, находившийся в руках сторонников Махатмы Ганди. И тут оценка Боса вполне откровенна: **«Гандизм предусматривает полный компромисс с империализмом, поскольку Сатьяграха Махатмы Ганди (или гражданское неповиновение) должна окончиться компромиссом. Но «Форвард Блок» не пойдет на сделку с империализмом»**.

Бос выступил против оценки Великобритании как революционной силы, боровшейся с нацизмом и фашизмом. По мнению Боса, эта была форма империалистической войны. К тому же, как отметил Бос, **«Советский Союз, величайшая революционная сила в мире, заключил торжественный мир с нацистским правительством»**.

1.5.7. Советский Союз

Вот мы с вами и добрались до позиции Субхаса Чандры Боса в отношении Советского Союза. Насколько тут Бос был объективен? Великобританию он считал колониальной державой, что было вполне справедливо. И в первую очередь искал способ избавиться от ее господства. Понятно, что в таком случае борьбу против фашизма он считал вторичной и менее важной.

А как должен был Бос относиться к фашистской Германии, если его кумир, Советский Союз, заключил именно с этой страной пакт о ненападении? Ведь в начале 1941 года вопрос о союзе СССР с Великобританией не стоял в повестке дня ни в какой форме.

В заключение Бос излагает основные принципы и цели своего «Форвард Блока»:

1. Полная национальная независимость и бескомпромиссная борьба с империализмом, чтобы добиться этой цели.
2. Построение современного социалистического государства.
3. Создание крупного производства, способного возродить страну.

4. Социальная собственность и социальный контроль над производством и распределением.
5. Свобода личности в вопросах вероисповедания.
6. Равные права для личности.
7. Языковая и культурная автономия всех секторов индийского общества.
8. Применение принципов равенства и социальной справедливости в построении нового порядка в свободной Индии.

Нетрудно заметить, что политические и экономические взгляды Субхаса Чандры Боса были почти полностью социалистическими. Не исключено, что, если бы он действительно смог прийти к власти и осуществить свои идеи на практике, мы бы имели на месте современной Индии самое настоящее социалистическое государство. И к 1941 году в его взглядах совершенно точно не было ничего такого, что можно было бы расценить как враждебное Советскому Союзу. Да и потом ничего подобного не было.

1.5.8. Окончательное формирование идеологии Боса. Коммунизм и национал-социализм

Наконец мы переходим к документу, написанному Субхасом Чандрой Босом в 1944 году. Своеобразное подведение итогов его предыдущей жизни, а также окончательная оценка движения за независимость Индии. Эта работа называется «Фундаментальные проблемы Индии».

Бос обращается к довольно-таки глубокой истории индийского движения сопротивления, к 1857 году, к моменту осязаемого поражения от англичан. И ставит вполне логичный вопрос: почему борцы за независимость Индии с тех самых пор не ставили во главу угла вопрос об оружии, почему давали себя разоружить? По мнению Боса, именно отсутствие необходимого оружия и не позволяло так долго добиться независимости.

Интересна довольно умеренная оценка Босом политики Махатмы Ганди: **«В развитие этой борьбы за независимость Индия позволила себе эксперимент – гражданское неповиновение и пассивное сопротивление, самым ярким представителем которого был Махатма Ганди. Хотя лично я полагаю, что этот метод не окажется успешным в достижении полной независимости, нет никаких сомнений, что он существенно помог поднять и объединить индийский народ и сохранить движение сопротивления против иностранного правительства».** Согласитесь, довольно умеренная оценка, в ней есть даже положительные нотки. Эту оценку можно понимать так: лучше хоть что-то, чем вообще ничего.

Однако дальше Бос выражается более определенно. Он констатирует, что индийский народ перепробовал все методы сопротивления, кроме

одного: **«Был, однако, один метод, который нам следовало попробовать, и это – организация настоящей современной национальной армии».** Да, долго шел Субхас Чандра Бос к этому выводу! Точнее, он с самого начала выступал за активную борьбу. Но одно дело – точечные силовые акции. И совсем другое – регулярная организованная вооруженная сила. Впрочем, Бос тут же поясняет, в чем дело. Невозможно было создать регулярные вооруженные подразделения внутри страны, учитывая степень сопротивления британских войск и полиции. Но Вторая мировая война коренным образом изменила ситуацию. И такая армия была наконец создана – с помощью Японии.

Бос особо подчеркивает, что движение сопротивления в Индии формировалось под воздействием мирового опыта. Субхас Чандра Бос упоминает в этой связи Италию и Гарибальди, Китай и Сунь Ят-сена, Ирландцев и русских нигилистов. Но есть у него и примечательные оценки СССР: **«Затем в ходе последней мировой войны, когда в России свершилась революция и в результате возникло новое правительство – Советское правительство, работа этого правительства изучалась с особым интересом в нашей стране».** И дальше: **«Народ Индии был не столько заинтересован в коммунистическом движении, сколько в работах по реорганизации Советской России, в ее быстрой индустриализации и также в методах, с помощью которых Советское правительство решило проблему нацменьшинств. Именно эти структурные достижения Советского правительства изучались с особым интересом народом нашей страны».**

Как мы видим, Бос постоянен в своих оценках нашей страны – она всегда была для него важным примером. То есть Бос с уважением и интересом относился к СССР. Но было ли такое отношение взаимным?

Тут следует, однако, отметить, что Субхас Чандра Бос изучал самым внимательным образом не только опыт СССР. Он интересовался и итальянским и немецким опытом фашизма (национал-социализма). И не считал, что этот опыт был во всем отрицательный.

Опять Субхас Чандра Бос возвращается к оценке Махатмы Ганди. Мое мнение как исследователя, что тут он стоит перед трудным выбором. Понятно, что методы ненасильственного сопротивления не находили у Боса понимания, он этого и не скрывает. Но кем считать самого Ганди? Оригинальной политической личностью, заблуждавшейся, но искренне защищавшей интересы индийского народа? Или вульгарным предателем и тайным сторонником британцев? Однако, как известно, не пойман – не вор. И Бос не решается на резкие оценки личности Ганди. Тем более, что население Индии считало Махатму Ганди именно борцом за независимость, а не

тайным агентом Великобритании. Разве можно пытаться оспорить столь широко распространенное мнение?

Тут Бос поступает довольно-таки замысловато. Он сравнивает Ганди с Тагором. А также делит убеждения Махатмы Ганди на конкретные политические и философские. С философскими он не соглашается. А политические оценивает как половинчатые, но в конечном итоге направленные все-таки на самоопределение индийской нации.

По мнению Боса, Махатма Ганди отрицательно относился к западной идеологии. Настолько отрицательно, что не все представители индийского народа с ним соглашались. Одновременно Ганди отрицательно относился к использованию насилия, даже в борьбе с врагом за достижение независимости. Как констатирует Бос, современное поколение индийцев согласилось с лидирующей ролью Ганди в движении сопротивления. Но не согласилось с его неприятием западной идеологии и ненасильственными методами борьбы.

Как считает Бос, и Тагор, и Ганди оба полагали, что борьба за независимость должна вестись без применения силы. Они также придерживались одинаковых взглядов на индустриализацию страны. Оба были против современной высокоразвитой промышленности. И лишь по вопросу об отношении к западной идеологии они расходились. Ганди был против западного образа жизни, а Тагор – за.

Кстати, тут же сам Субхас Чандра Бос высказывает свое мнение об индустриализации. Он – за крупную современную промышленность. И не только потому, что она более эффективна. А потому, что такая промышленность позволяет изготавливать современное оружие, без которого независимость страны немыслима. Индия должна иметь современную промышленность, без которой не будет эффективной, сильной армии, способной защитить страну от внешней агрессии.

Рассуждает Бос и о будущем устройстве независимой Индии. Помимо индустриализации будет необходимо решить проблему занятости, ликвидировать неграмотность. А также найти общий для всей страны язык. Кстати, тут Бос выступал за использование латинского шрифта для всех языков Индии, а не санскрита, например. По мнению Боса, так было бы легче общаться и внутри страны, и с остальным миром.

Что касается индустриализации, то тут Бос очень ясно высказывается за социалистическую модель устройства экономики. По его мнению, если полагаться на частное предпринимательство, то индустриализация может затянуться на столетия. Это относится и к сельскому хозяйству. Без централизованного руководства сельскохозяйственное производство не будет эффективным.

Особо останавливается Бос на китайском опыте. И считает его в чем-то отрицательным. В частности, это касается создания коммунистической партии, которая, по мнению Боса, отражала чуждую иностранную идеологию, что привело к расколу внутри Китая.

Любопытно отношение Субхаса Чандры Боса к демократии. Он – против нее и за авторитарное устройство государства. Как он считает, только в таком случае можно будет провести экономические реформы на социалистическом базисе. Как полагает Бос, демократия – это система, создаваемая в интересах клики нескольких богатеев. А авторитаризм может служить широким массам населения.

Бос выступает за свободу вероисповедания. И одновременно полагает, что в Индии уже нет проблемы деления на касты. Страна уже перешла к такому общественному устройству, что касты постепенно сами себя изживают.

Национальный вопрос Субхас Чандра Бос хотел решать именно по модели Советского Союза: **«Я должен также подчеркнуть, что если вы возьмете современную державу, такую как Советская Россия, и оцените, насколько гетерогенным является состав Советского Союза, вы поймете, что, если, несмотря на такой его гетерогенный характер, оказалось возможным объединить такое количество разных рас, исповедующих такие разные религии, и в результате удалось создать такую мощную державу, значит, нет никакой причины, по которой Индия, которая намного более гетерогенна, чем Советский Союз, не должна быть единой как одна нация».**

Кстати, тут же Бос приводит в пример свою собственную Индийскую национальную армию. В ней, как он подчеркивает, нет различий по религиозным, кастовым или национальным признакам. А в Индии такие различия культивируются именно англичанами.

Интересно сравнение между фашизмом и коммунизмом, которое позволяет себе Субхас Чандра Бос: **«К примеру, если вы возьмете конфликт между фашизмом (или тем, что мы называем национал-социализмом) с одной стороны, и коммунизмом с другой, я не вижу причин, почему мы не можем выработать синтетическую смесь обеих систем, которая будет использовать положительные черты каждой из них».**

Можно ли после этого назвать Боса адвокатом фашизма? Я как автор данной книги не пошел бы так далеко. Одно дело – осуждать фашистов за геноцид, за Холокост и уничтожение других народов, а также за агрессию и разрушения. И совсем другое – критически оценивать государственное и общественное устройство фашистской Германии. Тем более, что бесспорным

является факт: в тридцатые годы Германия совершила существенный экономический скачок.

Дальше Бос сравнивает национал-социализм и коммунизм. Вот его оценки. Обе формы общественного устройства – антидемократические и тоталитарные. Обе являются антикапиталистическими. Но есть и различия. Национал-социализм смог объединить нацию и существенно улучшить положение широких народных масс. Но он не смог радикально реформировать основу экономической системы, оставшейся капиталистической. Достоинством же коммунистической системы была плановая экономика. Однако коммунизм не позволял должным образом использовать идеи национализма.

Поэтому Бос полагал, что в Индии надо было строить систему, ориентирующуюся на социальные нужды широких слоев населения и одновременно на национализм. Именно в этом Бос видел преимущества модели, в которой смешивались бы социализм и национализм.

Кое в чем, надо отметить, Бос не хотел копировать опыт Советского Союза. Он считал неприемлемой для Индии классовую основу деления общества. Полагал ненужным эксплуатировать идею конфликта интересов различных классов. А также выступал против ведущей роли рабочего класса, тем более, что Индия была преимущественно крестьянской страной.

1.5.9. Правопорядок и мировой порядок. Роль Японии

Любопытно, что в этой же работе, в самом ее конце Бос пытается объяснить, почему он пошел на сотрудничество с Японией. По мнению Боса, Лига Наций оказалась малоэффективным механизмом поддержания международного порядка (*international order*), причем во многом из-за эгоистичной и недальновидной политики США, Великобритании и Франции. Надо тут отдать должное Субхасу Чандре Босу, он понимал разницу между международным правопорядком и международным порядком и осознавал суть идеи поддержания именно порядка. Как он считал, такой порядок следовало бы сначала обеспечить на какой-то ограниченной территории, в каком-то отдельном регионе. И затем, если бы удалось добиться дружбы и взаимопонимания между государствами этого региона, опыт можно было бы распространить на весь мир. То есть речь идет о пути от регионального порядка к мировому порядку.

Кстати, идеи Боса о зоне, находящейся под покровительством Японии, имели более или менее глубокие корни. Так, еще в 1930 г. Бос посетил Токио и принял участие в конференции, где обсуждалась идея паназиатского освободительного движения под эгидой Японии. В чем-то тема конференции перекликалась с японскими планами создания Великой сферы

восточноазиатского совместного процветания ("восемь углов под одной крышей").

Итак, Бос полагал, что Япония взвалила на себя очень тяжелое бремя государства – спонсора по установлению такого регионального порядка. При этом он, надо отдать ему должное, отметил: **«Могут быть люди, которые сомневаются, что может ли нация подняться на такой высокий моральный уровень, чтобы быть настолько дальновидной и бескорыстной, чтобы провести работу по установлению нового порядка»**. Сам Бос полагал, что это все-таки возможно. Если таким может быть отдельный человек, то почему такой не может быть целая нация?!

Я как автор данной книги нахожусь в сложном положении. С одной стороны, в СССР Японию того времени было принято называть «милитаристской Японией» и рассматривать чуть ли не как аналог фашистской Германии в Азии. Из чего следует, что Субхас Чандра Бос сотрудничал с режимом, который был осужден всем мировым сообществом. И все идеи Боса по поводу роли этого японского режима должны быть осуждены. А идеи «нового мирового порядка» – априори негодные и имеют фашистский оттенок.

С другой стороны, я вижу, что не все так просто с поддержанием мирового порядка. И склоняюсь к мысли, что Бос тут был, скорее, идеалистом, а не сторонником фашизма. Что, согласитесь, далеко не одно и то же. Давайте попробуем разобраться. Вопрос этот сложный и понимается разными людьми по-разному.

Международный правопорядок – это, если попытаться сказать простым языком, стабильное существование системы международных отношений в соответствии с нормами международного права. Если все государства более или менее придерживаются правил, установленных международным правом, и при этом международные отношения находятся хотя бы в относительно стабильном состоянии, значит, на этот период удалось обеспечить международный правопорядок.

«А как же может быть иначе? – спросит тут читатель. – Разве возможно действовать не в соответствии с международным правом? Ведь это запрещено, за это ООН будет применять санкции к нарушителю!» Эх, если бы все было так просто! Международное право – это набор правил, по которым удалось договориться соответствующим государствам. Удалось, например, договориться, что агрессия и ее угроза запрещены. Запрещено применение силы в международных отношениях. Есть понимание, что нужно соблюдать права человека. Но ведь жизнь-то не стоит на месте. Вновь и вновь возникают ситуации, которые еще не урегулированы международным правом. И далеко не всегда между государствами существует согласие и понимание, как именно нужно поступать в этой новой ситуации.

Например, право той или иной территории на самоопределение. Уже более или менее признано право нации на самоопределение. Но оно, во-первых, не является абсолютным правом и уравновешено правом государства на суверенитет и территориальную целостность. Во-вторых, уже в значительной степени сложилось понимание, что именно надо понимать под «нацией», а что – нет. Нация характеризуется вполне определенным набором четких признаков. Нет всех этих признаков или их части, или даже одного признака, и соответствующую общность людей нельзя считать нацией. В таком случае у нее и права на самоопределение не должно быть.

Но вот ни с того ни с сего возникает проблема независимости Косово. Жители Косово – это нация? Нет, никакая это не нация. Но Европейскому союзу и США очень захотелось, чтобы Косово было независимым. И в результате был произведен целый ряд манипуляций, в результате которых эта территория обрела независимость. Референдум не проводился, но было решение парламента. Признаков нации нет, но есть властное фактическое верховенство над определенной территорией. Есть признание со стороны ЕС и США. И недостает активного противодействия со стороны России. К тому же еще есть и решение международного суда. Вот и возникла новая международная реальность. Но эта реальность – еще далеко не международное правило. Международное право ее никак не регулирует. Эта реальность находится за пределами международного права. И соответствующее правило еще только ждет, когда его сформулируют и примут (или не примут).

То есть реальность есть – а международного правила, ее регулирующего, вовсе и нет. И так бывает сплошь и рядом. Как же быть? В таком случае международный порядок регулируют совсем другие правила, далекие от норм международного права. В таком случае на сцене появляется сила. Не нужно думать, что эта сила существует только в виде какого-то «кулачного права», в виде «дипломатии канонерок» и обстрелов из крупнокалиберного оружия. Под такой силой надо понимать любые формы принуждения. Это и дипломатическое давление. И способность удержать какую-то спорную ситуацию в стабильном положении так долго, пока не наступит молчаливое или иное международное признание. Это способность юристов убедить своих коллег из других стран в своей «правоте» (которой нередко на самом деле вовсе и нет). Это экономическое давление, бойкот, санкции. В конце концов это угроза применить силу. И только в крайнем случае это прямое использование вооруженной силы.

Вот именно о такой силе и идет речь. Причем понятно, что сила – это последнее средство воздействия на другие государства. И сила всегда стоит выше права. Именно сила – последнее средство, с помощью которого государство пытается обеспечить свои интересы.

«Но ведь применение силы в международных отношениях запрещено!» – еще раз воскликнет тут вездливый читатель. Да, запрещено. Но этот запрет далеко не абсолютный. И вообще, он во многом декларативный. Этакое благое пожелание, чтобы силу, особенно вооруженную, никто не использовал. Для начала, этот запрет не распространяется на пять стран – постоянных членов Совбеза ООН. Если одна из таких стран применит силу, за это можно осуждать, ругать, проклинать. Но нельзя наказывать, так как реальное наказание возможно только через принятие Советом Безопасности ООН соответствующего решения. А это решение не может быть принято, если против него возражает соответствующее государство – постоянный член этого органа. То есть даже формально постоянные члены СБ ООН могут быть наказаны за применение силы только в том случае, если они сами того захотят.

Но и другие страны, а не только постоянные члены СБ ООН, могут применить силу. Либо их в этом поддерживает один из таких членов Совбеза ООН (например, США поддерживают Израиль). Либо международное сообщество в лице пяти великих держав не считает себя в силах вмешиваться и применять какие-то меры воздействия к соответствующей стране. Например, Индия не является постоянным членом СБ ООН. Но это настолько крупная страна, что она нередко поступает без особой оглядки на ООН. Например, Индия воевала с Пакистаном. И ООН никак не вмешалась в этот конфликт.

Еще есть группа стран, которые поступают так, как совсем не нравится мировому сообществу. Но в результате против этих стран в лучшем случае вводятся какие-то санкции, ограничения. Но прямо военная сила не применяется.

Еще раз повторимся: сила в международных отношениях применяется не только в виде использования вооруженных сил. Нередко это санкции, политический или экономический шантаж, давление, использование возможностей спецслужб. Наконец, это просто умение так вести переговоры, что противник соглашается на заведомо невыгодные для себя условия. И такое тоже не так редко случается.

Наверное, нельзя было не остановиться так подробно на вопросе о законности и возможности применения силы в международных отношениях. Если обойтись без этого, то автор этой работы запросто мог бы угодить под обвинение, что он пытается оправдать попытки установить фашистами и японскими милитаристами «новый мировой порядок». Я фашистов и милитаристов не оправдываю. А лишь разъясню, что дело тут не в немцах и японцах. Речь идет об общих закономерностях существования международного сообщества государств, вне какой-либо связи со Второй мировой войной.

Обратимся к современной истории человечества. После распада СССР в мире осталась только одна сверхдержава, которая обладала особыми военными и экономическими возможностями и которая могла навязать свою волю остальному миру без оглядки на ООН. Речь идет о США. И действительно именно в этот период случились бомбардировки Югославии, была проведена операция «Буря в пустыне». А также осуществлялись более мелкие, но все-таки силовые операции по всему миру: от Сомали до Пакистана и Афганистана. Причем нередко без какой-либо санкции ООН. И слава богу, что наконец эта эра однополярного мира закончилась, не без помощи России и Китая.

Однако сила силой. А что же такое «мировой порядок», опирающийся на силу? Каждая нация стремится к собственному благосостоянию. Иногда бывает, что такому благосостоянию способствует развязанная где-то война. Но, как правило, бизнес предпочитает стабильность и порядок. Именно в таких условиях обычно и получают самые высокие прибыли и результаты. Поэтому основа благосостояния – иногда мир, а иногда и война.

Не нужно при этом думать, что международный порядок предполагает справедливость. Вот ее-то он как раз и не предполагает. Международный порядок – это поддержание стабильного статус-кво. Например, колониально-зависимого положения каких-то стран. В условиях стабильности эксплуатировать такие страны очень даже удобно.

Еще пара завершающих штрихов. Стабильность и порядок обеспечиваются набором определенных средств. Например, в каком-то регионе создается и поддерживается баланс конкурирующих сил. Баланс – это тоже стабильность, правда, только до тех пор, пока этот баланс не будет нарушен. А можно обойтись без такого баланса сил и вместо этого обеспечить доминирование какой-то одной силы. Хотя, когда баланс, тогда возникают какие-то сдержки и противовесы, а в результате и определенная справедливость. В случае же доминирования одной силы запросто могут возникнуть и злоупотребления, и нарушения справедливого устройства.

Что лучше – однополярное или многополярное устройство мира? Трудно сказать. Как правило, несколько полюсов силы позволяют многим странам балансировать между ними. Возникает хоть какая-то справедливость в международных отношениях. Иногда удается бороться со злоупотреблениями одного полюса силы, опираясь на другой полюс. Но возможно и однополярное устройство мира. Двадцатилетний период единоличного доминирования США мы уже упоминали. Возможно и региональное доминирование какой-то державы. По сути, так с самых древнейших времен была устроена каждая империя, от Чингисхана и Римской империи до Османской империи. И не всегда существование

империи означало только одно зло для населявших ее народов, в том числе и покоренных.

Да, несомненно, что милитаристская Япония использовала в период Второй мировой войны грубую военную силу для установления своего господства в Азии и Океании. При этом Япония нередко поддерживала свою власть путем исключительно жестоких средств. Мало того, у Японии были дружественные отношения с фашистской Германией. Соответственно, мы с вами осуждаем Японию за использование военной силы, агрессию, захват чужих территорий, сотрудничество с фашистами и всевозможные зверства. Но если отбросить все эти внешние атрибуты, то останется и определенный сухой остаток: Япония пыталась установить в соответствующем географическом регионе определенный международный порядок. Этот порядок всецело опирался на грубую силу и предполагал полное доминирование Японии.

Всегда ли такое японское владычество означало горе и бедствия для завоеванных народов? Позволю себе крамольное предположение: не всегда. Например, если бы Япония захватила Индию, для индийского народа ситуация могла бы измениться к лучшему. Конечно, с одной стороны, старого эксплуататора сменил бы новый. С другой стороны, такая смена могла тем не менее означать определенный шаг к независимому устройству Индии, к обретению ею большей самостоятельности, к увеличению роли самоуправления.

Так что тут вряд ли можно совсем уж безапелляционно осуждать Субхаса Чандру Боса как за то, что он считал политическое и военное доминирование Японии в Азии полезным, так и за прямое военное сотрудничество Боса с этой самой Японией. Кому что нравится. У разных политиков бывают разные политические убеждения и пристрастия. Босу очень нравился и Советский Союз. Хотя бесспорно, что в СССР того времени было предостаточно довольно жестокой практики по отношению к отдельным гражданам. Кто-то сидел в «шарашках». А кто-то и вовсе сгинул в лагерях, не принеся при этом никакой пользы своей родине. И что, мы будем осуждать Боса за эту его любовь к СССР? Он любил те страны, которые в то время реально существовали на политической сцене: фашистские Германия и Италия, милитаристская Япония, тоталитарный коммунистический Советский Союз. И Бос пытался применить на практике опыт государственного устройства и управления всех этих стран.

Добавим тут и еще один довольно-таки крамольный штрих. Да, Япония напала на многие страны. В том числе и на Соединенные Штаты Америки. Но Япония не нападала на Советский Союз, что было, кстати сказать, довольно заманчиво в условиях, когда он был предельно ослаблен, воюя с

немцами. Но вот все-таки не напала. А кто на кого напал? Именно Советский Союз объявил Японии войну, чего уж тут кривить душой.

1.6. Гибель Субхаса Чандры Боса

Однако вернемся еще к одному важному вопросу: как именно погиб Субхас Чандра Бос. Тут тоже есть свои загадки и странные обстоятельства, представляющие не только познавательный интерес, но и имеющие определенный политический подтекст, связанный в том числе и с Советским Союзом. Начнем с того, что один из бывших членов парламента Индии, некто доктор Сатьянарайян Сингха заявил о некоторых итогах проведенного лично им расследования обстоятельств смерти Субхаса Чандры Боса. Изначально считалось, что 18 августа 1945 года на острове Тайвань, через два дня после капитуляции Японии, произошла авиакатастрофа. И в ней погиб Субхас Чандра Бос. Имелись и полученные ранее фотографии с места крушения. Однако в результате расследования, проведенного Сингхой, вдруг выяснилось, что фотографии относились к катастрофе, которая произошла в этом месте годом раньше, 23 октября 1944 года.

Сатьянарайян Сингха утверждал, что Субхас Чандра Бос не погиб в указанной авиакатастрофе, а 18 августа 1945 года вполне благополучно вылетел вместе с японским генералом в город Дайрен (Далянь, Дальний) в Манчжурии.

Попытаемся восстановить хронологию событий. В августе 1945 года все индийские газеты опубликовали сообщение японского информационного агентства, в котором говорилось, что Субхас Чандра Бос скончался в японском госпитале от ожогов, полученных в результате авиакатастрофы, произошедшей на аэродроме Тайбей на Тайване (Формозе). Это сообщение было якобы проверено британской администрацией в Индии.

После получения независимости информация о смерти Боса была перепроверена также и новым правительством Индии. В частности, премьер Индии Джавахарлал Неру в этих целях в 1956 году под давлением общественности создал так называемый Комитет Шаха Наваза, члены которого посетили в Японию. Но они не смогли посетить Тайбей и, соответственно, не смогли исследовать предполагаемое место авиакатастрофы и опросить свидетелей. Все это вызвало в индийском обществе определенные сомнения. Почему правительство Индии так относится к этому вопросу? Нет ли тут какой-то заинтересованности? Нет ли тут какой-то тайны, которую власти Индии пытались скрыть? При этом удивительно, что до поры до времени никто вообще не пытался выяснить, откуда именно взялось то исходное сообщение о смерти Боса, которое появилось в японском информационном агентстве.

Частное расследование показало, что на аэродроме в Тайбее в те годы случилась только одна авиакатастрофа – в 1944 году. А годом позже, в августе 1945 года никаких катастроф на этом аэродроме не было. Эта информация, скорее всего, достоверная, поскольку в ходе частного расследования было опрошено достаточно много местных жителей. К тому же эта информация подтверждалась и местными архивами. Таким образом, есть основания предполагать, что сообщение японского информационного агентства о гибели Субхаса Чандры Боса в авиакатастрофе на Тайване в 1945 году было, по крайней мере, неточным. Либо катастрофа случилась в другом месте, либо Бос погиб каким-то иным образом. Либо вообще не погиб.

Тут в качестве небольшого отступления надо отметить, что в некоторых источниках все-таки описывается гибель Боса именно на Формозе, и именно 18 августа 1945 года. Более того, приводятся свидетельства якобы очевидцев катастрофы, ее точные детали. Рассказывается, как именно пострадал Бос, какие части тела у него обгорели, как за его жизнь боролись врачи. Указывается и точное место захоронения его кремированных останков – в Токио, в храме Рэнкодзи.

Насколько можно верить этому описанию? Захоронение действительно существует. Однако лежат ли там останки именно Боса – это большой вопрос. Очень многие исследователи биографии Боса подвергают эту версию сомнению. Если Бос действительно погиб в той авиакатастрофе, почему нет, например, никаких посмертных фотографий? Ведь он был достаточно известной личностью. Разбившийся самолет сфотографировали. А главную персону, летевшую на нем – нет? При том, что фотографии были представлены японскими спецслужбами. Их больше интересовал самолет, чем Субхас Чандра Бос?

Может быть, Бос все-таки погиб именно в той катастрофе, которая случилась в 1944 году? А японцы до поры до времени придерживали информацию? Самое интересное, что местные жители именно так и полагали. Якобы Бос перевозил с собой какие-то драгоценности, которые в конечном итоге и послужили причиной убийства. Но эта версия не выдерживает никакой критики – Субхаса Чандру Боса видели живым в Юго-Восточной Азии и Японии тысячи и тысячи людей намного позже даты этого крушения, вплоть до августа 1945 года.

Однако архивные документы свидетельствовали, что в авиакатастрофе 1944 года действительно фигурировало золото и другие драгоценности, к которым имел отношение Субхас Чандра Бос. И британцы действительно планировали убить Боса. Однако его не оказалось на борту того самолета. Золото было – а Боса не было. То есть определенные основания заблуждаться относительно времени и места гибели Боса действительно имелись. Была авиакатастрофа. Самолет и его груз имели отношение к Босу. Но Бос не

погибал в той катастрофе. И его совершенно определенно видели живым многие люди вплоть до августа следующего года.

Но откуда такая путаница? Случайность? И тут возникли предположения, что сообщение о гибели Боса в 1945 году было не ошибкой, а умышленной дезинформацией. Например, со стороны британцев. Однако в таком случае возникает ряд дополнительных вопросов. Ясно, что Бос исчез именно в августе 1945 года, причем последний раз его более или менее достоверно видели живым, когда он садился на борт самолета во Вьетнаме. Значит, он погиб в другом месте, не на тайбейском аэродроме? А британцы в качестве дезинформации попытались представить, что он погиб на Формозе? Чтобы тень подозрения в его убийстве не пала на них?

В общем, какой-то небольшой смысл в такой дезинформации для британцев имелся. Если бы они просто промолчали, то население Индии исходило бы из того, что Субхас Чандра Бос жив. И в меньшей мере доверяло бы другим индийским лидерам. В том числе Махатме Ганди и Неру. А вот если Бос достоверно погиб, то единственным «божеством» на Земле (в Индии) оставался только Махатма Ганди. Если Ганди работал на англичан, то смысл в такой дезинформации точно имелся. Формоза же понадобилась для того, чтобы отвести от себя подозрения в убийстве. Такие подозрения могли привести к дополнительным волнениям в Индии, к жертвам среди британцев, проживавших в стране. А так, спрашивайте с японцев и властей Тайваня.

Конечно, люди, расследовавшие обстоятельства гибели Субхаса Чандры Боса, высказывали различные предположения о тех или иных реальных или выдуманных обстоятельствах. Так, высказывалось даже такое мнение, что Бос был убит самими японцами. В этой версии есть одно сильное звено: действительно именно японцам было проще всего фальсифицировать обстоятельства гибели Боса в августе 1945 года. Именно они контролировали территорию Тайваня. И именно они могли легче всего сфальсифицировать сообщение информационного агентства, ведь оно было именно японским.

Но зачем такие сложности? Не исключено, что Бос был причастен к каким-то зверствам и военным преступлениям японцев и мог много чего интересного рассказать на каком-нибудь послевоенном суде. Каким зверствам? Японцы уж точно не церемонились на захваченных территориях. И отличались достаточно свирепым нравом. А бойцы Боса, воевавшие с ними бок о бок, – они как, вели себя иначе? Даже если бы они и захотели отмежеваться от зверств, отказаться от участия в расправах, вряд ли японцы им это позволяли делать. Наоборот, для японцев было выгодно замарать армию Боса в каких-то военных преступлениях, чтобы «повязать кровью», пресечь на корню любые поползновения к неверности и предательству. Именно так поступали, например, фашисты по отношению к власовцам. Кстати, и англичане нередко говорили о Босе не только как о стороннике

насильственного их изгнания из Индии, но и выставляли его кровавым злодеем (Hugh Toye «Subhas Chandra Bose – The Springing Tiger»). Конечно, Британия тут – заинтересованная сторона. Но факт этот все-таки отметить нужно.

Тут же можно упомянуть и некоторые из этих военных преступлений. Например, на территории Андаманских и Никобарских островов, которые формально являлись территорией государства Азад Хинд, 30 января 1944 годы были уничтожены сорок четыре местных индийца, которых японцы заподозрили в шпионаже в пользу Великобритании. Военное преступление? Конечно, ведь речь шла о гражданских людях, некомбатантах. Причастен Бос? Фактически – трудно сказать. А формально – конечно, причастен. Он и возглавлял тогда это государство Азад Хинд.

Кстати, если уж мы заговорили о возможных зверствах солдат, которыми руководил Бос, тут же уместно вернуться назад в Германию и вспомнить, что именно делал там Индийский легион. А он участвовал, например, в уничтожении французских и итальянских партизан. Правда, к этому моменту Бос уже уехал в Японию. Однако страны, победившие во Второй мировой войне, вряд ли сочли бы это смягчающим вину обстоятельством и запросто могли предъявить Босу соответствующий счет.

Но надо ли было японцам городить такой огород и устраивать столь сложную ликвидацию Боса, даже если он и был потенциальным свидетелем их военных преступлений или сам совершал что-то подобное под японским руководством? Отвели бы за угол, там, грубо говоря, шлепнули, вот и вся недолга. Это же военное время, был человек – и нет человека, и никто никогда не найдет никаких концов.

Так, может быть, все-таки британцы, а не японцы? Именно для британцев Субхас Чандра Бос был в то время самой опасной политической фигурой. Ведь Индия все еще находилась в руках Великобритании. И была надежда, что такое положение будет продолжаться довольно долго. В это время в стране общепризнанными лидерами борьбы за независимость были все те же Махатма Ганди и Неру. Которые твердо выступали против вооруженных и прочих насильственных способов борьбы с англичанами. Очень удобная позиция, она позволила англичанам существенно продлить свою власть в Индии.

А тут вдруг в Индии появлялась бы новая фигура. Да еще какая! Субхаса Чандру Боса знала вся страна. Он был общепризнанным лидером индийского народа. И он не на словах, а на деле вел вооруженную борьбу против англичан. Более того, он имел не только свою армию, но и управлял частью территории Индии, где смог в зачатке создать основы будущего независимого индийского государства. Совершенно определенно, Субхас

Чандра Бос был исключительно опасной фигурой для Великобритании, тут даже и спорить не о чем.

Можно поставить вопрос и иначе. Смерь Субхаса Чандры Боса была теоретически выгодна и Махатме Ганди и его соратникам. И для всех них он тоже был в общем-то лишней фигурой. Скорее всего, именно за ним и пошли бы народные массы против британцев, оставив Ганди с его ненасильственными идеями на обочине истории.

В апреле 1956 года правительство Индии создало специальную комиссию, которую мы уже упоминали выше. Возглавил ее Шах Наваз, один из бывших командиров Индийской национальной армии, лицо, в свое время достаточно близкое к Босу. То есть Шах Наваз явно был заинтересован в поисках истины. В задачи комиссии входило установление всех обстоятельств предполагаемой гибели Субхаса Чандры Боса. Но действия этой комиссии вызвали критику. Члены комиссии не смогли даже посетить Тайвань. Они обратились к правительству Индии с просьбой помочь сделать это, на что получили ответ, что с Тайванем (Формозой) у Индии отсутствуют дипломатические отношения. В таком случае логично было бы ожидать, что комиссия ясно заявит, что не смогла выполнить задачу, для которой была создана. Но комиссия вместо этого все-таки опубликовала свой отчет с выводами.

Действительно, а почему индийское правительство не помогло посетить Формозу? Отсутствие дипотношений – весомая причина в обычной ситуации. Но тут-то ситуация была вовсе не обычная, а очень даже исключительная. В конце концов, можно было обратиться с неофициальным запросом о предоставлении соответствующих документов. Или действовать через государство-посредника. Через те же США. Но ничего подобного сделано не было. Откуда такая пассивность и незаинтересованность?

Итак, заключение комиссии. Она констатировала, что доказательства – недостаточные и довольно-таки шаткие. В основном – три фотографии места крушения. Но при этом комиссия все-таки сделала вывод, что больше всего внушает доверие версия, что действительно Бос погиб в авиакатастрофе на Формозе 18 августа 1945 года.

А что же случилось на самом деле? У уже упомянутого нами Сатьянараяна Сингхи, который провел собственное расследование, есть версия, что 18 августа 1945 года самолет с Субхасом Чандрой Босом действительно зашел на посадку на аэродром в Тайбее на Формозе. И очень даже успешно приземлился. После чего в тот же день, в полтретьего пополудни вылетел дальше, в город Дайрен в Манчжурии. И этот самолет якобы вполне успешно долетел до своей цели.

Вернемся немного назад. Как известно, 15 августа 1945 года Япония капитулировала. А Субхас Чандра Бос воевал против англичан формально

как раз на стороне Японии. Выходит, и он должен был заявить о своей капитуляции? По крайней мере, в военном отношении? За несколько месяцев до описываемых событий именно это и произошло в Рангуне. Однако, отметим себе, там состоялась только капитуляция Индийской национальной армии. Но не государства Азад Хинд.

Известна позиция Субхаса Чандры Боса по вопросу о политической капитуляции. Он заявил, что капитуляция Японии не является капитуляцией Индии. Тезис, конечно, сложный. Индия и вовсе не принимала участия в войне на стороне Японии. Но ведь Субхас Чандра Бос создал свое собственное небольшое государство, так сказать, островок будущей великой и независимой Индии. И, понятное дело, никто этот «островок» не рассматривал в качестве какого-то реального государства – союзника Японии. Япония капитулировала сама по себе. А это государство могло и дальше существовать, если бы у Субхаса Чандры Боса хватило сил и средств, чтобы это обеспечить.

Было ли это возможно? Теоретически – очень даже. Нагаленд и Манипур, где существовал этот «островок» под названием Азад Хинд, – очень труднодоступные места. Там несложно вести партизанскую войну. Кстати, именно это и произошло в соседней Бирме, где в джунглях длительное время скрывалась целая повстанческая армия.

Для дальнейшей борьбы за независимость Индии Субхасу Чандре Босу надо было решить две важные задачи. Во-первых, найти источник материальной или хотя бы финансовой поддержки. Япония и Германия к этому моменту уже точно ни в каком виде не годились на эту роль. Но самое главное, Босу надо было как-то договориться с союзниками, чтобы те не рассматривали его в качестве военного преступника. А то ведь, не ровён час, можно было запросто угодить на скамью подсудимых в Токийском трибунале.

Получалось, что на эту роль годились только две страны: США и Советский Союз. Именно эти две страны были победительницами в войне. И с их одобрения вполне можно было продолжить войну за освобождение Индии от британцев. В таком случае действительно была логика в поездке Боса на территорию, контролируемую СССР. А если быть до конца честным, то США на роль благодетеля не очень-то и годились. Напомним, что как только с помощью Субхаса Чандры Боса было создано государство Азад Хинд, оно тут же объявило войну не только Великобритании, но и США. То есть Бос возглавлял государство, которое формально воевало против США. Да, это было хорошее основание попасть на токийский трибунал, причем вовсе не в качестве зрителя. И вряд ли это обстоятельство могло помочь Босу найти в лице США нового покровителя.

Кстати, напомним, по какому именно пути Бос шел в 1941 году. Сначала пробрался в Афганистан. А потом в Среднюю Азию и напрямик – в Москву. В тот раз ему не удалось договориться о поддержке. Но связи-то наверняка остались! Так что вполне можно было попробовать и второй раз. А если не получится, то, кто знает, можно было, как и в 1941 году, рассчитывать, что НКВД передаст его еще какой-нибудь другой стране. Но уже, понятное дело, не немцам.

Тут очень уместно упомянуть один, казалось бы, малозначительный эпизод из биографии Боса. После поражения в битве под Импхалом летом 1944 года Бос вылетел в Токио. Там он встречался с новым премьер-министром Японии и оговаривал новые условия для своей Индийской национальной армии. А в конце этого визита Бос вдруг обратился к японцам с просьбой разрешить ему вступить в контакт с представителями Советского Союза. Формально Бос сослался на то, что сможет улучшить отношения СССР и Японии. Хотя на самом деле, конечно же, Бос уже думал о своей судьбе после поражения Японии. Ведь к этому периоду становилось все яснее, что не за горами капитуляция японской армии, которая терпела одно поражение за другим на Тихоокеанском театре военных действий. Японцы Босу, конечно же, отказали. Но, согласитесь, просьба подобного рода – достаточно примечательный факт.

Попутно отметим, что если уж Бос сделал такое предложение японцам, он должен был его как-то мотивировать. Видимо, он сослался на какие-то свои особые связи с советским руководством. Выходит, такие связи все-таки были? Причем такие, что о них даже не стыдно было сказать японцам, предлагая договориться об улучшении отношений с СССР?

Есть в биографии Боса и еще один похожий эпизод. В конце 1944 года Бос из Японии обратился к уже упомянутому нами выше Намбьяру (другу Джавахарлала Неру), которого он оставил руководить Индийским легионом в фашистской Германии. Это обращение было особым. Бос просил Намбьяра попытаться установить контакт с русскими и выяснить, не согласятся ли они принять у себя индийцев из Легиона и прочих структур как политических беженцев из Европы. В результате действительно в феврале и марте 1945 года некоторые индийцы, работавшие в Центре Свободной Индии, рассматривали вариант сдать советским войскам. Но дальше разговоров дело так и не пошло. А 12 апреля Бос связался с Намбьяром в последний раз. И опять попросил передислоцировать Индийский легион в район, где бы их захватили советские, но только не британские войска.

Конечно, в июле – августе 1945 года Бос мог никуда вообще не летать, а просто сидеть в Сингапуре и тихо ждать своей судьбы. Но он этого делать не стал, что вполне объяснимо, учитывая склад его характера и желание решать возникающие проблемы активным путем. Он так поступал всю предыдущую

свою жизнь. Отчего же надо было теперь изменять самому себе? Тем более что теперь не надо было перебираться через половину Афганистана.

Впрочем, основной причиной, почему Бос не остался в Рангуне или Сингапуре и не участвовал в акте капитуляции Индийской национальной армии, был, конечно, не склад его характера. Он просто боялся попасть в плен к британцам, так как хорошо понимал, что его там ждет. Именно поэтому Бос предпочел отступать на восток все дальше и дальше от Бирмы вместе с японской армией, сопровождаемый небольшой группой сторонников.

Итак, Япония накануне капитуляции. И Советский Союз успешно вступил в войну против Японии, то есть является ее военным противником. Ехать сдаваться в плен как пособнику японцев? Получалось именно так.

Дайрен находится в Манчжурии. И Советская Армия наступала там довольно-таки активно. Шансы попасть в Дайрене именно к советским войскам были достаточно реальными. Хотя речь в таком случае шла о поездке прямо в кипящий котел еще не оконченной войны.

Упомянем еще один факт из биографии Боса. Насколько известно, в июне 1945 года он обратился к японцам с предложением перенести его временное правительство именно в Манчжурию. Японцы, понятное дело, отказали. Но мы с вами из этого факта можем сделать более чем ясный вывод, что Субхас Чандра Бос в этот период связывал свою будущую судьбу именно с СССР. Ведь было понятно, что Япония войну проиграла, а Манчжурию вскоре захватит Красная Армия.

А перед этим в мае 1945 года в своем выступлении в Бангкоке Бос вдруг заявил, что вскоре СССР вступит в конфликт с западными державами. И тут же добавил, что враг британцев – друг Индии. При этом Временное правительство Свободной Индии с величайшим вниманием следит за развитием этого конфликта и извлечет из него максимум пользы. Согласитесь, это тоже достаточно интересный факт, позволяющий судить о предполагаемых намерениях Боса.

Тут нужно упомянуть и версию, как именно возникло ложное сообщение в японском информационном агентстве о гибели Боса. Якобы Бос летел в самолете с японским генералом, который направлялся именно в Манчжурию. И сообщение в информагентство было придумано для того, чтобы сбить с толку британцев, которые могли охотиться за Босом. Японский же генерал якобы и помог с этой дезинформацией.

Было ли выгодно Босу так путать и заматывать свои следы? Попробуем разобраться. В Индии Боса после сообщения о его гибели тут же списали бы со всех политических счетов. А как в таком случае возвращаться назад в политическую жизнь? Поступить как Иисус Христос, восстать из мертвых? А к этому моменту ему как уже умершему списали бы все нехорошие долги и

все сомнительные связи с фашистами и японцами? И, пуще того, посмертно сделали бы героем? Тут определенная логика, несомненно, присутствует. Бос вполне мог рассчитывать на то, что после его «смерти» он будет провозглашен в Индии героем и борцом за независимость. И при этом никто ему никаких посмертных претензий за сотрудничество с фашистами и японцами не предъявит. Отметим себе, что в реальности все именно так и случилось.

Все тот же Сатьянараян Сингха описывает в мельчайших деталях полет Боса в Манчжурию. И посадку самолета в Сайгоне, и пребывание на Формозе. И даже пребывание Боса в Дайрене. Описание предельно подробное, вплоть до того, что именно там и сям говорил Бос, даже что он подчас бормотал про себя. Или как комментировал те или иные новости, услышанные им по радио. Где именно жил в Дайрене и с кем находился в самом тесном контакте.

Скажу честно: я не верю этому детальному описанию. И вот почему. Может быть, действительно Бос добрался до Манчжурии. Но ведь это было военное время. И подробно описать каждый шаг какой-то личности в такой период было явно очень сложно. А тут Сингхе как на заказ попадают один за другим те или иные тайные агенты, слуги в ресторанах и бывшие военные. Уж они и в Калькутте служили, и в Японии, и в Манчжурии! И везде были в

самом тесном контакте с Босом. Более того, пользовались его, по сути, безграничным доверием.

Все их рассказы выглядят скорее как умышленно подsunутая этому журналисту версия, бросающая тень на СССР. А бесконечные «точные» детали делают эти истории только подозрительнее. Получается, что в этот период жизни Боса были зафиксированы просто каждый его жест и каждое его слово. Такое не всегда получается даже тогда, когда за соответствующим героем ходит персональный летописец.

Вот для примера один такой эпизод. Очередной тайный агент, работающий одновременно на три разведки, рассказывает свою бесконечно подробную историю о Босе. Наконец, журналист спрашивает о доказательствах. И агент говорит, что у него есть такое доказательство. Потом лезет в свой кошелек и вытаскивает оттуда фотографию Боса, якобы сделанную в 1949 году, то есть тремя годами позже предполагаемой даты авиакатастрофы.

Вам такая история кажется убедительной? Мне – нет. Фото в такой ситуации – ключевое доказательство. Если ваш собеседник пришел к вам серьезно поговорить о Босе, он выложит это фото в первую же минуту разговора. А не будет два часа потчевать вас разными байками и дожидаться удобного момента. Более того, такое доказательство уж точно никто не будет хранить в кошельке среди мятых купюр.

И все остальные детали этого журналистского «расследования» – точно такие же. Мальчишка – слуга в тайваньском ресторане. Который якобы блестяще говорит на английском (но никто об этом не знает) и к тому же с одного взгляда опознает Боса. Того Боса, который был одним из многих борцов за независимость Индии, находящейся в тысячах километров от Тайваня. При этом Бос как на заказ выкладывает все свои планы в отношении СССР прямо в лицо этому мальчишке. Причем многократно выкладывает, и во всех мыслимых и немыслимых деталях.

Еще один пример такого же рода. Почему Бос якобы передумал переходить на сторону СССР? А он увидел, как плохо ведут себя в Манчжурии советские солдаты, и передумал! Вот так заявляет один из «свидетелей». Я думаю, что воюя на стороне японцев, Бос столько нагляделся на всевозможные зверства, что никакие сомнительные поступки никаких советских солдат его уже удивить не могли, это как минимум. А тем более так удивить, чтобы он поставил крест на всей предстоящей борьбе за независимость его родины. Бос не погнушался пойти на сделку с фашистами и японцами. А тут вдруг расчувствовался! Все эти показания «свидетелей» выглядят совсем недостоверно.

А как вам нравится утверждение, что до 1949 года Субхас Чандра Бос прятался по фальшивому китайскому паспорту в буддийском храме в

Манчжурии? Можно себе представить Боса, чтобы он несколько лет отсиживался среди монахов, пока его страна боролась за независимость?

Кстати, указанное журналистское расследование велось уже тогда, когда Япония и Тайвань рассматривали СССР как враждебное государство. А тут вдруг откуда ни возьмись приезжает журналист, который интересуется Субхасом Чандрой Босом. Как тут не воспользоваться случаем и не подсунуть ему «интересную историю», свалив все с большой головы на здоровую? Обычная операция спецслужб, самое рядовое дело по ведению информационной войны.

Сделаем еще одно отступление и коснемся фигуры Джавахарлала Неру. Именно он находился у власти в Индии, когда возникал вопрос о расследовании обстоятельств гибели Субхаса Чандры Боса. И некоторые из современников Неру полагали, что он не очень был заинтересован в таком расследовании. Почему? Недолгоблывал Боса при жизни? Скорее всего, именно так. Бос был не только его политическим конкурентом. Он предлагал вполне определенные способы борьбы против англичан. А Ганди и Неру отвергали идеи насильственной борьбы. То есть в любом случае как минимум имела место конкуренция идей. А если Ганди и Неру к тому же тайно сотрудничали с англичанами, то тогда и вовсе понятно, почему Бос не пользовался у них любовью. Он своими действиями и предложениями постоянно выводил их на грань разоблачения. А если бы публично заявил, что подозревает их в предательстве, то дела этих двух политиков и вовсе могли стать «кислыми».

Однако одно дело – конфликтовать при жизни. И совсем другое – после смерти конкурента. Вот тут уже точно нечего бояться. В подобной ситуации оставшийся в живых политик обычно начинает восхвалять уже умершего конкурента, делая вид, что никакой вражды и в помине не было. Тем не менее факт остается фактом: по мнению современников, Неру не горел желанием расследовать обстоятельства гибели Боса. Если это действительно было так, то объяснение могло быть только одно: он опасался, что результаты такого расследования могут бросить тень на него или на близких ему людей.

Кстати, из некоторых источников можно сделать вывод, что Неру был в определенном контакте с Чан Кай-ши. И даже переписывался с ним как раз тогда, когда в Индии было объявлено, что Бос погиб. Это сообщение появилось в индийских газетах в конце августа 1945 года. Мог Неру попытаться перепроверить информацию? Наверное, мог. Но не сделал этого.

Итак, давайте попытаемся еще раз пройти по фактам и проанализировать их. Индийская национальная армия капитулировала. Радиовещание из Бангкока прекратилось. И 18 июня 1945 года Бос вылетел на самолете из Бангкока в Сингапур. Там провел довольно много времени.

Праздновал «Неделю Нетаджи», просил японцев арестовать тех, кто уклонялся от выплат в фонд Азад Хинда. 8 июля на набережной заложил камень в основание будущего мемориала погибшим солдатам Индийской национальной армии. Совершил поездку по индийским общинам. Вел переговоры с японцами, которые требовали использовать остатки его армии для борьбы с партизанами.

А 11 августа 1945 года Бос узнал новость: Советский Союз объявил войну Японии. И вскоре, уже 13 августа, узнал через своих помощников, что Япония намерена капитулировать. Решив текущие неотложные дела, связанные с полным прекращением деятельности как Индийской национальной армии, так и в целом государства Азад Хинд, Бос наконец собрал свой кабинет министров. Это было 16 августа. И заявил, что намерен вступить в контакт с японскими властями на самом высоком уровне, чтобы получить указание, что ему дальше делать. То есть речь пошла о вылете из Сингапура.

Действительно ли он собирался получать какие-то указания от японцев? Или это был всего лишь предлог, чтобы найти способ попасть в Манчжурию? Этого никто не знает. Но заявление Боса явно вызывает сомнения. Перед этим он с успехом сам решил все вопросы капитуляции ИНА в Рангуне. Более того, Бос публично заявлял, что капитуляция Японии не означает капитуляцию Боса и его сторонников. А тут вдруг такое необычное желание советоваться, что ему дальше делать...

А мог ли вообще Бос в этот момент рассчитывать, что у него будет техническая возможность попасть в Манчжурию? Да, мог! Политик его уровня вполне мог предполагать, что местные японские власти ничего путного ему не скажут. Значит, можно будет поставить вопрос о перелете в Японию. А это означало, что будет промежуточная посадка в Манчжурии.

Именно так все и произошло. Непосредственно перед вылетом Бос якобы позвонил в Бангкок и переговорил с генералом Исодой, который посоветовал ему вступить в контакт со штабом Южной группировки, находившимся в Сайгоне.

Самолет вылетел в Сайгон 17 августа 1945 года. На его борту, помимо Боса, находились Исода, Хачия и Абид Хассан. Известно, что Бос после этого своего заявления на заседании кабинета министров собирался взять с собой как можно больше своих сторонников. Однако министры один за другим отказались. А кто-то пообещал, но не пришел к вылету. В результате с Босом полетел лишь его начальник штаба ИНА Хабибур Рахман и еще один офицер.

Однако в Сайгоне в штабе Южной группировки Босу сообщили, что не имеют никаких указаний из Токио по поводу ИНА и порядка ее капитуляции (что и неудивительно, в этот момент японцам было уже явно не до Боса и Азад Хинда). Тогда генерал Исода сообщил, что он направляется в Токио

через Дайрен. В самолете есть одно свободное место, и если Бос хочет, он может присоединиться к ним.

Тут между Босом и японцами случилась перепалка. Бос не хотел лететь один. Он говорил, что все это могло выглядеть, как будто он бросает своих товарищей (Каких товарищей? Рядом было всего два человека сопровождения.). В конце концов, японцы согласились и дополнительно взяли на борт уже упомянутого начальника штаба ИНА Хабибура Рахмана.

17 августа в пять часов и пятнадцать минут пополудни двухмоторный бомбардировщик, приспособленный для переездов высоких военных начальников, вылетел из Сайгона и в тот же вечер приземлился в городе Туране (Дананг во Вьетнаме). Там самолет дозаправили, и на следующий день он вылетел из Турана прямо к Формозе (Тайваню).

Тут более или менее достоверные факты кончаются и начинаются одни предположения. Якобы самолет приземлился на Формозе. Там его заправили, а пассажиры пообедали. Затем в 14.30 самолет взлетел, однако тут у него оторвалась одна из лопастей пропеллера. Самолет упал, загорелся. Субхас Чандра Бос и Хабибур Рахман якобы выбрались наружу. Но Бос получил слишком тяжелые ожоги...

Якобы Хабибур Рахман организовал кремацию тела Боса в Тайхоку (Тайбее), а урну перевез 20 августа в Токио, где 14 сентября в храме Рэнкодзи произошло и формальное захоронение останков.

Если оставить область предположений, то также достоверно известно, что в японском информационном агентстве было опубликовано сообщение о том, что самолет с Субхасом Чандрой Босом и японским генералом потерпел аварию на аэродроме Тайбея на Формозе. Бос якобы выжил, но скончался в больнице. Не факт, что все именно так и произошло. Но бесспорный факт, что такое сообщение было опубликовано. Имелись также полученные от японских спецслужб и приобщенные к материалам комиссии по расследованию обстоятельств гибели Боса три фотографии места крушения самолета. Это тоже факт. Более того, в Японии, как указано выше, имеется и предполагаемая могила Боса, и это тоже несомненный факт.

Нужно отметить также, что в уже не раз упомянутом нами сообщении японского информационного агентства говорилось не только о гибели Боса. Но и о гибели вместе с ним японского генерала по имени Сенал. И это немаловажное обстоятельство. Можно что-то насочинять насчет какого-то индийца. Но сложно придумать то же самое в отношении живого генерала. Ведь он направлялся в Квантунскую армию, в Манчжурию. И туда не приехал. Действительно погиб? Или понял, что дальше участвовать в боевых действиях бесполезно, а лучше замести следы и исчезнуть без следа? А то ведь придется отвечать за все свои военные преступления. Это очень весомое и достаточно логичное предположение.

Итак, было более или менее достоверно установлено, что в августе 1945 года на указанном аэродроме никаких аварий не было. К такому выводу пришла, в частности, специальная комиссия по расследованию обстоятельств смерти С.Боса под руководством судьи Мукерджи в 2005 году. Однако была авария в 1944 году. Более того, это была не просто авария. А авария, которая имела отношение именно к Субхасу Чандре Босу. На самолете предположительно перевозились какие-то его ценности.

Сообщение о гибели Боса появилось в информационном агентстве почти сразу после его вылета. И это – тоже важный факт. Это значит, что сообщение, если оно являлось дезинформацией, было хорошо предварительно организовано. Оно было по времени связано с полетом Боса.

А полученные потом фотографии? Причем не абы какие фотографии, а именно те, которые были сделаны на том же самом аэродроме, но годом раньше. Более того, фотографии фиксировали аварию не просто какого-то самолета, а того, который на самом деле имел отношение к Субхасу Чандре Босу.

Сообщение в информационном агентстве и эти фотографии – очень существенные факты. Кто-то должен был заранее запастись этими фотографиями. Причем знать, что они относятся к тому же самому аэродрому и при этом касаются личности именно Боса. И этот «кто-то» был хорошо осведомлен о полете Боса в августе 1945 года.

Кто мог иметь такие фотографии, знать об аварии 1944 года, при этом быть осведомленным о полете Боса в 1945 году и одновременно иметь хороший доступ к японскому информационному агентству? Тут можно ответить честно: формально – почти кто хочешь. Конечно, всей этой информацией запросто могли владеть, например, британские тайные агенты. И они вполне могли подбросить в информационное агентство фальшивку, пользуясь неразберихой конца войны.

Но еще лучше все это знали японцы. И, в отличие от англичан, хорошо контролировали свое собственное информационное агентство. Если бы им было это нужно, они запросто могли организовать фальшивку в прессе, содержащую сообщение о гибели Боса.

Однако лучше всех о своем собственном полете был осведомлен сам Бос. Уж он-то точно знал и про аварию 1944 года и имел соответствующие фотографии. Другое дело, что лично для Боса было сложно подбросить фальшивку в информационное агентство. Ведь речь шла не о рядовом обыденном событии, а об авиакатастрофе. Такое событие для сотрудников информационного агентства достаточно легко проверить. И не всякое агентство будет без проверки публиковать подобную информацию. То есть если автором фальшивки был сам Бос, ему должен был кто-то помогать с информационным агентством. Впрочем, вряд ли тут у Боса имелись

проблемы. Он был в очень тесном контакте со спецслужбами Японии. И те запросто могли под конец войны оказать ему услугу – инспирировать сообщение агентства и использовать фотографии.

В конце концов, рядом с Босом на Формозе находился японский генерал. Он тоже обладал достаточными возможностями. Именно Бос вместе с этим генералом и японскими спецслужбами и могли организовать фальшивое сообщение в информационном агентстве. Ведь Япония уже капитулировала. Кто там будет в такой неразберихе разыскивать какого-то якобы погибшего генерала?! А под его марку исчезнет и Бос. Чтобы через какое-то время с триумфом «воскреснуть».

В эту версию очень хорошо ложится и настойчивость Боса, пожелавшего взять с собой на борт самолета начальника своего штаба. Не исключено, что Хабибур Рахман был так нужен Босу, чтобы помочь замести следы. Кого-то Хабибур Рахман кремировал, потом передал на захоронение. Потом помог с сообщением в информационное агентство. То есть сыграл важнейшую роль во всем этом деле.

Возникает еще один вопрос. Почему фотографий было всего три? Их явно должно было быть больше. И еще. Ведь погиб не абы кто, а один из известнейших национальных лидеров Индии. И фотограф не сделал ни одной его посмертной фотографии? Самолет сфотографировали, а известнейшего человека, который на нем летел, – нет? Как-то тут одно не вяжется с другим. Вот если это были фотографии 1944 года и на них запечатлен самолет, потерпевший аварию, но без Боса на борту, вот тогда все получается более или менее складно.

Пойдем дальше. Важный вопрос, кому было выгодно подбросить в СМИ указанную фальшивку? Британцам? Чтобы скрыть, что они убили Боса? Чтобы тем самым не злить борцов за независимость Индии? Это очень сомнительное предположение. Для Великобритании было выгодно, чтобы вывести Боса из игры. А все остальное – мелочи. Вывести можно было как угодно: убить, посадить в тюрьму, скомпрометировать. Англичане, если у них была такая возможность, могли просто убить Боса на Формозе и бросить труп в воду, без каких-либо сообщений в СМИ. И разбирайся потом, кто именно совершил убийство. Может быть, местные грабители. Более того, британцы могли устранить Боса намного раньше. Есть версия, что они внедрили в его ближайшее окружение агента под псевдонимом Сильвер, который заранее сообщил о планируемом наступлении Боса и его армии в Манипуре под Импхалом. Этот агент мог запросто уже тогда убить Боса. Но не убил.

А в чем выгода от такой фальшивки для японцев? Убить Боса, чтобы не рассказал на международном трибунале о военных преступлениях японской армии? Еще в каких-то целях? Но и тут действует такая же логика, как и в

отношении британцев. В таком случае японцам было достаточно просто убить Боса и не оставлять никаких следов в СМИ.

Может, сообщение в информационном агентстве появилось по ошибке? Кто-то что-то перепутал, вот и все объяснение? Услышал звон, но не понял, откуда он? Вряд ли. В сообщении агентства содержалась фотография не только Боса, но и якобы погибшего вместе с ним японского генерала. Нет, с генералами так не шутят.

А может быть, фальшивое сообщение было выгодно Советскому Союзу? Это уж точно недостоверное предположение. Советские агенты меньше всех имели доступ к японской информационной системе. Тем более не могли действовать столь оперативно. И конечно же, вряд ли отслеживали действия какого-то далекого Боса. Во всяком случае, не в такой мере, чтобы за день-два «слепить» подделку и запустить ее в оборот. Да и зачем все это СССР? Скрыть какие-то следы? Какие? Если надо было ликвидировать Боса, это можно было сделать без каких-либо сообщений в СМИ.

Конечно, имеются и еще подозреваемые. Это – соратники Боса по национально-освободительной борьбе, по ИНК. Вдруг они тайно сотрудничали с англичанами? А тут все время этот Бос что-то там организует, заявляет. Одним словом, мешает манипулировать общественным протестом. Конечно, им было выгодно, чтобы Бос исчез с политической сцены. Но одно дело – вывести Боса из игры. И другое дело – организовывать дезинформацию.

Конечно, эти самые соратники при желании вполне имели возможность запустить информационную «утку». Обратились бы к своим покровителям из британских спецслужб, те что хочешь для них организовали бы, чтобы помочь своим агентам. Но нужно ли было им запускать фальшивую информацию о гибели Боса? Допустим, тут же, на Формозе, тайные британские агенты убили Боса. Вот и давай в газеты эту информацию! Тут никакая фальшивка точно не нужна. Вот труп, а вот его документы.

Сказать честно, среди подозреваемых в изготовлении фальшивки остается только одна по-настоящему реальная персона – сам Субхас Чандра Бос. Он мог иметь фотографии аварии 1944 года. И у него могли быть основания, чтобы инспирировать свою смерть. Ведь в результате он хотел, надо полагать, остаться живым. То есть не мог подбросить свой собственный труп в качестве доказательства. Значит, только информационная фальшивка, причем более или менее достоверная, заранее продуманная и организованная.

Давайте попробуем подытожить, зачем надо было Босу так путать свои следы. Он запятнал себя сотрудничеством с фашистами. И сотрудничал с японцами. Причем не исключено, что его армия участвовала, например, в каких-то карательных операциях. Во Франции именно это и делал Индийский легион. Более того, немцы использовали членов Легиона, например,

следующим образом: внедряли их в среду гражданских лиц с целью выявления сбежавших из плена индийцев и британцев. Такая практика имела место в Италии.

Есть информация, что во время наступления на Импхал индийцы из Индийской национальной армии проявляли жестокость по отношению к пленным, в частности, закалывали их штыками, выполняя указание японцев. То есть индийцы убивали пленных индийцев.

Были и пытки в тюрьмах. В частности, жесточайшим пыткам подвергнулся некто капитан Дуррани. Он руководил разведшколой, где готовились индийцы для заброски на территорию Британской Индии. И в один прекрасный момент группа таких индийцев добровольно сдалась британцам. Выяснилось, что к этому был причастен Дуррани. Того много дней пытали безо всякой жалости. А между пытками с Дуррани беседовал не кто иной, как сам Субхас Чандра Бос. В конце концов Дуррани сбежал. Очень неприятный для Боса свидетель!

Были и другие похожие эпизоды. Некто К. П. К. Менон неуважительно высказывался о Босе. Японцы его арестовали и допрашивали с пристрастием аж целых два месяца. Это шестидесятилетнего-то человека! В результате его приговорили к шести годам тюрьмы за то, что тот назвал Боса фашистским диктатором. Бос не вмешался в этот процесс, хотя мог.

А расправы, которые чинили японцы над местными жителями на Андаманских и Никобарских островах? Пытки, расстрелы, тюрьмы, там было все. При этом формально острова являлись частью территории государства Азад Хинд. Которое возглавлял сам Бос.

Сохранилась записка, подписанная лично Босом, в которой он требовал вылавливать дезертиров и либо арестовывать их, либо просто расстреливать на месте при первой возможности. Конечно, это было военное время, и расстрел собственных дезертиров – обычное дело для любой армии. Но при этом все-таки обычно проводится, пусть хоть как формально, военно-полевой суд.

В общем, все это вполне тянуло даже не на тюрьму, а на место на скамье подсудимых в международном трибунале. Более того, если бы до Боса добрались англичане, ему бы тоже мало не показалось.

А так Бос вроде как погиб, копаться в его поступках смысла уже не было никакого. Более того, был шанс, что «мертвого» Боса и вовсе со временем героизируют. Поставят по всей стране памятники. А он вдруг тут как тут, живой и здоровый, на белом коне. Восстал из пепла. И судить и наказывать его станет совсем не с руки.

Именно Бос мог заранее спланировать операцию по своей «гибели». А по сути, операцию по уходу от ответственности за сотрудничество с государствами, потерпевшими поражение в войне. И операцию по уходу от

английских спецслужб. Японские покровители вполне могли помочь Босу исчезнуть. Это нормальная практика спецслужб – выводить своих агентов из-под удара. Мог помочь Босу и все тот же якобы погибший в авиакатастрофе японский генерал, который также мог решить исчезнуть заодно с ним.

Итак, наиболее вероятный автор фальшивки – сам Субхас Чандра Бос. Но что произошло с ним дальше? И куда он на самом деле пропал? Тут есть два реальных предположения. Первое – Бос погиб в результате какого-то неведомого нам стечения обстоятельств. Автокатастрофа, случайная пуля, нож грабителя, поломка двигателя самолета. Могло быть что угодно. Труп просто закопали, и на том все дело и закончилось.

Второе предположение: Бос все-таки попал к представителям Красной Армии в Манчжурии. Ведь он сам хотел попасть в Советский Союз. Именно так он поступил в 1941 году. Там у него остались какие-то связи, предположительно, в НКВД, а может быть и в политическом руководстве страны. И именно там он мог рассчитывать на понимание и помощь. Ведь союзники во Второй мировой войне уже не имели общей цели. И, скорее всего, должны были вскоре превратиться в непримиримых врагов. А тут очень кстати появляется Бос, который может очень прилично навредить одному из этих врагов – Великобритании.

Исследователи биографии Боса говорят, что самолет должен был лететь с Формозы в Токио через Манчжурию. Может быть, Бос на самом деле планировал добраться до столицы Японии? Но зачем? Что ему было там надо после капитуляции Японии? Кто ему там мог в чем помочь? Согласитесь, лететь в такой момент в Токио было предельно бессмысленно. Результат мог быть только один: попадание в плен и под тщательнейшее разбирательство по части военных преступлений. А дальше, может быть, и трибунал.

Нет, Босу точно нечего было делать в Токио. Но ведь он наверняка имел в голове какой-то план, когда сел на борт этого злосчастного самолета! И у него было вполне достаточно времени, чтобы продумать этот план до мельчайших деталей. Бос видел, что Япония уже проиграла войну. И у него наверняка должен был быть план, что ему делать дальше после капитуляции Японии. Уж точно не рваться на борт самолета, чтобы долететь до места, где тебя, скорее всего, осудят за помощь японцам и немцам в ведении боевых действий.

Итак, допустим, что Босу удалось добраться до советских войск. А что дальше? Некоторые исследователи полагают, что Боса тут же на месте могли расстрелять наши военные контрразведчики. Я считаю такой вариант совершенно невозможным. Ведь Бос сдался бы в плен не просто со своим паспортом в кармане. Он бы тут же назвал в НКВД людей, с которыми сотрудничал раньше, рассказал бы, кто он такой. И это – волшебный пароль. В таких случаях подобная информация без сомнений перепроверяется, и

достаточно оперативно. А вдруг в сети попала действительно важная птица? Если расстреляешь – получишь выговор. А если сохранишь пленника и доложишь в Москву – можно рассчитывать на орден и звездочку на погонах. Нет, расстрел на месте без суда и следствия – это невероятно. Это как гибель от случайной пули. Такое возможно, но не в силу логики событий, а из-за случайного неблагоприятного стечения обстоятельств.

В общем, можно вполне уверенно рассчитывать, что если Бос добрался до Красной Армии, он имел хороший шанс вступить в реальный контакт с заинтересованными людьми. Весь вопрос в том, что дальше должны были делать эти люди с Босом. Для начала его переправили бы куда-то на территорию СССР. А дальше? Судить как военного преступника? Или обменять на какого-нибудь своего коллаборациониста типа Власова, находящегося в плену у союзников? А, может, забросить в Индию для развала британской колонии? Или просто держать в тюрьме на всякий случай, дожидаясь удобного момента?

Все эти варианты возможны и все они хороши. Но Боса не судили. Во всяком случае, громкого процесса не было, такая информация не осталась бы незамеченной. Тем более Бос не попадал в списки военных преступников. Такое тоже невозможно скрыть.

Может, забросили назад в Индию? А там его ждали соратники по национально-освободительной борьбе, бывшие на самом деле тайными британскими агентами. Которые тут же его и убили. И концы в воду. Никто не будет искать того, кто уже давно объявлен погибшим в авиакатастрофе.

Может, именно этим объясняется нежелание Неру копаться в обстоятельствах гибели Боса? Начнешь так копаться и, глядишь, докопаешься до очень даже неприглядных фактов. Может, и так. Во всяком случае в эту логику очень хорошо ложится замеченное многими наблюдателями нежелание руководства Индии того времени проводить полноценное расследование.

Могли ли руководители СССР обменять Боса на кого-то интересного им персонажа, находящегося у союзников, типа Власова? Или на какого-то своего агента, попавшего в лапы к контрразведке? Или на лицензию по производству авиационных двигателей «Роллс-Ройс»? Очень многие сильно удивлялись тогда, чего это вдруг Британия, объявившая о начале холодной войны, вдруг решила передать Советскому Союзу подобные стратегические технологии. И по периоду времени все сходится.

Конечно, такой обмен запросто мог состояться. Британцы заполучили Боса и тут же его уничтожили. Это очень вероятный вариант. В таком случае ни Британии, ни Советскому Союзу было бы невыгодно предавать гласности подобные факты.

Погиб в советском ГУЛАГе, всеми забытый и покинутый? Есть версия, что его видели в тюрьме в Якутске. Теоретически такое возможно. Ведь не надо забывать, что Бос во всех видах фигурировал в немецких пропагандистских фильмах, при этом очень дружески общаясь с Гитлером и прочими лидерами нацистской Германии. Очень впечатляющие кадры, я вам скажу. Можно себе представить, что о нем подумали сотрудники советской контрразведки, посмотрев это кино. В общем, нельзя исключать, что на эмоциональной волне с Босом могли поступить и жестко. Посадили и забыли.

Перед отлетом Бос якобы сказал своему японскому переводчику (но это по неподтвержденным данным): "Я готов стать русским пленником. Одна надежда сегодня на русских. Я уверен, что они еще столкнутся с англичанами. А это принесет свободу Индии". Трудно сказать, чем увенчалась бы для Боса эта авантюра, если бы он действительно попал в СССР. Может быть, его ожидала бы судьба лидера русских фашистов-чернорубашечников в Маньчжурии Константина Родзаевского и лидера сотрудничавших с Гитлером армянских националистов Гарегина Нежде. Хотя кто знает! Уцелел же Генри Пу И, последний манчжурский император, взятый в плен советскими десантниками в те же дни 1945 г.

Тем не менее Бос был несомненно очень заманчивой фигурой, чтобы использовать его в какой-то комбинации. А за такое использование, особенно успешное, можно было получить медаль или даже орден. Вот, например, Валленберга нельзя было использовать в подобных играх, ему не было места на этой шахматной доске. А Субхаса Чандру Боса – очень даже можно. Продвинуть на пост руководителя новой свободной Индии бывшего соратника фашистов? Ну и что?! Фашистской Германии-то уже не существовало. А Бос был бы крайне признателен Советскому Союзу, что тот его пригрел и реанимировал в политическом плане. Поменять у англичан на интересную личность? На авиационные двигатели для новых советских истребителей? Еще более вероятно.

Другое дело, что в 1941 году Бос не смог никого в руководстве СССР заинтересовать своей персоной. Может, по инерции то же самое произошло и в 1945 году? Теоретически – да, такое могло произойти. Тогда действительно – дальше лагерь и безвестная гибель. Но этот вариант эквивалентен гибели от случайной пули. Конечно же, Бос был интересной фигурой. И по логике его надо было пустить в оборот. Если этого не сделали, то только по недосмотру и недоумию, поддавшись эмоциональному порыву. То есть, по сути, в силу случайного стечения обстоятельств.

Был ли шанс, что Боса переправили в Индию и невольно тем самым отдали прямо в лапы тайных агентов Великобритании? Мог ли Бос заранее попросить этого не делать? Но откуда ему было знать, что его бывшие

соратники на самом деле работают на англичан? Из собственных записок Боса видно только одно: он был недоволен Махатмой Ганди и его сторонниками. Но считал ли он их формальными предателями?

Конечно, и такая версия имеет свои недостатки. Переброска Боса в Индию оставила бы какие-то следы в советских архивах. И сегодня вполне можно было бы сказать, что СССР способствовал освобождению Индии от колониального ига. А вы там уж сами разбирайтесь, кто у вас предатель, а кто – нет. И что эти люди сделали с Босом.

Впрочем, скорее всего, никто в советских архивах того времени в этих целях и не копался. Ведь речь шла об одной из сотен и тысяч тайных операций. Таких в те годы было пруд пруди. О подобной операции могло стать известно только в том случае, если бы какой-то из ее участников решил заговорить. Но в советское время такая разговорчивость не очень-то и приветствовалась. А до нынешнего времени участнику тех предполагаемых событий надо было еще и дожить.

Глава 2. Махатма Ганди

Вот мы тут рассуждаем о том, что Бос проводил довольно рискованную политическую линию, связался с фашистами, пусть даже и во имя благой цели – освобождения Индии от британского господства. А как себя в это время вели другие индийские лидеры?

Копните историю Индии того времени. И вы не найдете там упоминаний о предателях, по крайней мере, среди известных индийских лидеров – борцов за свободу и независимость. Вам не кажется это странным? Ведь речь идет о Британии, то есть о стране, исключительно искушенной в политических интригах. Исключительно умелой в управлении колониями. И вдруг – обошлось без предателей и агентов, внедренных в среду борцов за независимость!

Представьте себя на месте британской администрации. Вы управляете крайне беспокойной колонией, Индией. Население ее – огромное. А количество колониальной администрации – очень ограничено. И как всем этим управлять? Допустим, англичанам удалось перетянуть на свою сторону богатую элиту страны, заинтересовать ее материально. В дополнение к этому создана полиция из местных жителей, которая безжалостно усмиряет бунты и протесты. Мало того, англичане создают рациональную систему управления, изобретают и внедряют общеиндийский язык – хинди. Создают судебную систему, которая действительно справедливая. Судьи там – сами англичане. И для них что местный раджа, что бедняк – все одно и то же. То есть такой судья выносит действительно справедливые решения, у него нет пристрастий к кому бы то ни было.

Но всего этого мало. Все равно индийцы недовольны зависимостью от англичан. Среди индийцев появляются лидеры широких масс, которые начинают, что называется, мутить воду, призывать к бунтам и неповиновению. Как бороться с этими людьми, как нейтрализовать их влияние? Сажать в тюрьму, собирать на них компромат и шантажировать? Просто уничтожать?

Вообще-то, есть способ получше. И он очень хорошо известен. Найти подходящую фигуру в движении сопротивления. И завербовать ее. Или вовсе изначально «раскрутить» своего человека. И дальше делать этому человеку хорошую рекламу. Упомянуть его в средствах массовой информации, пусть даже в отрицательном плане. Сделать его имя узнаваемым.

А дальше что? Этот самый завербованный или внедренный человек начинает проводить политику своих настоящих хозяев. Он громко призывает к бунтам. Зовет всех на баррикады, на бескомпромиссную борьбу с колонизаторами и угнетателями. Но делает это так, что вся эта борьба вдруг становится неэффективной. И внешне вроде бы имеется движение

сопротивления с известным лидером. А на практике оно, это движение, все никак не может победить колонизаторов.

Повторюсь, прием этот старый и хорошо известный. Пользуются им самые разные люди во всем мире, и до сих пор, представьте себе. То вдруг палестинцев возглавит кто-то такой, известный и заметный, то исламистских террористов. А то и вовсе коммунистов. А итог все один и тот же: шуму много, а результатов – мало. Вас не смущают такие персоны, как Арафат или бен Ладен? Про коммунистов говорить не буду, и так, я полагаю, понятно.

Впрочем, не будем напрасно наводить тень на плетень, а вернемся в нашу многострадальную Индию. Как бы вы, на месте британцев, проводили такую политику тайного казачка, засланного в чужой лагерь? Понятно, что на словах он должен быть святее Папы Римского. А вот дальше идут детали. Как именно добиваться? Вообще-то, по этой части имеется хороший мировой опыт. Если на самом деле, а не для видимости, задумать изгнать колонизатора, то надо найти у него слабое место, и именно на него и давить. Например, парализовать всю колониальную деятельность, воспрепятствовать вывозу колониальных товаров. То есть для колонизатора должно стать бессмысленным держать такую колонию, от которой у него только убытки.

Есть и более радикальный способ освободиться от колониальной зависимости. Например, начать физически уничтожать колонизаторов. И это, скорее всего, самый эффективный способ. Для такой страны, как Великобритания, жизни ее подданных – достаточно значительная ценность. И потеря этих жизней очень даже может побудить вовсе уйти из опасной страны.

Как, однако, нетрудно заметить, все перечисленные способы связаны с насилием. В самом умеренном случае это забастовка, бойкот, саботаж. А скорее всего, борьба с оружием в руках. То есть кровопролитие и убийства.

Итак, мы с вами пытаемся вычислить, что должны были делать англичане, чтобы не допустить такого кровавого развития событий. Во-первых, видимо, внедрять идеологию отказа от использования оружия. Идеологию если и сопротивления, то ненасильственного. Во-вторых, выявлять активных бунтовщиков и закоперщиков и выводить их из игры. То есть сажать в тюрьму, шельмовать, просто физически уничтожать.

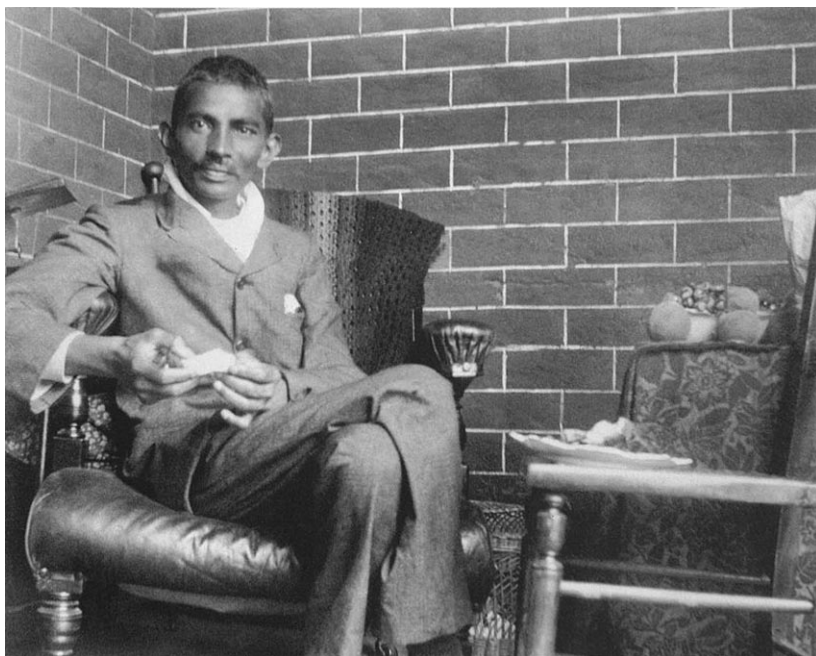
Для всех этих целей очень даже подходит «казачок», засланный в стан индийцев-бунтовщиков. Его для начала надо «раскрутить». То есть сделать популярным, узнаваемым, хорошо известным. То есть его надо активно упоминать в средствах массовой информации. Причем лучше в отрицательном плане. Отрицательная реклама – самая лучшая реклама в подобной ситуации.

Если такой человек-оборотень становится популярным, то на него как мотыльки на огонь свечи начинают слетаться все те люди, которые занимают активную жизненную позицию. То есть в данном случае – активные борцы за свободу Индии. Нашему оборотню остается только составлять их списки.

Однако списки – это хорошо, но мало. Надо еще направить энергию всех этих людей в определенное русло. Такое русло, чтобы они не разрушили господство Великобритании в Индии. Но одновременно поставили бы себя в такое положение, чтобы их можно было деактивировать. То есть арестовать, посадить в тюрьму, просто уничтожить в ходе подавления беспорядков. А также шельмовать, выводить из борьбы.

Но «засланный казачок» не может просто так сидеть на месте. Он должен выступать с какими-то антиколониальными инициативами. И тут тоже есть пространство для маневра. Можно, конечно, ставить задачу скорейшего изгнания колонизаторов, причем любыми средствами. Но для британцев такая постановка вопроса, ясное дело, была наиболее неприятной. Можно ставить задачу постепенного их выдавливания. А можно поступить и вовсе иначе: раздробить эти задачи, поставить вместо одной целую группу мелких целей. Борьбаться, например, за ликвидацию какой-то одной привилегии колонизаторов. Понятно, что таких привилегий много. Сначала будешь бороться против одной привилегии, потом – другой, потом – третьей.

А время все будет идти и идти. И колонизаторы будут все высасывать и высасывать соки из страны.

Итак, теория более или менее понятна. Давайте попробуем применить ее на практике. Обратимся к истории Индии начала двадцатого века. Например, расстрел англичанами протестующих индийцев в Амритсаре. Конечно, там были значительные жертвы среди мирного населения. И у такого расстрела должно было быть по крайней мере два естественных последствия. Первое – индийцы в ответ тоже должны были начать уничтожать англичан. Второе – участники протеста, которым удалось выжить, должны были стать героями. Они должны были выдвинуться как лидеры народных масс, которые могли бы возглавить вооруженное сопротивление англичанам.

Как мы знаем из истории, все получилось ровно наоборот. Махатма Ганди, который к тому времени был уже достаточно известной личностью, стал активно пропагандировать идею ненасильственного сопротивления англичанам. И к тому же выступил с осуждением тех индийцев, которые организовали упомянутые протесты в Амритсаре. То есть вольно или невольно, но свел на ноль отрицательные для англичан последствия этого инцидента.

В этой главе впервые упомянули имя Махатмы Ганди. Но не впервые в рамках этой книги. В предыдущей главе в разделах «Гражданское неповиновение и Махатма Ганди», «Итоги гражданского неповиновения», «Участие во Второй мировой войне на стороне Великобритании», «Форвард Блок» и левое движение» и в других мы уже успели привести те нелицеприятные оценки, которые дал Субхас Чандра Бос Махатме Ганди и его идеям. Не будем тут их повторять. Однако отметим, что они вполне перекликаются с выводами автора в отношении фигуры Махатмы Ганди.

Итак, пойдём дальше. У Ганди было довольно много противников среди индийцев, выступавших против британского колониального господства. И так уж получилось, что в начале двадцатых годов прошлого века Ганди ушел на второй план антиколониальной борьбы, несколько растерял популярность со своими идеями ненасильственного протеста. Оно и неудивительно. В начале двадцатых годов в Индии сформировалось достаточно широкое протестное движение. И в результате индийцы далеко не всегда ограничивались только словами. Например, в Чаури Чаура толпа запросто убила 22 полицейских (но не британцев). Именно тогда Махатма Ганди вопреки мнению многих членов ИНК выступил за то, чтобы прекратить протестное движение. И немудрено, что в результате его авторитет сильно пошатнулся.

Однако вдруг Ганди вновь стал популярным. А произошло это так. В декабре 1929 года Индийский национальный конгресс выступил с так называемой Декларацией о независимости. В тот момент возглавляли ИНК Ганди и Неру. Казалось бы, вот превосходный повод не только заявить о том, что Индия должна быть независимой. Но и обозначить пути достижения этой цели. Например, вооруженная борьба с колонизаторами на всех фронтах.

Читатель уже догадался, что такого заявления в этой Декларации о независимости не было и в помине. А были идеи все того же гражданского неповиновения. Подозреваю, что англичане вздохнули тогда с большим облегчением. Вообще молчать о необходимости независимости Индии в тот момент было уж совсем невозможно. Об этой независимости говорили на каждом углу. Другое дело, как бороться за эту независимость. И вот тут как раз и всплыл Ганди с идеологией неповиновения. То есть, с одной стороны, вроде бы, была озвучена довольно неприятная для англичан идея независимости. Однако, с другой стороны, она была загнана в рамки определенной организации (ИНК) и связана с формой протеста, намного более безопасной, чем, например, вооруженная борьба.

Кстати, тут уместно упомянуть, как именно относился Махатма Ганди к вооруженной борьбе. В одном из своих публичных выступлений в пользу так называемой соляной Сатьяграхи (мы коснемся этого феномена поподробнее чуть дальше) он сказал буквально следующее: **«Предположим, люди**

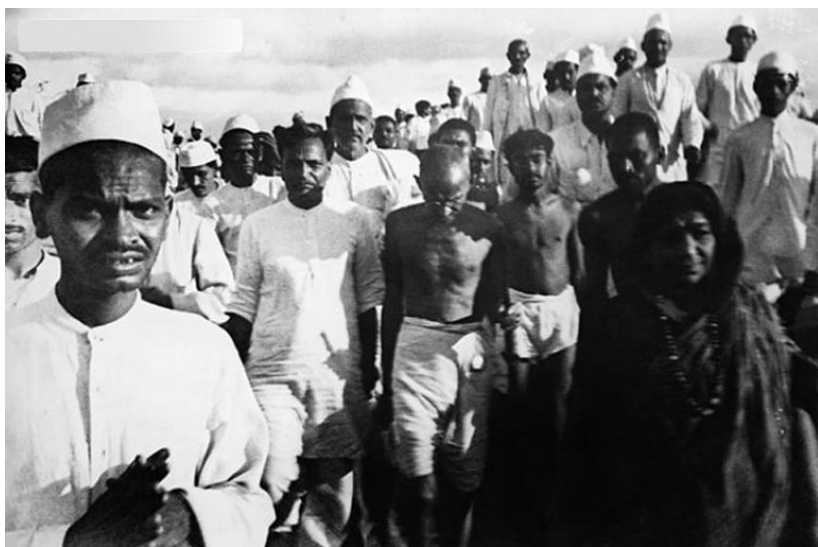
поднимутся на восстание. Они не могут нападать на абстрактную конституцию или выступить армией против заявлений и статусов...» Как вам такой тезис? Ганди что, не понимал, что вооруженная борьба – это когда одни люди убивают других? При чем тут формальные документы? Никто из ружей не стреляет по конституциям. Стреляют по людям. Не знаю, как вы, а лично я в такой позиции вижу очень жирную примесь демагогии, это как минимум.

А как реализовать на практике Декларацию независимости и идеологию гражданского неповиновения? А что, если начать бойкотировать какой-нибудь налог, установленный англичанами? Например, налог на соль? Надо отметить, что в рамках ИНК были и другие предложения. Если уж что бойкотировать, то не третьеразрядный соляной налог, а, например, налог на доход с земли (land revenue). Но эти другие предложения были успешно отвергнуты. И Ганди выступил с идеей так называемого Соляного похода (*Salt Satyagraha*). Поначалу эта идея не показалась индийцам интересной. Суть же ее состояла в следующем. Англичане использовали Индию как колонию по-разному. Главное, Индия была источником колониальных товаров. Чай, джут, специи, серебро, золото. Но, кроме этого, индийцев облагали различными большими и малыми налогами. То есть просто добывали из них какие-то денежные средства. Среди таких налогов существовал и налог на соль. Индийцы не могли свободно добывать и производить соль, за это надо было платить какой-то налог. Если быть более точным, существовала британская монополия на производство соли. И индийцам надо было покупать соль, а не производить ее самостоятельно, например, из морской воды.

И вот Ганди в развитие уже упомянутой Декларации о независимости в 1930 году решил устроить мероприятие, которое вошло в историю как уже упомянутый Соляной поход. Он сформировал достаточно небольшую группу сторонников (около 80 человек). И вместе с ними отправился пешком по городам и весям в сторону Индийского океана, по дороге агитируя местных жителей против налога на соль. Дорога была не близкая, если быть точным, расстояние до берега океана составляло 240 миль.

Тут надо отметить, что проблема налога на соль точно не сильно беспокоила англичан. Отмена монополии (налога) явно напрашивалась. В стране к тому времени сложилась широко разветвленная система нелегальной торговли солью. К тому же ее можно было очень легко добыть и самостоятельно в прибрежных районах. Разве можно уследить за миллионами крестьян, живущих в десятках тысяч деревень? То есть Ганди явно выбрал вопрос, не являвшийся для англичан болезненным. Например, хорошо известно заявление по поводу Соляного похода вице-короля Индии лорда Ирвина, который написал в этой связи письмо в Лондон, в котором

прямо сказал: «В настоящее время перспектива соляной агитации не лишает меня сна по ночам».

Казалось бы, зачем англичанам предавать гласности это мероприятие? Так можно и лишиться этого налога. Но англичане вдруг поступили вопреки логике. И Соляной поход получил довольно широкое освещение в газетах того времени. Настолько широкое, что Ганди «вдруг» опять стал популярным. И к нему стали присоединяться все новые и новые сторонники. Если быть точным, то 5 февраля 1930 года «вдруг» все индийские газеты написали о том, что Ганди собрался выступить против налога на соль. Читатель, я надеюсь, простит мне, что я раз от раза пишу слово «вдруг» в кавычках. Но согласитесь, трудно тут от них удержаться.

Так вот, начиная с того самого февраля Ганди еще не начал свой Соляной поход. Но стал делать регулярные заявления для прессы. И, представьте себе, его заявления стали публиковать не только индийские газеты, но и газеты по всему миру. Это получилось «само»? Британцы-то где в это время сидели? Полностью утратили контроль над своей собственной прессой? Или умышленно создавали Махатме Ганди популярность? Даже «Нью-Йорк таймс» публиковала об этой затее Ганди репортажи, причем ежедневные! Хотя, казалось бы, какое дело американцам до далекой Индии, до британцев и до какого-то налога на соль? Если рассуждать логически, то как раз в это время англичане должны были заставить Ганди замолчать. Например, создав вокруг него информационную блокаду. Или даже

арестовать, ведь он призывал совершать действия, которые формально являлись уголовным преступлением. Но все это надо было делать только в том случае, если англичане рассматривали Ганди как пусть хоть какую-то реальную угрозу. Выходит, не рассматривали? Но при этом сами создавали ему популярность?

Не могу удержаться и не привести одно из публичных высказываний Ганди того периода: **«Мы вступаем в эпоху борьбы не на жизнь, а на смерть, в священную войну»**. Это Ганди имел в виду выпаривание соли из морской воды!

Поход был распланирован предельно тщательно – когда и в какой деревне должен был выступать Ганди, и на какую тему. Представьте себе, все это расписание подробнейшим образом освещалось в индийской прессе. Тоже случайно? Вообще, можно ли было рассматривать такие выступления как новость, достойную публикации?

Любопытно, что для начала своего Соляного похода Ганди подобрал не членов ИНК, а своих собственных учеников и последователей. И было их всего 78 человек, несмотря на всю газетную рекламу. Что, у него не было достаточного количества последователей? В ИНК мало кто разделял его идеи? Очень даже может быть. Неужели он отказался бы от того, чтобы в таком походе приняло участие значительное количество сторонников? Нет, не отказался бы. Он и не отказывался. Ведь в результате похода по деревням к нему присоединилось довольно много людей. Причем часть этих людей записывали в число сторонников Сатьяграхи. С одной стороны, это явно были люди с активной жизненной позицией. С другой стороны, внешне лозунги Сатьяграхи применительно к Соляному походу действительно выглядели привлекательно: «Битва бедняков». Или еще: «Битва правых против властей предрержащих» («battle of right against might»).

Наконец вся эта компания дошла до берега океана. Где Ганди призвал зачерпывать морскую воду и выпаривать ее. То есть формально нарушать запрет на производство соли без уплаты налога.

А что сделали англичане? Разогнали протестующих? Произвели аресты? Отнюдь. На берегу всю группу протестующих ждали корреспонденты. Причем в том числе и иностранные, даже американские. Которые раструбили об этой акции, организованной Ганди, по всему миру. Журнал «Тайм» назвал Ганди человеком года. И в результате всей этой пропаганды Махатма Ганди стал вновь популярным в первую очередь за пределами Индии. И лишь потом эта популярность пришла к нему в самой Индии.

Тут я сам себе еще раз задаю неприятный вопрос: была ли у англичан возможность не допустить широкой огласки в прессе всего этого антисоляного мероприятия? Могли ли англичане в стране, которую они всецело контролировали как колонию, по крайней мере попросить

иностранных корреспондентов не слишком трубить о мероприятии, направленном на подрыв власти Великобритании в Индии? И насколько вообще англичане контролировали в Индии средства массовой информации? Почему-то мне кажется, что уж что-то, а прессу они точно контролировали. Потому как по части свободы слова и демократии были достаточно просвещенной нацией с изрядным политическим опытом.

Кстати, тут вполне уместно еще раз напомнить следующие слова Субхаса Чандры Боса: **«Наверное, я ничем так не восхищаюсь в британцах, как их ловкостью в пропаганде. Британцы рождаются пропагандистами, и для них пропаганда – это более сильное оружие, чем пушка».**

Но акция на посещении берега океана не закончилась. Через какое-то время активисты вновь собрались вместе и вознамерились идти прямо туда, где велись уже промышленные разработки соли, в Дхарасану.

И что вы думаете, собиралась сделать вся эта довольно многочисленная компания, насчитывавшая несколько сот человек? Захватить рудник, прогнать англичан, начать бесплатно раздавать соль? Да ничего подобного! Ведь идейным вдохновителем похода был сам Ганди (но тут он сам уже не стал возглавлять эту часть похода). А у Ганди, как мы знаем, была идея ненасильственного протеста, так называемая Сатьяграха, которую он пытался воплотить в жизнь.

На этом ненасильственном протесте тоже можно остановиться чуть поподробнее. Нередко слово «Сатьяграха» пишут в одно слово, в том числе и я. Но на самом деле это все-таки два слова, на языке гуджарати, да и на санскрите. И они дословно переводятся примерно как «твердая истина» или «стремление к истине». Махатма Ганди в начале двадцатого века разработал свою особенную идеологию борьбы с колонизаторами за независимость Индии. И назвал эту свою идеологию Сатьяграха. По сути эта была идеология несотрудничества с колонизаторами, а также гражданское им неповиновение. То есть по названию никакого совпадения со словами Сатья Граха, как мы видим, тут нет ни в каком виде (сравните: «гражданское неповиновение» и «твердая истина»).

Сам Ганди рассказывал, что он объявил конкурс на лучшее название этой его идеологии и победило именно это название, предложенное Маганлалом Ганди. Может, и так. Однако тут есть одна коварная заковыка. Я бы даже сказал, нечестность. Понятно, что народ в то время в Индии был малообразованный. Это если выразаться мягко. И тут вдруг такое умное название какого-то учения. Вроде бы слова по отдельности понятны. Что-то говорится про истину. А что это значит в целом? «Наверное, что-то очень умное, что-то из древней индийской философии», – именно так и думал каждый простой индиец, который слышал это словосочетание. Согласитесь,

тем самым Ганди вводил своих сограждан в заблуждение. Они принимали его идеи несопротивления как что-то имманентно присущее индийской культуре. И думали, что индийцы именно так и должны бороться против врага – не с оружием в руках, а путем какого-то таинственного неповиновения.

Тут надо пару слов сказать и по поводу самого имени Ганди. Вообще-то на самом деле его звали никаким не Махатмой, а Мохандасом. Не буду тут глубоко копать. Но каким-то образом это имя Мохандас преобразовалось в Махатма. А знаете ли вы, что значит Махатма? У этого слова есть вполне определенный перевод с санскрита: «большая душа», «святой». Точно никто не знает, как именно Мохандаса Ганди вдруг стали звать Махатмой. Но тут существует легенда, что так его в 1915 году якобы назвал сам Рабиндранат Тагор. Отметим в этой связи два обстоятельства. Первое. В 1915 году еще не было никакого Соляного похода, не было ситуации, когда за Ганди пошли широкие массы людей. С какой стати надо было его называть святым? Второе. Вам не кажется, что не очень-то это скромно – соглашаться, что ты святой? И откликаться на имя Святой? Но тем не менее все это произошло. А для простого малограмотного индийского крестьянина много ли надо?! Человека все зовут Святым. Значит, действительно он святой. И если Святой предлагает что-то делать, то так и надо поступать, не раздумывая. То есть, с одной стороны, «твердая истина», Сатьяграха. С другой стороны, ее провозглашает человек, которого все называют не иначе как святой. Как не пойти с таким до конца, как не поддержать его лозунги? Ох, как все это похоже на искусственную раскрутку популярности хитроумными британцами!

Итак, вернемся к уже упомянутому Соляному походу в Дхарасану. После выпаривания соли из морской воды Ганди вдруг почему-то отошел от активных действий и поселился в Данди, то есть в месте, откуда и начался этот поход. При этом он как бы находился в положении проповедника, живущего в уединении (в так называемом ашраме) и распространяющего свои идеи среди желающих. Нечто вроде Диогена и его бочки. А почему он дальше не стал возглавлять организованный им же самим марш в Дхарасану? Кажется, в самом начале похода активное распространение идей имело более эффективную форму. Ведь по пути Ганди собирал многотысячные толпы желающих услышать его слова. Но тут он вдруг поменял свою тактику.

Возможно, мы сейчас найдем объяснение этому удивительному феномену. Итак, поход на Дхарасану продолжился и без Ганди. Поначалу его возглавили семидесятилетний судья в отставке Аббас Тьябджи и жена самого Ганди – Кастурба. Именно они повели протестующих к соляному руднику в Дхарасане. А знаете, где был расположен этот рудник? Всего в 25 милях от Данди, где сидел в это время Ганди. Совсем недалеко, согласитесь. Для

Ганди было очень нетрудно принять в нем участие. Но он не принял. Почему?

Ганди все сидел и сидел в Данди, а толпа протестующих шла к Дхарасане. Наконец английская администрация вдруг проснулась и решила арестовать и Ганди и уже упомянутых Аббаса Гьябджи и Кастурбу. Так и просятся тут слова: «И бросила их в тюрьму». Но язык не поворачивается так сказать. Почему? Потому что это тюремное заключение продлилось всего три месяца. Не слишком длинный срок для таких, казалось бы, опасных для Британии зачинщиков беспорядков.

Поход на рудник в Дхарасане продолжился и без арестантов. Наконец вся группа протестующих подошла к руднику. И остановилась от него в нескольких сотнях метров. Там их уже ждало довольно много полицейских. Причем, понятное дело, полицейские были индийцами, а не англичанами. Эти полицейские были вооружены в основном дубинками. Но не просто дубинками, а дубинками, обитыми металлом. И вот эти самые полицейские накинулись на протестующих. А что же те? Оказали сопротивление? Нет, никакого сопротивления они не оказали. Ведь у Ганди была идея ненасильственного сопротивления! Поэтому все протестующие просто стояли и ждали, как их начнут избивать. Смысл был именно в ненасильственном протесте: полиция избивает, а протестующие смиренно подставляют головы. И не должны даже поднимать руку, чтобы защититься. Возглавляла к этому моменту толпу женщина по имени Сароджини Найду. Поэт и активист протеста. Она при этом говорила следующее: **«Вы не должны прибегать к насилию ни при каких обстоятельствах. Вас будут бить, а вы не должны сопротивляться. Вы не должны даже поднимать руку, чтобы защититься от удара»** («You must not use any violence under any circumstances. You will be beaten, but you must not resist: you must not even raise a hand to ward off blows»). Ничего себе призыв! Защититься от удара дубиной по голове – это форма насилия?

Кончилось тем, чем должно было кончиться. Часть людей тут же и была убита. А остальным были нанесены крайне тяжелые травмы, в основном были проломлены черепа. Конечно же, многие были арестованы. Если быть точным, то в связи с этим самым соляным протестом англичане в целом по стране бросили в тюрьму аж восемьдесят тысяч активистов!

Согласитесь, Ганди очень вовремя оказался под арестом. Во-первых, его нельзя было обвинить в том, что он предал людей, которых сам же и подбил на протест. Во-вторых, он сохранил свои жизнь и здоровье. Если бы он продолжал идти во главе толпы, то и ему бы проломили голову. Какой же после этого он был бы идеолог движения сопротивления? Остался бы инвалидом на всю оставшуюся жизнь, вот и все. А так – короткий арест, а потом свобода с непроломленной головой. Агитируй себе дальше

подставлять головы под пули и дубинки. Странные были эти англичане, не правда ли? Сами себе мешали расправиться с Ганди в очень удобных обстоятельствах. С чего бы это?

Это была не единственная кровавая расправа над протестующими. В Пешаваре движение Сатьяграхи организовал один из последователей Ганди, мусульманин Гхафар Хан. Власти его арестовали. После этого его сторонники собрались на местном рынке. Их тут же и расстреляли, применяя в том числе и пулеметы. Понятное дело, опять стреляли сами же индийцы, а не англичане. То есть гнев населения должен был быть направлен больше против собственных соотечественников, а не против самих англичан. Тем более, что часть индийских солдат отказалась стрелять. Или им приказали не стрелять, выдавая это за неповиновение? Я бы на месте англичан именно так и поступил – приказал бы не стрелять. Кстати, если бы отказ стрелять был спонтанным, не стреляли бы индийцы из разных подразделений. А тут дружно не стреляло только одно военное подразделение – Royal Garhwal Rifles.

В результате виноватыми в расправе оказались в основном сами же индийцы. Всяк ведь в такой ситуации спросил бы: «Почему вы стреляли? Ведь ваши товарищи отказались стрелять!» А сами англичане оказывались почти что ни при чем.

Понятно, что Гхафар Хан благодаря аресту не был убит. Подбил своих сограждан на протест, в результате которого весь актив был уничтожен. А сам же избежал смерти, очень вовремя оказавшись в тюрьме. Не правда ли, уже знакомый нам сюжет? Неужели англичане не могли поступить иначе? Дали бы поручение одному из полицейских особо выцеливать именно зачинщика. И его тело оказалось бы в груди других убитых. Нет человека – нет и проблемы, не так ли?

По разным оценкам в результате этого расстрела в Пешаваре было убито от 200 до 250 активистов. Самое же интересное, что и тут эти активисты поступили в полном соответствии с требованиями Сатьяграхи. Их расстреливали. А они стояли, даже не пытаясь вернуться от пуль. Каково! Ничего себе идеология свержения колонизаторов! Колонизаторы, полагаю, сказали большое спасибо автору этой идеологии. Не надо выявлять активистов. Они и так сами себя обозначают. Не надо судить, бросать в тюрьму, а потом выпускать на волю озлобившихся индийцев. Они сами лезут под пули, сами же помогая решить проблему с ними.

Похожие события с расстрелом активистов происходили и в других местах, например, в Читтагонге. Знаете, что сказал по этому поводу Махатма Ганди? **«Смерть воинов – не повод для печали»** («A warrior's death is never a matter for sorrow»). Эти слова он адресовал родителям убитых людей. То есть не грустите и не протестуйте.

Давайте вернемся немного назад и все-таки попытаемся еще раз разобраться в описанных выше эпизодах с расстрелами и с разбиванием голов. Люди, которые приняли участие в протесте, были крайне радикально настроены. Они были готовы даже пожертвовать своей жизнью. Это значит, что они могли принять участие и в других формах протеста. Например, могли просто начать убивать англичан. А почему нет? Они ведь не боялись наказания, даже смерти. Именно они и были наиболее опасны для представителей Британии.

А в результате похода к руднику или расстрелов почти все они были нейтрализованы. Кто-то был просто убит. Кто-то безнадежно покалечен. Остальные брошены в тюрьму. К тому же свой гнев пострадавшие потом могли излить скорее на своих же сограждан, которые, выполняя функции полицейских, их убивали и калечили. Формально британцы были все-таки в определенной мере в стороне.

Самое же интересное произошло потом, после всех этих кровавых событий. Британская администрация почему-то не решилась дальше держать в тюрьме самого главного зачинщика – Махатму Ганди (А расстрелять сотни людей и бросить десятки тысяч за решетку решила?). Она вдруг воспылала любовью и уважением к инициатору Соляного похода. И в самом начале 1931 года выпустила его на волю. Мало того, британская администрация решила не только его освободить, но и вступить с ним в переговоры. Причем не на абы каком уровне. А на уровне самого вице-короля Индии лорда Ирвина.

Эти переговоры велись не так, как обычно они ведутся. Обычно все происходит так: стороны встречаются в определенном месте, пытаются о чем-то договориться, потом расстаются, а на следующий день опять продолжают пытаться найти точки соприкосновения. И так – пока не договорятся или окончательно не разойдутся. Причем сначала встречи идут на низком уровне. Потом повыше. А потом на самом высшем уровне соответствующие представители быстро решают какие-то еще не решенные, но уже понятно сформулированные проблемы и подписывают соответствующий документ.

Использование такой процедуры не случайно. После каждого дня переговоров соответствующие люди советуются со своими экспертами, сторонниками, находят наиболее удачные варианты и формулировки. И на следующий день с новыми силами и с новыми предложениями садятся за стол переговоров. Оно и понятно – высшие руководители, как правило, не имеют достаточной квалификации, знаний, а главное, времени, чтобы выверять те или иные конкретные формулировки.

С Махатмой Ганди все было иначе. То он сидел несколько месяцев в тюрьме. То вдруг с ним пожелал поговорить уже упомянутый лорд Ирвин.

Переговоры проходили следующим образом. Ганди переехал в дом вице-короля. И жил там аж три недели. Все это время он общался с лордом Ирвином. И в конце третьей недели они выработали так называемый Пакт Ганди-Ирвина. На основе этого документа в конце все того же 1931 года была проведена вторая конференция «Круглого стола».

Обычно эта встреча Ганди с лордом оценивается так: британцы впервые заговорили с представителем индийского народа на равных и в результате договорились с ним о каких-то принципах взаимоотношений.

Есть ли в этой встрече что-то странное? Для меня точно есть. Такие документы так не вырабатывают. Если бы Ганди был ответственной личностью, он должен был такой документ предварительно согласовать со своими сторонниками. Документ должен был быть подвергнут публичному обсуждению. И лишь потом его можно было подписывать.

Может быть, Ганди не понимал, что существуют такие процедуры? Думаю, что очень даже понимал. Вспомним, кем он был по профессии. Он был юристом, адвокатом, к тому же получившим образование в Великобритании. Так что он наверняка знал, что делал. Все это больше похоже на то, что англичане сначала искусственно раздули авторитет Ганди. Потом сделали вид, что вступили с ним в какие-то переговоры. А потом через Ганди пустили в публичный оборот именно то, что они заранее для себя подготовили и наверняка очень тщательно обсудили и выверили.

Представьте себе, что ваш лидер вдруг уезжает в стан врага. И живет там пару-тройку недель. Это время он, предположительно, тратит на выработку какого-то соглашения с этим самым врагом в пользу собственного народа. У вас не возникает чувства, что этот ваш лидер действует немного с перебором? К чему столоваться у врага, к тому же еще и ночевать? Проблемы с едой и крышей над головой? Может, все-таки было бы чуть рациональнее приезжать на переговоры каждый день и ночевать где-нибудь в нейтральном месте?

В результате Соляного похода Индийский национальный конгресс был запрещен. Но и тут британцы поступили интересным образом. Запретить-то запретили. А ИНК вопреки этому продолжал успешно существовать и работать. Что, британцы не умели пресекать деятельность враждебной им организации? Или не хотели? Да и действительно, зачем ликвидировать такую организацию? Ведь она своими действиями фактически оказала Британии неоценимую услугу – помогла уничтожить значительную часть активистов, выступавших против колониального ига.

А каковы итоги Сатьяграхи? Британцы не пошли ни на йоту на уступки в вопросе о независимости Индии. Фактически не поддержали Сатьяграху и мусульмане. То есть при выборе принципиального пути борьбы раскол возник не только между Ганди и его соратниками (даже с Неру), но и в целом

по Индии – с мусульманами. Более того, Индийский национальный конгресс принял решение с 1934 года вообще отказаться от тактики гражданского неповиновения. Махатма Ганди вовсе вышел из ИНК и сосредоточился на теоретической работе. По моим меркам, такие итоги – это полное поражение идеологии гражданского неповиновения, ее безусловный провал и повсеместное признание ее неэффективности.

А может, я все-таки наговариваю на Махатму Ганди? Может, он на дух не переносил тайные контакты с англичанами и их секретной службой? Приведем тогда один интересный эпизод из жизни Ганди, описываемый его биографами. Якобы в 1938 году Субхас Чандра Бос вступил в контакт с немецким консулом в Калькутте. И британцы не только зафиксировали этот факт, но и смогли добраться до документа, который консул по этому поводу послал в Берлин. Там говорилось, что Бос не просто поговорил с консулом, а обещал свою поддержку на случай, если Германия вступит в войну против Великобритании. Может, британцы выдумали эту историю, чтобы скомпрометировать Боса? Вряд ли. Последовавшие за этим события, а именно переезд Боса в Германию, подтверждали эту версию.

Однако что же сделали англичане, выявив такой интересный факт из жизни Субхаса Чандры Боса? Сообщили обо всем не кому-нибудь, а Махатме Ганди. И тот, представьте себе, с полным доверием отнесся к этой информации. Настолько с доверием, что смог убедить своих сторонников. Только ссылаясь на устное сообщение? Или все-таки предъявил какие-то документы? А иначе так можно было оговорить любого. Видимо, Ганди настолько верил своим британским информаторам, что поставил на кон свой авторитет, требуя сначала не избирать Боса президентом ИНК, а потом настаивая и на его отставке, когда тот все-таки был избран. В результате же не в последнюю очередь из-за этого Бос вскоре вынужден был покинуть пост руководителя ИНК. В любом случае из этого эпизода следует, что отношения Ганди с британцами были не абы какие. А основанные на хорошем взаимном доверии.

Биографы тут, понятное дело, оправдывают Ганди. Якобы тут он оказался такой легковерный! Как он мог так легко поверить злым и коварным англичанам?! Вот поверил. А мне тут Махатма Ганди вовсе не кажется легковерным простофилей.

Можно тут рассмотреть и другие эпизоды из жизни Ганди. Но надо ли? Кажется, и так все понятно. Конечно, Индия в конце концов обрела независимость. Но это произошло только после окончания Второй мировой войны, почти через двадцать лет после описываемых тут событий. Довольно существенная отсрочка, согласитесь. Англичане за этот срок, несомненно, существенно пополнили свои запасы за счет индийских колониальных товаров.

Кстати, уместно немного копнуть и историю Индийского национального конгресса, ИНК. То есть организации, которой в описываемом периоде на смену руководили Ганди и Неру. Эта организация возникла в 1884 году. Организаторы – частично индийцы. Но главное лицо – Аллан Октавиан Юм, британец. Организация была задумана как платформа для политического и гражданского диалога британцев с индийцами. Понятное дело, ИНК был создан с одобрения высших британских властей в Индии, лорда Дафферина. Через несколько лет ИНК включил в свою повестку дня вопросы обретения Индией независимости. Но это не вызвало никакой отрицательной реакции британских властей. ИНК не был ни разогнан, ни запрещен. Логично предположить, что британцы рассматривали ИНК как своеобразный предохранительный клапан, который выпускал пар из перегретого котла политической жизни Индии. Ясно, что вопрос о независимом существовании был крайне острым. А тут вдруг индийская интеллигенция получала прекрасную возможность высказаться на эту тему. А британцы получали возможность держать всех высказывающихся и вообще активистов в поле своего зрения.

К 1907 году в ИНК сформировались два крыла: радикальное и умеренное. Они назывались Гарам дал и Нарам дал. В немного вольном переводе это звучит как «Горячая фракция» и «Мягкая фракция». Горячую фракцию возглавлял Бал Гандхадхар Тилак. И что с ним после этого стало? В следующем году британцы его арестовали и посадили на шесть лет. После которых он, подхватив достаточное количество тюремных болезней, прожил совсем недолго. Вот так британцы поступали с теми, кто хотел оказывать им «горячее» сопротивление.

А ИНК без радикалов продолжал существовать хорошо и безмятежно. В 1915 году его возглавил Махатма Ганди, только что вернувшийся из Южной Африки. Возглавил с опорой на умеренных членов Конгресса. Это вызвало возмущение у сторонников более жестких мер, и они вышли из состава ИНК, создав Сварадж Парти. И дальше история ИНК, как нетрудно догадаться, – это почти исключительно история ненасильственного протеста, адвокатом которого и выступил Махатма Ганди. На какой-то момент в 1938–39 годах президентом ИНК был избран Субхас Чандра Бос. Но его очень быстро понудили подать в отставку. А вместе с ним из ИНК сразу же выгнали и всех радикалов, группировавшихся вокруг социалистических идей.

А вот еще один эпизод из биографии Махатмы Ганди. Как вы думаете, какой была более выгодна британцам свободная Индия? Единая, или разделенная на два государства? В любом школьном учебнике вы найдете фразу, что британцы ушли из Индии, но разделили ее на две части: Индию и Пакистан.

А как было на самом деле? В общем-то, ясно, что управлять со стороны легче не одним большим государством, а двумя поменьше, к тому же враждующими между собой. Это – аксиома международных отношений. Но, представьте себе, англичане выступили как раз с ровно противоположным предложением. Они формально высказались за единую независимую Индию. Хотя при этом сослались на более чем сомнительный аргумент – особые географические условия.

Но Мусульманская лига, лидером которой был Мухаммед Али Джинна, выступала за выделение мусульманской части Индии в отдельное государство. Однако согласия в индийском обществе по этому вопросу не было. И это понятно – до этого Индия очень даже успешно существовала как единая страна, в которой вполне уживались индусы и мусульмане. А тут вдруг делить!

Наконец индийские мусульмане выдвинули условие. Они поддерживают на уровне Мусульманской лиги вступление Британской Индии в войну против Германии. Но с условием: Великобритания должна дать принципиальное согласие на создание после окончания войны отдельного, чисто мусульманского государства Пакистан.

И тут на политической сцене Индии «вдруг» (уже в какой раз) появляется не кто иной, как сам Махатма Ганди. Его британцы решили выпустить из тюрьмы. Вроде как по состоянию здоровья. И Ганди с места в карьер начинает кампанию за разделение Индии. Он вступает в переговоры с лидером мусульман Джинной. И выработывает компромисс, как именно поделить страну. Субхас Чандра Бос, находящийся в это время за границей, отчаянно протестует. Он убежден, что можно сохранить Индию как единое государство. Но его, находящегося в Бирме, уже никто не слышит. В конце концов индийцы сами обращаются к Великобритании с просьбой их разделить.

Не правда ли, очень красивый ход? Британцы так обернули дело, что народ колонии сам попросил их разделить страну. И, согласитесь, решающую роль в этом разделе сыграла не столько Мусульманская лига, сколько Махатма Ганди и подконтрольный ему Индийский национальный конгресс.

Конечно же, сами индийские историки понимают все эти достаточно сомнительные обстоятельства, которые я тут описал. И им тоже многое кажется странным, например, то, что англичане своими руками создавали для своего якобы кровного врага публичную популярность. Тем самым, казалось бы, укрепляя протестное движение в Индии. Однако ясно, что эту популярность нельзя рассматривать в отрыве от личности самого Ганди, от проводимой им политики, от его идеологии отказа от насилия (Сатьяграха). Однако в Индии не принято ставить под сомнение добропорядочность Ганди.

Иначе получается, что Индия совсем лишается своих героев. А без них как развивать и укреплять патриотизм? Кстати, в России сложилась примерно такая же ситуация. И здесь считается не вполне приличным рассуждать о том, был Ленин или нет немецким шпионом. Или сотрудничал ли Сталин с царской охранкой. Хотя конкретные исторические эпизоды по этой части достаточно красноречивы, чего уж греха таить.

Будем копаться в биографии вождя? Для того чтобы общая картина коллаборационизма была более объективной и сбалансированной? Давайте кратко коснемся. А то получается нехорошо: критически относимся к общепризнанному авторитету Махатмы Ганди и некритически – к своей собственной истории.

А в истории Советского Союза и нынешней России как раз и имеется примерно такой же «Махатма Ганди».

Итак, Владимир Ильич в 1917 году со своими сторонниками перебирается в Россию в вагоне поезда по территории, находящейся под контролем страны, которая с этой самой Россией воюет. То есть по территории Германии. Вряд ли такое могло произойти случайно. Но это всего лишь косвенные признаки сотрудничества с враждебной державой. А вот что Ленин персонально делал дальше в России? Можно ли квалифицировать какие-либо его действия как направленные во вред его собственной стране и при этом одновременно на пользу Германии?

Если сказать честно, то это сложный вопрос. Ведь Ленин никогда не пользовался абсолютной властью. Подавляющее число решений принималось все-таки коллегиально. Мало того, практически всегда существовала какая-то неопределенность: да, некоторые действия Ленина и его сторонников были выгодны Германии. Но одновременно эти действия мотивировались какими-то внутривнутриполитическими целями. То есть почти всегда формально можно было сказать, что большевики под руководством Ленина в первую очередь думали об интересах своей собственной страны и своего собственного народа. А уж если их поступки были одновременно выгодны кому-то еще, то это просто сопутствующий результат, побочное, заранее не запланированное последствие, и ничего более. Иными словами, в подобной ситуации перед исследователем возникает сложная задача доказать, что мы имеем дело не просто с политическим деятелем, а с агентом влияния, который умышленно совершал те или иные поступки, чтобы в ущерб интересам собственной страны обеспечить какую-то выгоду для другого государства.

Понятно, что для Германии было выгодно, чтобы Россия вышла из войны. Тут практический интерес немцев очевиден, и его можно не доказывать. Остается вторая часть вопроса: наносился ли в тех или иных ситуациях ущерб интересам России и была ли возможность у

соответствующего фигуранта (в нашем случае у Владимира Ильича) поступить иначе.

Да, совершенно определенно Ленин публично выступал за прекращение войны, тем самым разлагая армию. Конечно же, это было выгодно Германии. Но точно так же было ясно, что Россия не может выиграть войну. Ее продолжение вело лишь к дополнительным жертвам. Другое дело, что войну можно было попытаться завершить так, чтобы потери были минимальными, чтобы не надо было выплачивать контрибуции и терять территорию. Но как этого добиться? Путь, в общем, более или менее понятен. Либо предложить заключить мир после успешной военной операции, чтобы противник был рад, что легко отделался. Либо вести переговоры о мире без напряжения, просто попутно с военными действиями. Когда противник будет видеть, что ты можешь продолжать воевать, но предлагаешь мир, тогда есть шанс заключить такой мир на приличных условиях.

И Ленин, и большевики, и все их союзники, меньшевики, эсеры и другие – все заняли иную позицию. Которая привела к очень тяжелым для России последствиям. Временное правительство было низложено. И на следующий день, 26 октября 1917 года, II Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов принял два декрета, Декрет о мире и Декрет о земле.

Понятное дело, что с точки зрения простого человека самым важным было прекратить войну и поделить землю, отнятую у помещиков. Получалось, что новая власть именно это и делает, а потому ее надо и поддержать. То есть авторы двух документов преследовали цель повысить собственную популярность. Но решали ли они на самом деле вопрос о мире и вопрос о земле?

Оба документа были подписаны Лениным. Но, конечно же, это был плод коллективного труда. Более того, Декрет о земле и вовсе считался эсеровским. И наиболее разрушительным для России был, пожалуй, именно он. Значительную часть армии составляли российские крестьяне. И вдруг новая власть объявляет, что в стране начинается передел земли! Что станет делать такой солдат-крестьянин? Продолжать сидеть в окопе? А в этом время в его родной деревне будут делить землю? Скажем сами себе честно: Декрет о земле имел колоссальную разрушительную силу, он разлагал российскую армию до основания. По сути, Декрет о земле был декретом о поражении в войне. Но формально в этом было трудно кого-либо обвинить. Ведь одновременно был принят и Декрет о мире. Там говорилось о необходимости заключить мирные договоры.

Конечно, Декрет о мире изначально был утопией. Так мирные договоры не заключают. Это была скорее декларация о том, что Россия больше не в силах продолжать войну и обращается ко всем с отчаянным призывом прекратить против нее воевать. Понятно, что после этого враги России

только активизировали бы боевые действия, чтобы заставить ее пойти на самые неблагоприятные условия. Так оно на самом деле и произошло.

Понимал ли Ленин, что именно он подписывает? Лично я не могу поверить, что не понимал. Конечно, понимал. Но подписал и не высказал мнения, что это – верный путь к катастрофе для государства.

Дальше было немецкое наступление и предложения заключить мир с потерей территории. В переговорах непосредственно участвовал Троцкий. Было принято решение затягивать переговоры. Немцы все ужесточали свои требования. Наконец во многом по настоянию лично Владимира Ильича Брестский мир был заключен. Были потеряны значительные территории, часть из них – безвозвратно. В стране возникли очень серьезные противоречия, во многом повлекшие гражданскую войну. И только революция в Германии как-то смягчила эту ситуацию.

Если говорить формально, то обвинить Ленина в коллаборационизме трудно. За границей вооруженных формирований, в том числе состоящих из соотечественников, он не создавал. И эти формирования против России не воевали и россиян не убивали. Брал ли Ленин деньги от немцев? Достоверно не доказано. Агитировал за прекращение войны, чтобы угодить немцам? Или все-таки просто хотел потрафить общественным настроениям и таким образом прийти к власти? Декреты о мире, о земле, Брестский мир? Ничего тут не докажешь, это все результат коллективной деятельности. Единственно, можно сказать, что все это выглядит довольно-таки двусмысленно. Политический деятель, который думает о своей репутации, должен избегать подобных ситуаций и не давать повода сомневаться в своей лояльности. А Ленин, к сожалению, такой повод давал.

Однако вернемся тут к Субхасу Чандре Босу. Повернется ли теперь у нас с вами язык, чтобы обвинить несчастного индийца в коллаборационизме и назвать его сотрудничество с фашистами предательством или, по крайней мере, осуждаемым проступком? Возможно ли вообще где-либо и когда-либо пробиться к вершине власти без какой-то явной или тайной поддержки? И всегда ли такая поддержка дружественна соответствующему государству? Все это – очень большой вопрос. Мне мало верится в счастливую историю про политическую Золушку. Без тайной поддержки любой человек, который вдруг задумал пробраться на верх политической пирамиды и свергнуть засевших там царей, будет в два счета уничтожен еще на дальних, очень дальних подступах к этой цели. И только поддержка очень могущественных сил может вывести каких-то счастливых из-под удара и вознести к самой вершине власти.

Другое дело, что такие вот счастливики нередко потом «отбиваются от рук», забывают о своих благодетелях, начинают проводить какую-то свою

независимую политику. Но это – обычное для человеческой природы дело. Причем, может быть, даже по счастью обычное.

Я, как понимает читатель, сделал это отступление про Ленина не просто так. А для того, чтобы мы с вами могли более объективно оценить личности и Махатмы Ганди, и Субхаса Чандры Боса. И понять, насколько мы можем считать Боса личностью, враждебной СССР и России. А также насколько сильно он предавал интересы своего народа, сотрудничая с немцами. Или лучше было сотрудничать с англичанами? А что стало с теми, кто ни с кем не сотрудничал? Просто канул в небытие, сгнил в английских застенках? Или умер от ран, нанесенных полицейскими? Мы теперь и имен-то их не знаем.

Итак, что мы в итоге можем сказать о Ганди? Пусть читатель судит сам. За руку он пойман не был. Во всем мире почитается как известный борец за независимость Индии, как носитель своеобразных взглядов на способы противодействия колонизаторам. Никто его в предательстве и коллаборационизме не обвиняет. И ни с какими разоблачениями по этому поводу сами англичане не выступают. А это значит, что автор данной книги позволил себе большую вольность, покусившись на авторитет и доброе имя столь крупной исторической фигуры. Поэтому лучше мне никаких резких выводов тут и не делать. В конце концов, современный читатель и сам вполне может разобраться, что к чему. Тем более что ключевые исторические факты мы ему изложили достаточно ясно.

Глава 3. Шарль де Голль

Рассуждая о коллаборационистах и коллаборационизме, вполне уместно обратиться к еще одной исторической фигуре того времени. К Шарлю де Голлю. Если у индийцев их страну поработили англичане, то у де Голля – немцы. Мог ли Шарль де Голль бороться против немцев в рядах подпольного движения? Запросто мог. Но не стал. А решил перебраться в другую страну, к англичанам. И попытаться там найти у них поддержку.

Конечно, Великобритания в тот исторический момент являлась военным союзником Франции. Но она потом и союзником СССР являлась. Что не помешало ей сразу после Второй мировой войны превратиться в противника. Точно так же хорошо известно, что Великобритания и Франция всегда считались если не прямыми врагами (а такое тоже бывало), то соперниками, это уж точно. И мало что изменилось до сих пор, несмотря на членство обоих государств в Европейском союзе.

Итак, де Голль перебрался в Великобританию. Но для начала обвинил своих сограждан, в частности, правительство Петена, в предательстве. И попытался самостоятельно, без иностранной поддержки, создать организацию сопротивления фашистам под названием «Свободная Франция». Однако попытка самостоятельно противостоять немцам оказалась неудачной. Никто особо де Голля не поддерживал и как борца за свободную Францию не признавал.

И де Голль, точно так же, как и Субхас Чандра Бос, начал искать поддержку посторонних сил. И вот тут он нашел определенное понимание. Де Голля заметил Черчилль. И с июня 1940 года стал активно его

поддерживать. С этого момента, опираясь на иностранную помощь, де Голль и начал свое восхождение наверх.

Вот как это выглядело, если судить по мемуарам самого де Голля:

«Первое, что необходимо было сделать, – это вновь поднять боевое знамя Франции. Мне представилась возможность сделать это с помощью радио. Днем 17 июня я сообщил о своих намерениях Уинстону Черчиллю. Очутившись после кораблекрушения на английском берегу, мог ли я что-либо предпринять без его поддержки?»

То есть, как мы видим, сам де Голль понял, что без иностранной помощи ему не обойтись.

А как же остальная Франция, которая, заметим себе, еще окончательно к этому моменту не капитулировала? Де Голлю предложили немедленно вернуться во Францию, чтобы предстать перед судом. Который для начала приговорил его к месяцу тюремного заключения. А потом по апелляции министра национальной обороны Вейгана – и вовсе к смертной казни. То есть страна, которую де Голль рассматривал как свою родину, его самого рассматривала исключительно как предателя, заслуживавшего за свои действия смертной казни.

Сам де Голль в своих мемуарах эдак скромненько умалчивает, в чем его обвиняли. А обвиняли его именно в предательстве. Конечно, это был режим Виши. Однако смысл обвинения был вполне понятен: часть французов решила спасти нацию и пошла ради этого на сотрудничество с фашистами. А какой-то там француз стал сотрудничать не с немцами, а с англичанами, ставя под удар эти попытки спасти хоть в какой-то форме часть французской нации. Как мы видим, для де Голля его сотрудничество с англичанами началось с ярлыка предателя.

Итак, де Голль перебрался в Англию. А за ним туда последовала и его семья. Конечно, можно было найти и другое пристанище для семьи, на Великобритании свет определенно клином не сошелся. Но де Голль не хотел рисковать. Пусть англичане видят, что его сотрудничество – это не просто вынужденная мера. Это сотрудничество идет от души, вот, даже семью свою вверил заботе британцев.

По вопросу о корыстном характере британской помощи биографы де Голля выражаются очень определенно. Сам генерал очень даже подозревал, что Черчилль на самом деле хочет воспользоваться ситуацией и прибрать к рукам французские колонии, в частности на Ближнем Востоке. Вот как это описывает сам генерал:

«...учитывая, что англичане могут, чего доброго, польститься на то или иное из наших заморских владений, я настаивал на том, чтобы Великобритания гарантировала восстановление границ метрополии и Французской колониальной империи. Англичане согласились в

конечном счете обещать «полное восстановление независимости и величия Франции», но не взяли на себя никаких обязательств относительно нашей территориальной неприкосновенности».

Тем не менее де Голль пошел на сотрудничество с британцами! Пошел в ситуации, когда они ему прямо и ясно дали понять, что некоторые из колоний Франции могут сменить покровителя. И что же решил сделать генерал в этой очень недвусмысленной ситуации? Сам Черчилль достаточно откровенно описывает этот момент:

«Он чувствовал, что ему было необходимо обозначить свою позицию перед французским народом, и что он должен сохранять гордое и надменное поведение по отношению к "коварному Альбиону", хотя он и находился в эмиграции и зависел от нашей поддержки и от влияния нашей среды. Он должен был вести себя грубо по отношению к британцам, чтобы в глазах французов не выглядеть британской марионеткой. Он, конечно же, проводил эту политику с настойчивостью».

Вот и все, как выясняется, «гарантии». Сам де Голль понимал, что он полностью зависит от англичан и своими руками помогает им установить контроль над французскими колониями. И чтобы хоть как-то смягчить это впечатление, он вел себя подчеркнуто грубо и вызывающе по отношению к британцам, как бы тем самым демонстрируя, что он является независимой фигурой. Черчилль прекрасно понимал, что это всего лишь игра. И охотно подыгрывал французскому генералу. Пусть грубит как хочет. Лишь бы французские колонии помог захватить.

Историки тут подчас пытаются как-то сгладить ситуацию. Мол, Черчилль был известный обожатель Франции, он не желал ей зла. Спорить не буду. Наверное, действительно, Черчилль любил Францию. Но французские колонии он тоже любил, и, похоже, ничуть не меньше, чем метрополию.

В общем, де Голль не просто пошел на сотрудничество с англичанами. Он как умный человек понимал, что такие действия запросто могут быть истолкованы как коллаборационизм. И на всякий случай предпринимал усилия, чтобы хотя бы внешне не очень выглядеть как полный предатель. И, как оказалось, не напрасно. Впоследствии его биографы пытались и пытаются истолковать каждое его слово и каждый жест как подтверждение, что он никаким коллаборационистом вовсе и не был.

А как же насчет СССР и США? Что думали в то время политики этих стран и как они относились к де Голлю? Тут есть что сказать. Советский Союз, например, просто имел при режиме Виши своего представителя – Богомолова. То есть никаким его предателем интересов французского народа и не считал. Правда, потом Богомолов переехал в Лондон. Но очень даже не сразу.

А США и вовсе не признавали никакого де Голля. Рузвельт честно ориентировался именно на режим Виши, полагая, что он представляет как бы хоть и меньшинство, но все-таки французского народа. И предпочитал иметь дело именно с Петеном и его правительством, искренне веря, что его можно перетянуть от фашистов на свою сторону. Так продолжалось, кстати сказать, аж до конца 1942 года. Послом при правительстве Петена от США был адмирал Леги.

В биографии де Голля есть и еще один необычный эпизод. 21 апреля 1943 года самолет, на котором пытался вылететь де Голль, чуть не разбился. Выяснилось, что это была диверсия, по счастью, неудачная. Немецкие диверсанты? Англичане именно так и сказали, хотя расследование ничем не кончилось и никого не поймали. А вот де Голль полагал, что это были никакие не немецкие диверсанты, а происки самих «союзничков». Видимо, к этому моменту они сочли, что де Голль начал играть слишком самостоятельную роль, мешал сотрудничеству с режимом Виши, помогавшему еще лучше и легче захватывать французские колонии. И союзники попытались от него избавиться под благовидным предлогом. Ситуация вполне понятная. Для англичан выбор был вполне ясен – либо ты пляшешь под нашу дудку без каких-либо оговорок, либо мы найдем кого-нибудь получше тебя. Уже нашли – Петен. И это – понятная позиция. На де Голля выделялись деньги, ресурсы, люди. А кто платит, тот и музыку заказывает, и никакой сомнительной филантропии.

Но, как известно, слова словами, а дела делами. Давайте остановимся на этой помощи, которую оказывали де Голлю англичане, поподробнее. Вы думаете, они решили бескорыстно помогать этому французу бороться против немцев? Как бы не так! Их интересы оказались очень даже корыстными. Для начала Черчилль озаботился французскими колониями. Внешне все выглядело вполне благопристойно – не допустить, чтобы колонии попали в лапы фашистов. Однако заодно как бы между делом получилось, что эти самые французские колонии стали переходить под контроль англичан.

И частично действия по захвату этих самых колоний осуществлялись руками именно Шарля де Голля. Француз воевал за то, чтобы колонии его страны перешли к англичанам. Это еще не коллаборационизм? Тогда пойдем дальше. Как известно из истории, де Голль не смог взять Дакар. И перебрался в Конго, где и продолжил свою борьбу. Там он организовал так называемый Совет обороны Французской империи.

Однако французскими колониями заинтересовались не одни англичане. 8 ноября 1942 года войска США высадились в Алжире и Марокко. При этом американцы предпочли сотрудничество с режимом Виши, так было проще. А де Голля при этом всячески осуждали, утверждая, что он мешает «вести войну». Понятное дело, в такой ситуации нелюбовь оказалась взаимной. Де

Голль, конечно же, предпочел бы, чтобы эта иностранная держава согласилась на сотрудничество именно с ним, а не с Петеном. Бедолага Петен! Он оказался в роли коллаборациониста на два фронта. И с фашистами сотрудничал. И с США и Великобританией. И непонятно, с кем больше.

А вот что говорил сам де Голль по поводу планов США и Великобритании в отношении французских колоний:

«Участие французских вооруженных сил и французских территорий в битве за Африку свидетельствовало бы о том, что определенная часть Франции снова вступила в войну. Это означало бы непосредственную защиту своих владений от врага и помешало, в пределах возможности, Англии и, вероятно, в будущем Америке захватить эти территории с целью ведения войны и в собственных интересах».

Из этого высказывания можно лишний раз сделать вполне определенный вывод: сам де Голль очень даже хорошо сознавал, что действия Великобритании и США запросто могут быть направлены просто на захват французских колоний. Но как это предотвратить? Из той же вышеприведенной фразы де Голля можно сделать и вывод, как именно он собирался это делать: путем участия в борьбе за Африку «французских вооруженных сил». Не правда ли, интересный способ? Ведь речь шла о вооруженных формированиях, созданных на территории Великобритании. И в конечном итоге формально подчинявшихся военному командованию Великобритании. Какая уж тут самостоятельность! И как уж тут будешь противодействовать захвату твоих колоний? Да никак.

Однако в поражении под Дакаром имелись некоторые интересные детали. Действительно, де Голль пытался действовать там самостоятельно, без опоры на британцев. Однако в какой-то момент понял, что ему не победить, если британские военно-морские силы не поддержат его. И де Голль обратился к Черчиллю именно с просьбой о такой поддержке. Мол, англичане поддержат, а французы захватят Дакар. По свидетельству де Голля Черчилль ответил вполне определенно: **«Нужно, чтобы мы вместе овладели Дакаром».**

Интересы Великобритании, понятное дело, не просто сводились к тому, чтобы взять Дакар под свой контроль. Там, в частности, находились довольно значительные запасы золота. Де Голль по этому поводу пишет: **«Но англичане, которые, естественно, не имели никаких прав на это золото, тем не менее намеревались воспользоваться им с целью оплатить свои закупки в Америке, ссылаясь при этом, что они это делают в интересах коалиции».**

Вернемся на несколько лет назад. Де Голль в 1940 году стал создавать на территории Великобритании вооруженные формирования, состоявшие из французов, попавших туда вместе с бежавшими от немцев английскими

войсками. Там же были и некоторые военные корабли Франции, успевшие уйти от фашистов. В английских госпиталях также лечились французские солдаты, раненные еще в Бельгии. Нужно отметить, что французы не очень-то и рвались встать под знамена де Голля, и понятно почему. Де Голль был просто одним из французских генералов, к которому благоволил Черчилль. Но формально де Голль был никем. Более того, формально он был предателем. Ведь и СССР, и США, и сама Великобритания в этот момент поддерживали дипломатические отношения с режимом Виши. А там де Голль был приговорен французским судом к смертной казни как предатель.

То есть в то время имелось вполне законное правительство Франции. Именно законное, поскольку оно признавалось на дипломатическом уровне крупнейшими державами, в том числе и СССР. А де Голль вопреки воле своего законного правительства занимался сотрудничеством с англичанами. Причем его законное правительство рассматривало эту деятельность вполне однозначно – как предательство.

Чем все это в конечном итоге закончилось для де Голля, известно. Он оказался на стороне стран, победивших в войне. Причем на стороне стран, которые на последнем этапе войны сделали ставку именно на него. А в послевоенной Франции надо было решать, кто именно был предателем, а кто – нет. Понятное дело, решал не какой-нибудь независимый суд, а сами победители. Которые решили объявить именно Петена коллаборационистом. А де Голля – героем сопротивления, который якобы сотрудничал с ними не против воли и не против интересов своего законного правительства. Для такого вывода достаточно было сделать одну довольно грубую подмену. Признать задним числом режим Виши предательским и незаконным. То есть до конца 1942 года правительство Петена было законным и «хорошим». А потом вдруг стало незаконным с самого начала своего существования. Вроде бы его никто и не признавал и никаких послов там не держал.

При этом предполагалось, что де Голль каким-то волшебным образом уже в 1940 году знал, что правительства США, Великобритании, СССР, Канады и других стран хотя и держали при Петене своих послов, но это было как бы не на самом деле, а понарошку. А если знал, значит, он никаким коллаборационистом вовсе и не был. Значит, именно он, а не Петен, и был изначально законным представителем французского народа. Которого, правда, никто формально в таком качестве и не думал признавать. И, представьте себе, французских граждан такая трактовка истории очень даже устроила. Благодаря этой подмене удавалось как бы перечеркнуть неприятную страницу своей истории и предстать в более или менее приличном виде, свалив все свои неприглядные дела на Петена и его правительство.

«Нет уж, позвольте! – воскликнет тут пытливый читатель. – Де Голль никакой не коллаборационист! Ведь Великобритания только формально признавала режим Виши, а на самом деле никаких действий, враждебных Франции, не предпринимала! И колонии себе в конечном итоге ведь не присвоила. Значит, де Голль никакой не коллаборационист».

Ах, если бы все было так просто! На самом деле как раз в этот период Великобритания и предприняла определенные действия, прямо наносившие ущерб интересам Франции и ее народа. Все это замечательнейшим образом описано в мемуарах самого де Голля:

«И вдруг горестное событие приостановило поток добровольцев. 4 июля радио и газеты сообщили, что накануне английский средиземноморский флот совершил нападение на французскую эскадру, стоявшую на якоре в Мерс-эль-Кебире. Одновременно нам стало известно, что англичане внезапно захватили французские военные корабли, укryвшися в английских портах, и насильно высадили на берег и интернировали — не без кровавых инцидентов — офицеров и матросов. Наконец 10 июля было опубликовано сообщение о торпедировании английскими самолетами линкора «Ришелье», стоявшего на рейде Дакара. Лондонские газеты и официальные коммюнике стремились изобразить эти агрессивные действия как победу, одержанную на море. Было ясно, что у английского правительства и морского министерства страх за будущее, отзвуки старинного соперничества на море, обиды, накопившиеся с начала битвы за Францию и особенно обострившиеся в связи с перемирием, заключенным правительством Виши, вылились в один из тех диких порывов, когда долго сдерживаемый инстинкт этого народа ломает все на своем пути».

Кажется, яснее не выразиться. Это пусть современные историки оправдывают англичан, которые якобы старались не допустить, чтобы французские корабли не попали в руки фашистов. Однако сам де Голль выражается яснее ясного. Лично он считал, что за этими действиями стоит в том числе и желание ослабить Францию, лишить ее военно-морского флота. Конечно, дальше в своих мемуарах он пытается как-то смягчить ситуацию, но это ему не очень удастся. Он ведь прямо констатирует, что немцы не имели намерения захватывать этот флот. А Петен не собирался передавать его фашистам. И не было никаких объективных предпосылок для того, чтобы англичане поступили именно так, а не иначе.

Иными словами, если подойти к этой ситуации с позиций коллаборационизма и патриотизма, сам генерал считал действия Великобритании враждебными его стране. Даже не просто враждебными, а выражающимися в нанесении военного ущерба. И тем не менее де Голль не

прекратил сотрудничества с врагом своей страны. То есть сам он считал себя коллаборационистом (хотя прямо так себя, понятное дело, не называл). А мы будем считать, что он не коллаборационист? При этом будем приговаривать: «Мало ли что там говорил генерал, и кем он сам себя считал. Важно, что про него насочиняли услужливые биографы и историки».

А кто собирался командовать этими французами, завербованными де Голлем? Кто был их верховным главнокомандующим? Понятное дело, эти вооруженные формирования подчинялись Великобритании. А существовала ли угроза, что этим самым французским солдатам, набранным в Великобритании при помощи де Голля, не придется воевать против своих собственных сограждан? Вы скажете, что такая постановка вопроса была вообще немыслима? Как бы не так! Обратимся опять к первоисточнику, к тому, что написал по этому поводу сам де Голль:

«Кроме того, я настоял на оговорке — не без возражений со стороны англичан, — что ни в коем случае добровольцы «не обратят своего оружия против Франции». Это не означало, что они не должны были никогда сражаться с французами. Увы! Нужно было предвидеть как раз обратное, поскольку Виши было только Виши, а отнюдь не Франция. Но эта оговорка должна была гарантировать, что наша армия, ведя военные действия совместно с союзниками, не нанесет ущерба национальному достоянию Франции, а также ее интересам».

Итак, армия де Голля подчинялась указаниям другой страны. И к тому же не исключалась возможность, что эти самые французы будут ко всему прочему еще и воевать против соотечественников. Да они и воевали, например, в Дакаре, прикрываясь британской эскадрой. И не только в Дакаре. Вообще, взаимоотношения де Голля и режима Виши были вполне враждебными. Например:

«Тогда я предупредил Верховного комиссара Виши, что в моих руках находится немало его друзей, которые ответят за жизнь тех свободных французов, которых он держит в тюрьме».

Заметим при этом себе, что вплоть до ноября 1940 года Великобритания продолжала вести официальные переговоры с представителями режима Виши. Кто-то еще сомневается по части коллаборационизма? Если война французов против французов на стороне англичан это не коллаборационизм, то что тогда?

Ну а как само население Франции относилось к режиму Виши? И как это население относилось к «Свободной Франции», созданной самим де Голлем? Может быть, французы изначально осуждали коллаборациониста Петена и считали только де Голля представителем французского народа? Вопрос сложный. Как можно оценить отношение народа к ситуации и событиям, которые имели место более чем полвека назад? Вообще-то способ такой есть.

Имеется мнение самого де Голля по этому вопросу. Мы можем оценить его собственное субъективное отношение к режиму Виши. Это важно, чтобы понять, насколько де Голль, который даже воевал с войсками режима Виши, считал этот режим представителем французского народа. Итак, вот его слова:

«Мало кто не признавал правительства Виши, а сам маршал Петен продолжал пользоваться большой популярностью. Полученный нами фильм, который снимался во время поездки Петена по крупным городам Центральной и Южной Франции, служил ярким доказательством его популярности. Большинство французов в глубине души надеялись, что Петен ведет двойную игру и что настанет день, когда он возьмется за оружие. Широко распространенным было мнение, что мы с ним вступили в тайное соглашение».

В юридической науке для того, чтобы определить вину человека в совершении преступления (а коллаборационизм – преступление), нужно выяснить его собственное отношение к совершенным им поступкам. Вот тут мы и имеем отношение де Голля к собственному сотрудничеству с Великобританией. Он считал, что Великобритания может воспользоваться ситуацией, чтобы прибрать к рукам французские колонии, а также иными способами удовлетворить свои корыстные интересы за счет Франции и ее народа. Он также понимал, что вооруженные силы, которые он формировал из французов, подчинялись в конечном итоге британцам. Более того, де Голь сознавал, что он и его сторонники могут вступить в вооруженную борьбу с самими французами, в том числе с теми, кто поддерживал режим Виши. И в конце концов так и произошло, вооруженные столкновения действительно имели место. И в довершение всего выясняется, что сам де Голль понимал, прекрасно понимал, что очень многие его сограждане поддерживают режим Виши. После такого его признания трудно отрицать, что де Голль, умышленно пошел на сотрудничество с государством, имевшим определенные корыстные интересы, чтобы в том числе воевать по крайней мере против части собственного народа.

Можно пройти и дальше по биографии Шарля де Голля. Там есть и еще много чего интересного. Но я полагаю, что и приведенных фактов достаточно. Во всяком случае, мы можем сравнить Субхаса Чандру Боса с другими политиками, попавшими примерно в такую же ситуацию. И это сравнение необходимо вовсе не для того, чтобы кого-то огульно охаивать. А только для того, чтобы попытаться более или менее объективно оценить политическую и военную ситуацию тех лет и сделать хотя бы для самих себя более или менее объективные выводы. В период Второй мировой войны вовсе не редким делом была организация на территории другого государства вооруженных формирований, которые должны были захватывать власть в

собственной стране. Кого-то за это повесили. Кого-то убили при неизвестных обстоятельствах. А кого-то сделали героем.

Можно подвести и небольшой промежуточный итог. Кто победил, тот и имеет право переписывать историю под свои «подвиги». Союзники решили, что де Голль им выгоднее как герой. Он и был объявлен героем. И теперь многие историки вынуждены корчиться, придумывая, как бы представить те или иные поступки генерала не как сотрудничество с другой страной вопреки интересам своего народа. А ведь в 1940 году было совсем неясно, чем закончится война. Запросто могло получиться так, что де Голль помог бы англичанам прибрать к рукам французские колонии, вот и все. Были французские, а стали английские. Ведь надо оценивать действия того или иного человека именно с позиции той ситуации, которая существовала, когда он принимал роковое решение. Если такое решение тогда рассматривалось как преступление, значит, оно и было преступлением. А если потом такие действия были декриминализованы, то это означало в лучшем случае только амнистию, но никак не возведение в сан героя.

Глава 4. Андрей Власов

Конечно, центральная фигура данной книги – это индийский общественный деятель и борец за независимость Индии Субхас Чандра Бос. Но можем ли мы правильно оценить его личность, если не копнем в том же историческом периоде? Сделав это, мы тотчас же натолкнемся на еще одно лицо, которое тоже сотрудничало со все теми же фашистами. И тоже набирало из пленных соотечественников воинские формирования. Генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов. Вы сразу скажете, что вот уж он-то – самый настоящий коллаборационист, записной предатель. Сказать честно, тут моя рука уже сделала приличную паузу. Легко писать про далекого и никому в России в общем-то не известного Субхаса Чандру Боса. А вот генерал Власов – это уже совсем другое дело. Он мой соотечественник. И моя Родина совершенно безапелляционно считает его самым настоящим предателем. Усомниться в этом – значит выйти за рамки скромного исторического исследования и бросить вызов официальной версии.

В общем, пройдемся по этой персоне, не слишком вдаваясь в детали. Итак, Власов, попав в плен к фашистам, точно имел альтернативу. Сидел бы себе в лагере как, например, генерал Карбышев. Конечно, в результате фашисты, скорее всего, убили бы Власова. Точно так же, как Карбышева или старшего сына Сталина Якова Джугашвили. Не хочешь с нами сотрудничать, значит, тебя – в расход. А вдруг не убили бы? Ведь остались же живы в немецком плену другие наши соотечественники, правда, не в таких воинских званиях. И ни с какими немцами при этом вовсе не сотрудничали.

В общем, подход многих советских и российских историков к личности Власова мне понятен. За Родину надо биться до конца. И если надо – умереть за Родину. Однако тут есть определенный вопрос: а что значит «надо»? Что мы понимаем под этим «надо»? Лично я понимаю так: если ты можешь хоть как-то навредить врагу, можешь, например, убить его, то ради этой цели можно даже пожертвовать своей собственной жизнью. А если не можешь навредить? Если твоя жертва собственной жизнью не только не навредит врагу, а, наоборот, избавит его от забот? Ведь пленного надо кормить, охранять, где-то держать. А так он сам своими руками избавляет врага от этих хлопот.

Вообще-то Власов и его власовцы, как известно, не воевали против регулярной Красной Армии (кроме одного эпизода, о нем скажем чуть ниже). Вот против фашистов они точно воевали. Например, в Праге. А также участвовали в подавлении Варшавского восстания, зверски уничтожая поляков. А против своих собственных соотечественников – не воевали. В лучшем случае можно найти эпизоды, касающиеся каких-то отдельных власовцев. Но уж точно не Русской освободительной армии (РОА.) Похоже,

немцы тут действовали вполне в своем духе. Держали Индийский легион Субхаса Чандры Боса до лучших времен, до прямого столкновения немецких войск с британцами в Индии. И держали РОА тоже до лучших времен, которые также так и не наступили.

Сложно делать обобщения в отношении генерала Власова. Его пребывание у немцев сопровождалось целой чередой событий. На самом деле немцы долго не могли определиться с вопросом о формировании из пленных советских солдат какого-то военного подразделения. Казалось бы, чего тут сомневаться?! У фашистов было полным-полно частей, сформированных из иностранцев. Некоторые из них были созданы непосредственно для ведения боевых действий против советских войск. В основном речь идет о странах Восточной Европы. Но были у немцев и другие части, и с совсем другими задачами. Например, все тот же Индийский легион. Солдаты Легиона не должны были заменять немцев на фронте. Они должны были войти как победители в Индию и составить костяк руководящих органов страны, освободившейся от колонизаторов.

Собственно говоря, это достаточно распространенный прием. Например, существовали Армия Крайова и Армия Людова. Формально обе действовали в подполье на польской территории. Однако одна из них ориентировалась на помощь Великобритании, а другая – на СССР. На территории Советского Союза были сформированы воинские подразделения из поляков, которые впоследствии влились в состав Армии Людовой.

Зачем были нужны эти армии англичанам и русским? Для борьбы с фашизмом? Да. Но не только. Актив этих воинских подразделений должен был встать во главе основных государственных органов послевоенной Польши. Иными словами, такие воинские подразделения были предназначены в первую очередь для решения не военных, а политических задач. И это существенная разница. Одно дело – с оружием в руках воевать против собственного народа. И совсем другое дело прийти в свою страну только тогда, когда она уже потерпела полное поражение и была захвачена врагом. Что в таком случае лучше – чтобы твоей страной руководили непосредственно захватчики? Или все-таки разумнее самому встать у руля, если уж появилась такая возможность? Если при этом у человека на уме есть какие-то соображения по защите интересов своих соотечественников, проигравших войну, то он непременно воспользуется таким положением и попытается реализовать свои идеи. А если просто предатель – то будет безропотно выполнять волю своих новых хозяев. Но, согласитесь, тут дело не в должности человека, не в том, на чьих штыках он пришел к власти. А в том, что именно он хочет делать на этой должности.

В полной мере это касалось и воинских формирований, в которые должны были войти пленные советские военнослужащие. И тут у немцев

возникло немало проблем. Советские солдаты не вызывали у немцев особого доверия, и не без оснований. Кто только ни занимался Власовым, и Гелен, и Гиммлер. К тому же немцы все никак не могли определиться то с кандидатурами на пост руководителя этих воинских формирований, то с политической программой переустройства СССР после его предполагаемого поражения.

В результате советские военнопленные, согласившиеся на сотрудничество, покинули концлагеря. Их более или менее прилично кормили, одевали, обучали. Но оружие в руки не давали. Окончательно немцы «дозрели» только к 1945 году, то есть к тому времени, когда до конца войны оставалось уже всего несколько месяцев. Именно тогда были формально созданы Комитет освобождения народов России (КОНР) и Русская освободительная армия (РОА).

Не зря фашисты так не спешили с власовцами, не зря так в них сомневались. Как известно, бойцы РОА подняли восстание в Праге, разбили наголову две дивизии эсэсовцев и двинулись на соединение с войсками союзников, справедливо полагая, что на родине у них будут проблемы.

Конечно, есть ряд более или менее установленных фактов, касающихся личности Власова и его поступков, совершенных в то время. Попробуем их бегло рассмотреть. Власов никогда не носил фашистскую военную форму, у него была своя собственная форма. Почему? Не хотел слишком уж ассоциировать себя с фашистами? Или делал это только формально, для того, чтобы было легче уговаривать советских солдат перейти на его сторону?

Власов выступал за определенное послевоенное устройство Советского Союза. Он был против репрессивных методов Сталина, но пытался заранее оговорить, что новый СССР будет хотя бы формально независим от Германии. Конечно, немцы в случае победы могли наплевать на любые манифесты Власова. Но и Власов мог не напрягать отношений с немцами своими предложениями о такой независимости. Но совершенно точно напрягал. Почему?

Есть разночтения относительно восстания РОА против немцев в Праге. Часть историков утверждает, что лично Власов был против такого восстания (Буныченко – «за»). Однако, как известно, он попал к американцам именно в составе РОА. Был командиром, был против, но остался в составе РОА?

«Боевой» путь «идейных борцов с большевизмом», оказавшихся в тот момент в окрестностях Праги, был кратким и далеко не славным. Когда немцам стало совсем тоскливо, они решились и в марте 1945-го направили на фронт 1-ю (и фактически единственную полноценную) дивизию РОА. Ей была поставлена простая и внятная задача – сбросить советские войска с плацдарма на западном берегу Одера.

Однако, потеряв за пару дней несколько сотен бойцов и не сумев продвинуться ни на метр, командир дивизии «генерал» Буняченко наплевал на требования немцев продолжать наступление и отдал приказ об отходе с позиций. С этого момента власовцы фактически вышли из подчинения командования вермахта и двинулись на юго-запад, попутно грабя тыловые склады. Гитлеровским полководцам, не знавшим, как остановить натиск советских войск, было не до сбежавшей дивизии, и на неё просто махнули рукой.

Однако вскоре ситуация прояснилась, и гитлеровцы взялись за власовцев всерьёз: начались упорные уличные бои. Здесь «герои РОА» впервые дрались по-настоящему: в случае успеха они могли предъявить западным союзникам освобожденную Прагу и рассчитывать на сытый американский плен. О договоренностях между СССР и США по поводу судьбы чешской столицы они просто не знали. Однако к ночи и им стало ясно, что в Прагу скоро войдут советские, а не американские войска. На этом «поддержка восстания» со стороны РОА, продолжавшаяся всего несколько часов, закончилась. По условиям перемирия немцы пропустили колонны дивизии Буняченко на запад, и только что сражавшиеся друг с другом нацисты и власовцы вместе (!) двинулись навстречу западным союзникам...

Кстати, Власов никогда не считал себя предателем. И, насколько известно, даже попав в НКВД, так и не согласился публично признать, что считает себя предателем. Хотя следствие обещало в таком случае сохранить ему жизнь. Все это, согласитесь, не очень-то вяжется с образом записного Иуды.

Здам себе самый последний и наиболее неприятный вопрос. Власов, как известно, занимался вербовкой в ряды своей РОА из числа пленных красноармейцев. Те, кто не согласился на вербовку, остались в немецких лагерях. И либо сгорели там в печах, либо дождались своего освобождения Красной Армией. А что же власовцы? Что стало с теми, кто завербовался в РОА? Да ничего не стало. Ни в каких печах они не сгорели. А очень даже хорошо зажили на немецких харчах. Немцы их кормили-поили, одевали и обували. Против Красной Армии воевать не заставляли. И вот он, этот мой неприятный вопрос: так мы считаем власовцев предателями только потому, что они были на дружественной ноге с немцами и при этом не подошли в лагерях? Кстати, и на дружественной ноге они не очень-то были. Они как раз были очень даже себе на уме. Не зря их немцы не вооружали. И правильно делали, в Праге, как мы уже упоминали выше, власовцы показали свое отношение к фашистам. Значит, если сдох в плену, освободив немцев от обязанности кормить тебя, то все в порядке? А если не сдох, хитростью сохранил свою жизнь, при этом не воюя против соотечественников, то все равно предатель и коллаборационист?

Вообще-то, в этой идеологии сдыхать в плену у врага есть не только что-то людоедское. Тут, если вдуматься, есть что-то и от Махатмы Ганди и от его гражданского неповиновения. По сути, та же идея подставлять врагу под пули или дубинки голову и при этом не сопротивляться. Пусть рубит эти головы, сколько хочет. И, глядишь, в один прекрасный момент враг посмотрит на гору отрубленных голов и, кто знает, вдруг дрогнет и отступит. А если не дрогнет? Если только посмеется над противником, который не оказывает сопротивления, а лишь норовит завалить тебя своими отрубленными головами?

Конечно, тут я умышленно драматизирую свою оценку генерала Власова и умышленно же сгущаю краски. Конечно, сотрудничество власовцев с немцами далеко не всегда сводилось только к хлебанию щей, приготовленных немецкими поварами. Но РОА под руководством Власова в целом против СССР не воевала. За исключением одного упомянутого выше эпизода на западном берегу Одера, когда власовцы пытались ликвидировать плацдарм. Формально это несомненно было боевое столкновение с Красной Армией. Но даже и в этом случае артиллерийский обстрел плацдарма вели не власовцы, а немцы. Фактически солдаты РОА лишь немного продвинувшись вперед под прикрытием немецкого огня и довольно быстро отступили, стараясь сохранить свои жизни. Кстати, немцы не зря выбрали именно это место для атаки. Тут у власовцев не было возможности перебежать на сторону Красной Армии, для этого надо было бы переплыть довольно широкую реку. Вот и весь этот эпизод. В общем, вряд ли можно ставить знак равенства между власовцами и, например, бандеровцами и дивизией СС «Галичина».

Конечно, нужно признать, что существует и весомый аргумент против любого сотрудничества с врагом твоей страны. Да, власовцы сохранили свои жизни. Но формально они вступили в профашистскую РОА. И тем самым подали нехороший пример своим соотечественникам. Ведь, как известно, дурной пример заразителен. Существование РОА с высоким советским военачальником во главе определенно было дурным примером для красноармейцев, еще не успевших попасть в плен. Эдак они и вовсе нарочно будут в плен сдаваться, а не умирать в своем окопе, стреляя до последнего. Впрочем, и у этого аргумента есть другая сторона: «Ты занимайся тем, чтобы воспитать своих бойцов настоящими патриотами, которые будут биться до конца. А если не смог воспитать такими патриотами и они пачками сдаются в плен, то в первую очередь сам ты в этом и виноват. И только во вторую очередь в какой-то мере виноват чужой дядя, который сидит очень далеко».

Власова и его ближайших сподвижников, как известно, казнили. Но точно так же казнили и британцы своего доморожденного коллаборациониста Джона Амери, создававшего британские формирования СС. То же самое

произошло и с другим британским коллаборационистом Уильямом Джойсом. А вот французы, например, сочли, что коллаборациониста маршала Петена вполне можно не казнить, а лишь посадить за решетку.

А что делать с этим тезисом «стоять до конца»? Армия, придерживающаяся такого принципа, несомненно, более боеспособна. И имеет больше шансов победить своего врага. Правда, за победу эту будет заплачено дополнительными жизнями ее солдат. Оправданно ли жертвовать жизнями части своих людей, чтобы оставшиеся в живых наслаждались победой? Одни должны уйти в могилу, чтобы другие зажили еще лучше? На этот вопрос нет однозначного ответа. Тут кто как считает. Например, французы предпочли не особо жертвовать своими жизнями и решили отсидеться, в том числе и заработав прозвище коллаборационистов. В результате за их освобождение заплатили своими жизнями как русские солдаты, так и солдаты других стран-союзников СССР. И кто тут оказался умнее, французы или союзники? Вспомним также поляков. Вся их война закончилась в один месяц. Да и другие страны Европы, прямо скажем, не очень-то сопротивлялись фашистам. Многие просто сдались без боя, вот и все. И что, очень они теперь благодарны России и СССР, чьи солдаты полегли в сырую землю, освобождая их? Кажется, если кто и обливает сейчас грязью Россию и россиян, то как раз эти самые страны. По крайней мере, часть их политиков, да и рядовых граждан тоже. Сидят теперь в НАТО, которую лучшим другом России трудно назвать.

А как быть с японцами, с их самопожертвованием, с желанием стоять до конца? Вот они-то уж точно в полной мере исполняли свой долг положить жизнь на алтарь победы. Ну и где она, эта победа? В результате и японцы погибли и вместо победы получилось поражение. Если знать про такой финал заранее, то можно и засомневаться, так ли уж нужно в любой ситуации стоять до последнего патрона.

Не хотел я трогать персону этого Власова. Но как-то уж само собой получилось. Впрочем, не так мало историков сомневается в официальной версии о генерале-предателе. К тому же с тех времен прошло довольно много времени. Страсти немного поутихли и возникла возможность попытаться разобраться во всем этом более объективно. В любом случае все эти мои рассуждения предназначены не для того, чтобы сделать из Власова героя. А для того, чтобы понять суть такой исторической фигуры как Субхас Чандра Бос.

Глава 5. Лакшми Сахгал

Справедливости ради нужно отметить, что в истории Индии имеется и еще один известный коллаборационист. Субхас Чандра Бос тут не одинок. Это женщина, некто Лакшми Сахгал (Lakshmi Sehgal). К ней тоже прилипы ярлык «коллаборационистка». И тоже, как и в случае с Босом, неоправданно. Я уже упоминал выше это имя. Вернемся к тому моменту, когда Субхас Бос формировал свою Индийскую национальную армию, которая должна была при поддержке японцев воевать в Юго-Восточной Азии, а в конечном итоге и в Индии против британских колонизаторов.

В этой Индийской национальной армии было создано в том числе и женское подразделение, которое и возглавлялось этой самой Лакшми Сахгал. Она родилась в октябре 1914 года в Индии, в Мадрасе. Ее отец был известным юристом, судьей. Сама Сахгал получила медицинское образование. Никакими особыми своими поступками в борьбе за независимость Индии она не отличилась. А в 1940 году и вовсе уехала из Индии в Сингапур, в основном по семейным причинам (неудачный брак), где и занялась медицинской практикой. Но там она проявила определенную инициативу и стала сотрудничать с Лигой независимости Индии. Эта организация объединяла индийцев, которые жили в Юго-Восточной Азии и выступали за освобождение Индии от колониального господства.

В Сингапуре же Сахгал проявила себя не просто как врач, а как активист благотворительного движения. Она оказывала медицинскую помощь раненым индийцам, одновременно агитируя за независимость Индии. Так уж случилось, что этих же самых индийцев агитировал и Субхас Чандра Бос, призывая вступить в Индийскую национальную армию. Так пути Боса и Сахгал пересеклись.

Бос формировал свою армию не только из военнопленных, но и из симпатизировавших ему индийцев, проживавших в Юго-Восточной Азии. К Босу на встречу записалась и Сахгал. И после этой встречи вышла от него с мандатом на формирование женского воинского подразделения. Обратим внимание, что все-таки это был 1943 год, роль азиатских женщин в вооруженной борьбе тогда была еще в новинку. Сахгал действительно смогла набрать к себе в подразделение какое-то количество женщин. И даже заработала прозвище «капитан Лакшми». В результате же она сделала себе даже своеобразную карьеру, была назначена министром по делам женщин в правительстве Азад Хинд, которое возглавил сам Бос.

Как известно, Азад Хинд фактически прекратил свое существование после капитуляции Японии. В дальнейшем британцы попытались переловить всех тех индийцев, которые сотрудничали с Босом, посадили их в тюрьму и вознамерились осудить. Среди тройки основных арестантов оказалась и

Лакшми Сахгал. Причем она считалась не просто рядовым бойцом, а одним из руководителей Индийской национальной армии и организаторов наступления на Импхал. Кроме нее в эту тройку также входили Шах Наваз и Дхиллон. Кстати, их обвиняли не только в вооруженной борьбе против Британской Индии, но в организации казни собственных солдат Индийской национальной армии.

Однако тут общественное мнение Индии изменилось. То индийцы с оружием в руках воевали против Боса и его Индийской национальной армии. А то вдруг решили героизировать всех тех, против кого они только что воевали и кого успешно убивали.

Короче, в Индии возникли общественные протесты против суда над сторонниками Боса. Индийский национальный конгресс поддержал эти протесты. И британцы решили не связываться с протестующими, а отпустили всех арестованных восвояси. В результате Лакшми Сахгал не только обрела свободу, но заодно превратилась в общепризнанного героя борьбы за независимость Индии.

Однако к этому моменту Сахгал уже, что называется, наелась политикой досыта. И вовсе забросила общественно-политическую деятельность. Она вернулась к своей профессии врача, вышла замуж за такого же, как и она, коллаборациониста, бывшего полковника Индийской национальной армии и всецело погрузилась в семейные дела.

В 1971 году Лакшми Сахгал начала свою вторую политическую карьеру. Она вступила в ряды Компартии Индии. Но не той, которую поддерживал Советский Союз, а так называемой параллельной, марксистской. Там она себя проявила и в конечном итоге стала депутатом верхней палаты парламента Индии. Мало того, она в 2002 году была выдвинута блоком левых партий в качестве кандидата на пост президента Индии, хотя и проиграла эти выборы Абдулу Каламу. В 2012 году Лакшми Сахгал умерла, не дожив до ста лет всего два с небольшим года.

Так что судьба у коллаборационистов бывает очень разная. Генерала Власова повесили на струне. Субхас Чандра Бос канул в неизвестность. Махатму Ганди убила террористка. А вот Шарль де Голль стал президентом страны. Лакшми Сахгал чуть не стала президентом и дожила почти до ста лет.

Тут надо добавить еще один интересный штрих к портрету типичного индийского коллаборациониста. Дело в том, что в Индии и Пакистане было не так мало известных политических деятелей, которые имели неопределенное прошлое. Но они вовсе не хотели усложнять себе жизнь и в своих биографиях лишь скромно упоминали, что в годы Второй мировой войны находились в плену на территории Германии. Что именно в этом плену они делали, они не очень-то и уточняли. Хотя понятно, что все индийцы, которые тогда попали к немцам, так или иначе, но соприкасались с Субхасом Чандрой Босом. Другое дело, что одни из них попались в руки к англичанам и были осуждены. А другие проявили хитрость, смогли замести следы. И в послевоенный период не слишком афишировали свои связи с Босом и его Индийским легионом. Не будем тут огульно возводить напраслину на тех или иных лиц. Однако упомянем, что, например, Ага

Мухаммед Яхья Хан, президент Пакистана, имел такой эпизод в своей биографии. То же самое можно сказать и о Сахабзаде Якуб-Хане, министре иностранных дел этой страны.

Глава 6. Михаил Горбачев

Конечно, вся предыдущая часть этой книги посвящена достаточно давней истории. Речь там идет о далеких событиях, связанных со Второй мировой войной или предшествовавших ей. Однако справедливо ли ограничиваться только такими историческими рамками? Нет ли и в наше время известных политиков, которые запятнали себя коллаборационизмом?

Поставим вопрос прямо: можно ли говорить о М. С. Горбачеве как о коллаборационисте? То есть как о человеке, который сотрудничал с другими государствами в ущерб своей собственной стране? Многие утверждают, что именно так все и было. Что Горбачев жертвовал интересами СССР в пользу других стран, в первую очередь в пользу США и Германии. Однако тут все-таки есть одна тонкость. Возьмем, к примеру, генерала Власова, которого принято считать очевидным коллаборационистом. И сравним его с Горбачевым. Сначала Власов оказался за пределами СССР, в стане врагов. Там вступил в определенные договоренности с фашистами и сформировал из пленных красноармейцев военные формирования. При этом Власов говорил о необходимости освобождения Советского Союза от Сталина и коммунизма. То есть Власов открыто сотрудничал со страной, находившейся в состоянии войны с его собственной родиной. Именно поэтому о генерале Власове и говорят как о коллаборационисте.

Горбачев не совершал таких поступков, как генерал Власов. Он в плен к врагу не попадал и не создавал никаких армий на территории враждебного Советскому Союзу государства. И никакой стране, воюющей с СССР, формально не присягал. Во всяком случае, про такую присягу нам с вами ничего не известно. Однако Михаил Сергеевич все-таки кое-что совершал. Он принимал те или иные государственные решения, находясь на посту руководителя СССР. И в некоторых случаях эти решения можно интерпретировать как умышленное нанесение ущерба интересам Советского Союза. А может быть, в дополнение к этому и как уступку интересам другой страны в ущерб своей собственной.

А как оценивают Горбачева в современной России? Дмитрий Медведев, будучи президентом Российской Федерации, 2 марта 2011 года даже вручил Михаилу Сергеевичу на его восьмидесятилетие орден Андрея Первозванного. Разве коллаборационистам и предателям вручают такие ордена? Более того, вручение этого ордена, по словам Д. А. Медведева, – это «адекватная оценка той большой работы», которую М. С. Горбачев проводил в качестве президента СССР, и это «действительно большой и сложный труд».

Однако имеется и другая оценка. Например, Владимир Путин позволил себе высказывание, что перестройка оказалась процессом, который привел к

«величайшей геополитической катастрофе XX века». А сам главный «перестройщик»? Как насчет того человека, который и привел страну к этой катастрофе? Какова его-то роль? Видимо, вряд ли положительная.

Как представляется, против Горбачева свидетельствует целый ряд сомнительных поступков, которые он совершил, находясь на посту руководителя Советского Союза. Конечно, иногда правители каких-то стран не являются предателями, но, несмотря на это, итоги их деятельности бывают просто плачевными. В таком случае можно говорить о недостатке расчетливости и о допущенных ошибках. Ошибка – это еще не предательство. Но если руководитель страны раз за разом совершает поступки, которые вызывают очень серьезные вопросы, то тут есть причина усомниться и в мотивах такого лица. Может, он умышленно совершал все эти ошибки? Давайте пройдемся по всему списку и сами после этого оценим, есть основания говорить о Горбачеве как о коллаборационисте и предателе или нет. В конце концов в тот период времени, когда Советским Союзом руководил Горбачев, никакой фашистской Германии уже не существовало. Но существовала другая Германия. Действия в пользу этой новой Германии за счет интересов собственной страны – это тоже коллаборационизм? Или нет?

Для начала же напомним сами себе начало речи М. Горбачева на семинаре в Американском университете в Турции в 1999 году:

«Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма, невыносимой диктатуры над людьми... Когда же я лично познакомился с Западом, я понял, что я не могу отступить от поставленной цели. А для ее достижения я должен был заменить все руководство КПСС и СССР, а также руководство во всех социалистических странах. Моим идеалом в то время был путь социал-демократических стран».

Согласитесь, очень красноречивое высказывание. Когда Горбачев руководил Советским Союзом, он таких заявлений себе не позволял. Выходит, обманывал своих соотечественников. Обманывал по вопросу, который несомненно имел существенное значение для сохранения целостности государства. Ведь СССР был коммунистической страной. И смена общественно-политического строя – это очень серьезная трансформация. Честный человек, баллотируясь в президенты страны, должен ясно провозглашать свои реальные цели. Даже только один этот эпизод характеризует Михаила Сергеевича не как потенциального, а как самого настоящего изменника. Попутно также отметим, что тут есть определенное сходство Горбачева с генералом Власовым. Тот тоже говорил о необходимости освобождения СССР от Сталина и коммунизма.

6.1. Кооперативное движение

Подчас можно услышать мнение, что закон об индивидуальной трудовой деятельности создал в СССР теневую экономику, а закон об индивидуальном предприятии разрушил потребительский рынок. И таким образом в Советском Союзе был умышленно начат системный кризис экономики, хотя на самом деле те проблемы, которые реально существовали, являлись структурными и неопасными для государства. Справедливо ли такое мнение? Будем разбираться. Инициатором этих двух законов считают именно Горбачева.

Как известно, Горбачев выступил за развитие в стране частного предпринимательства. Казалось бы, тут нельзя говорить о предательстве интересов страны. В конце концов, и при социализме существовало предпринимательство. Оно, правда, называлось не частным, а личным. Но по сути, люди в определенных ситуациях работали не столько на государство, сколько лично на себя. Производили какой-то продукт и реализовывали его на свободном рынке. На этой основе существовали, например, так называемые колхозные рынки.

А что если усилить роль частного сектора? Увеличить долю свободного предпринимательства? Может, это сделает экономику в целом более гибкой и эффективной? Это вполне уместное предположение. До этого момента вряд ли можно в чем-то обвинить Михаила Сергеевича.

Но дальше началась реализация этой идеи. 1988 год, возникли кооперативы. И вот тут многое зависело от того, как именно пойдет развитие частного предпринимательства. А оно пошло так, что в результате государственная экономика оказалась разрушенной.

Кооперативам было разрешено функционировать на базе государственных предприятий, использовать их фонды. В результате в руки кооператоров перекечевали государственные ценности, которые создавались поколениями советских людей. Кооперативы процветали, и кооператоры обогащались. А вот государственные предприятия хирели и разграблялись.

Более того, безналичный оборот денег был объединен с наличным. Это создало ситуацию анархии на денежном рынке, нанесло серьезный удар промышленному и сельскохозяйственному государственному производству. В результате возник класс довольно богатых людей. И возник рынок государственных предприятий, которые в результате всех этих катаклизмов имели смехотворно низкую рыночную цену. Богатые люди скупили государственное имущество по дешевке, и возник класс олигархов.

Можно все это квалифицировать как предательство интересов собственной страны? Как умышленные действия, направленные на разрушение СССР, на возвращение класса крайне богатых людей, которые по

определению должны были играть компрадорскую роль, ориентируясь на зарубежный капитал?

Конечно, кто-то тут скажет, что не ошибается только тот, кто ничего не делает. Да, при приватизации были отдельные ошибки, объединение безналичного и наличного оборота обесценило деньги и в результате обесценило все личные сбережения граждан. Но якобы кто же знал, что так получится?

Если бы все такие решения принимались единолично и касались мелких вопросов, тогда Горбачева еще можно было бы пытаться оправдывать. Но ведь у него имелся огромный аппарат экспертов, которые ясно говорили о возможных катастрофических последствиях. Кроме того, все эти реформы осуществлялись не в один день. Было достаточно времени, чтобы оценить, куда именно эти реформы ведут. И исправить неверные решения.

Горбачев ничего исправлять не стал. В результате экономика страны была разрушена. Возник класс олигархов. Количество олигархов в России уступает только их числу в США. Разрушение экономики послужило сильнейшим катализатором распада страны.

А что же Горбачев? Он не понимал, что именно он делал? Не видел, что страна в результате попадала под влияние иностранного капитала? Не сознавал, что в результате его реформ денежные сбережения простых граждан обнулились? Ведь все эти преобразования шли не один месяц. Вполне достаточно было времени, чтобы оценить последствия своих действий.

У нас есть и пример Китая, который произвел такие же преобразования. Но в результате страна не распалась, экономика не развалилась, а люди не обнищали. Значит, можно было сделать иначе?

Подведем первый промежуточный итог. Конечно же, иницилируя изменения в экономике, Михаил Сергеевич Горбачев знал, хотя бы в общих чертах, к каким последствиям это приведет. Знал, имея соответствующий штат экспертов и советников. Но не попытался найти какие-то менее болезненные и более справедливые варианты экономических реформ. А зачем искать? Ведь его целью было уничтожение коммунизма. Вот он его и уничтожал. Вместе с уничтожением коммунистического государства. Были его действия выгодны другим государствам? Видимо, да.

6.2. ГКЧП

Обратим внимание еще на один эпизод из биографии Горбачева и одновременно из истории Советского Союза. События 19 августа 1991 года нередко называют странным словом «путч». Заглянем в словарь. Там термин «путч» толкуют как государственный переворот, совершенный группой

заговорщиков. Соответственно, августовские события подчас трактуются как неудавшийся путч. Вроде бы заговорщики заточили ничего не подозревавшего Горбачева в Форосе, а сами решили навести в стране порядок. Но оказались настолько бестолковыми, что зачем-то ввели в Москву танки и при этом не предприняли никаких практических шагов, чтобы предотвратить распад страны. Даже и танками воспользоваться не сумели. Гражданское население восстало против бронированной техники, армия оказалась не способной ни на что. Тут нашлись герои, которые вызволили Горбачева из плена в Форосе, заговорщиков арестовали.

Позволю себе высказать мнение: все вышесказанное – просто информационный вымысел для того, чтобы очернить СССР и его руководство и выставить Горбачева невинной жертвой, которая якобы ни к чему не была причастна. Никакого заточения не было. Не было также никаких путчистов. Никаких боевых задач путчисты для армии в Москве не ставили. Соответственно, танки не стреляли не потому, что им противостояла «героическая демократическая общественность».

А были Горбачев и Лукьянов, совершившие определенные действия, которые и нанесли ущерб интересам Советского Союза. Ущерб, который послужил толчком и катализатором последующего распада страны. Попробуем теперь разобраться, кто, в чем и насколько оказался виноват.

К августу 1991 году в Советском Союзе сложилась определенная ситуация. Как известно, Горбачев продвигал идею Союза Суверенных Государств, который должен был заменить СССР. На 20 августа в Ново-Огареве было запланировано подписание Союзного договора. Причем Горбачев не согласовал это с остальными руководителями страны. Кроме того, к этому моменту уже достаточно ясно проявились последствия перестройки, которые вели не только и не столько к демократии и гласности, сколько к разрушению основ государства.

Элита Советского Союза, понятное дело, восстала. И давление на Горбачева существенно возросло. настолько возросло, что еще чуть-чуть и его могли просто и вульгарно свергнуть. Отсюда и родился план введения в стране чрезвычайного положения, кстати, формально по инициативе самого же Горбачева. Предполагалось, что в результате удалось бы остановить сползание к развалу государства, принять ряд чрезвычайных экономических мер по стабилизации ситуации, а также попытаться нейтрализовать агентов влияния, да и в целом «пятую колонну», активно действовавшую на уничтожение СССР. К этому моменту многие из этих лиц уже не скрывали свои цели.

Вообще-то, в нормальном государстве добросовестный президент должен был сам принять все эти меры. Именно в обязанности руководителя государства входит обеспечение его безопасности, защита интересов его

граждан. Но Михаил Сергеевич, хоть и предложил готовить документы по введению чрезвычайного положения, но на самом деле вовсе не был склонен его вводить. Однако когда остальные руководители страны узнали о планах по заключению в Ново-Огареве Союзного договора, они, говоря образно, восстали. Поехали 18 августа к Горбачеву в Форос, поставили вопрос ребром. Поехало четверо, Валентин Варенников и Олег Бакланов (зампред Совета обороны СССР), Олег Шенин, Валерий Болдин. Михаил Сергеевич понял, что спорить опасно. И махнул рукой: «Валяйте, черт с вами». То есть формально отстранился от ГКЧП. И тем самым совершил действия (бездействие), направленные против интересов Советского Союза.

Чтобы быть более или менее точным, коснусь поподробнее некоторых деталей. Для начала – вопроса о танках. Вот что по этому поводу говорит один из участников событий, а значит, важный свидетель, Валентин Вареников:

«В Москве действительно было объявлено ЧП. Но войск не стягивали. К Белому дому прислали танковую роту и батальон – охранять его. Так же как Кремль охраняли, как охраняли мосты, банки, водохранилище, почту, телеграф. С тех пор как я стал депутатом Госдумы, мне каждый раз в августе задают один и тот же вопрос – про войска. Я каждый раз рассказываю, как было, и каждый раз на телеэкране вижу одно и то же: кадры, которые сделали Сванидзе и Киселев в первый день. Танки идут подавлять народ. Да ничего подобного! Все эти танки шли каждый на свой пункт, который должны были охранять».

А вот что говорит Бакланов по поводу отъезда Горбачева в Форос: **«Когда он 4 августа отправился на отдых, мы ему подмигнули. Но потом он и Борис Ельцин втайне подготовили новый союзный договор...»**

Тот же Бакланов так описывает свой приезд в Форос накануне ГКЧП:

«Мы полетели туда вчетвером. Горбачев заставил нас ждать полчаса. Он делал вид, что хромает. Он спросил, кто нас послал. Я сообщил, что договор встретил сопротивление в Верховном Совете. Мы беседовали два часа. Наше предложение о том, чтобы поехать в Москву для того, чтобы прояснить ситуацию, он отклонил, сославшись на здоровье. Но затем он сказал: я поеду в Москву для того, чтобы подписать договор даже в том случае, если врачи отрежут мне ногу. Но мы хотели созвать Верховный Совет. И тогда Горбачев говорит: идите к черту, делайте, что хотите, но имейте в виду – все должно быть согласовано. Его супруге Раисе, стоявшей у двери, мы сказали, что приехали как друзья».

Вот что по этому поводу говорит генерал Варенников:

«Поэтому, когда Горбачев уехал в отпуск, все и засуетились. А 17 августа несколько глав министерств были приглашены на объект КГБ, это на окраине Москвы. Мне позвонил Язов и говорит: просят, чтобы вы тоже подъехали.

Решили попробовать убедить Горбачева дать согласие на объявление ЧП в тех районах страны и в тех отраслях народного хозяйства, которые нуждаются в этом. И убедить его сохранить СССР и не подписывать государственный договор 20 августа в Ново-Огарево. Решили, что поедут к нему четверо, в том числе и я.

Он меня не прерывал и, когда я закончил, сказал: ладно, черт с вами, как хотите, так и делайте. Пожал всем руки. И все разъехались: я – в Киев (все боялись, что Рух воспользуется ситуацией и устроит на Украине провокацию), а остальные – в Москву. А 19-го я увидел по ТВ это приснопамятное, так сказать, событие – пресс-конференцию людей с дрожжащими руками. Это было позорное зрелище...»

Несомненно, что развал СССР или даже его федерализация (Союз Суверенных Государств) были выгодны другим странам. Каким именно? Многим странам. США, Европейскому союзу, может быть, даже странам Восточной Европы. То есть не будет преувеличением утверждать, что Горбачев, сваливая задачу введения чрезвычайного положения на других лиц и отсиживаясь в Форосе, совершал тем самым действия, наносящие ущерб его собственной стране и выгодные другим странам. Была одна мощная страна с централизованным руководством. А то вдруг вместо нее возникало несколько стран, у которых были подчас разные интересы и возможности.

То есть 18 августа с членами ГКЧП, по сути, было согласовано следующее: Михаил Сергеевич сидит себе в Форосе, якобы заболевший. Тем временем эти самые члены ГКЧП наводят в стране порядок. Верховный Совет СССР собирается и одобряет чрезвычайное положение, придавая ГКЧП вполне законный характер. И когда все чрезвычайные и необходимые меры будут приняты, Горбачев «вдруг» выздоровеет и продолжит руководить страной дальше как ни в чем не бывало. А если бы Горбачев отказался от такой роли? Тогда отстранение от власти. Так что особого выбора, судя по всему, у Горбачева 18 августа и не было.

Когда говорят о поражении ГКЧП, то обычно ссылаются на то, что члены ГКЧП вели себя нерешительно. А Ельцин, наоборот, открыто разоблачил заговор. Никто при этом якобы не решился штурмовать Белый дом. В конце концов объявился живой и здоровый Горбачев. И вся затея с ГКЧП рухнула, его члены оказались в тюрьме.

Действительно, 21 августа члены ГКЧП дали задний ход, отступили. Почему? Возникла угроза большой крови, как говорил Крючков, а члены

ГКЧП до этого решили, что если будет подобная угроза, то они остановятся на любой стадии.

Но так ли все было на самом деле? Действительно ли именно действия «демократической общественности» сорвали планы ГКЧПистов? Действительно ли все дело решила «пламенная» речь Ельцина, произнесенная с танка?

Похоже, что на самом деле все было несколько иначе. Никакая «демократическая общественность» и никакие речи Ельцина ничего не могли изменить. Судьба ГКЧП решалась совсем в другом месте и совсем другими людьми.

Сами члены ГКЧП в один голос утверждают (и нет оснований им не верить), что введение чрезвычайного положения было в полной мере согласовано с Горбачевым. Однако он не хотел пачкать руки, потому и придумал эту историю с болезнью в Форосе. Никто его там и не собирался блокировать.

На самом деле проблемы для членов ГКЧП начались совсем в другом месте. Проблемы создал не кто иной, как А. И. Лукьянов, председатель Верховного Совета СССР. Если припомнить историю, то для утверждения решений ГКЧП должен был собраться Верховный Совет.

Сколько нужно времени для того, чтобы собрать такой орган? Если не очень спешить, то 24 часов вполне хватит. Но если поторопиться, то можно обеспечить кворум и собрать больше половины депутатов и за более короткое время. Такая процедура является достаточно обычной для высших органов государственной власти страны.

Однако Лукьянов вдруг заявил, что созыв Верховного Совета откладывается. Было такое? Именно так все и было. Якобы было проблематично собрать всех депутатов так быстро. И вот это оказалось ключевым фактором, который разрушил все планы по введению чрезвычайного положения.

Почему-то обычно считается, что, если бы собрался Верховный Совет, он бы рассматривал в своей повестке дня один или два вопроса. Первый – поддержка ГКЧП. И второй, который был возможным, но не обязательным, – о подтверждении полномочий главы ГКЧП Геннадия Янаева. Если бы Верховный Совет собрался сразу, то скорее всего, будучи включенными в повестку дня, оба эти вопроса были бы решены однозначно положительно. Депутаты поддержали бы и ГКЧП, и подтвердили бы полномочия Янаева, в этом нет сомнений.

А вот отсрочка проведения заседания Верховного Совета могла повлечь очень серьезные последствия. Ведь в это время в Москве, да и в целом в стране происходили бы самые разные события. Сказались бы последствия ввода войск в Москву. Стала бы очевидной нерешительность членов ГКЧП.

Усилилось бы сопротивление «пятой колонны». Все это означало, что Верховный Совет, собравшись с задержкой, мог поддержать ГКЧП, но одновременно с этим с большой долей вероятности раскритиковал бы действия его членов. В таком случае возник бы вопрос о новом руководителе ГКЧП. Смотрим в текст действовавшей тогда Конституции. Надо полагать, что в такой ситуации Геннадия Янаева должен был заменить не кто иной, как сам Анатолий Лукьянов. Ведь в соответствии с действовавшей тогда Конституцией обязанности президента исполнял вице-президент, а после него председатель Верховного Совета. То есть Лукьянов, откладывая созыв Верховного Совета, тем самым почти автоматически назначал сам себя новым руководителем страны.

Это мы с вами, простые обыватели, далеки от таких придворных интриг. А вот сами члены королевского двора очень даже понимают такие тонкости. Как только стало ясно, что Верховный Совет соберется не скоро, члены ГКЧП сразу умерили свою активность и стали действовать предельно осторожно. И понятно почему: без Верховного Совета приходилось бы брать всю ответственность лично на себя. Именно эта позиция членов ГКЧП и истолковывается историками как нерешительность.

А что же Горбачев? Сначала он спокойно сидел в своем Форосе. Но как только услышал о том, что Верховный Совет соберется не скоро, вот тут он, надо полагать, и испугался по-настоящему. Михаил Сергеевич должен был очень хорошо понимать все эти тонкости с повесткой дня и голосованием по разным вопросам. Вряд ли ему понадобилось много времени, чтобы догадаться, что во главе страны может встать Лукьянов. Которому в таком случае никакой Горбачев, скорее всего, уже точно нужен не будет.

А вдруг Лукьянов как-нибудь прихлопнет его уже сейчас? И Михаил Сергеевич стал тайно готовить срыв ГКЧП. Конечно, можно было просто уведомить ГКЧПистов, что всему делу отбой. Или попытаться вылезти из подполья и самому возглавить ГКЧП. Но кто знает, может уже Лукьянов дал команду на устранение? Только дернешься – и конец?

Похоже, Горбачев сначала решил подстраховаться, чтобы иметь возможность шантажировать своих товарищей признанием на пленке. Он на самом деле тайно стал записывать свое выступление на видеокамеру. И естественно волновался – речь шла о его собственной шкуре. А в это время проходила хорошо известная пресс-конференция его соратников по партии. Можно было дать им отбой или заявить, что он жив-здоров и поддерживает ГКЧП. Но Горбачев, как мы видим, решил иначе. Решил спасти свою шкуру и заодно разрушить государство. И к тому же нейтрализовать не в меру патриотичных членов руководства страны.

Только на следующий день, когда пленки были готовы и спрятаны, Горбачев объявил, что дает задний ход. Пытаться убрать его было уже

поздно. Да никто и не планировать так поступать. Тем более, что пленки действительно могли потом всплыть. Впрочем, такая ли уж это гарантия – признание и разоблачение «заговорщиков»? Ельцин не раз плевал на общественное мнение, и, как правило, вполне успешно.

Интересно также отметить, что в Форос за спрятанной пленкой летал по поручению Михаила Сергеевича сотрудник КГБ. Если именно это ведомство держало Горбачева в плену, то крайне странным выглядит поручение Горбачева именно к нему привезти разоблачительный материал.

Может, автор тут все насочинял? Настаивать не стану. Речь идет о том, что думал или планировал тот или иной персонаж в описываемой нами ситуации. Конечно же, невозможно залезть в голову к человеку и достоверно узнать, что именно там происходит. А тем более происходило. Но мы с вами можем все-таки судить по некоторым косвенным признакам. И использовать самую обычную логику. Ведь нам известен целый ряд совершенно достоверных фактов. Заседание Верховного Совета действительно было перенесено. При этом ясно, что предлог для переноса был надуманный, подобные органы вполне можно собрать за сутки или даже быстрее. Точно так же ясно, что перенос заседания Верховного Совета оказал на членов ГКЧП вполне определенное влияние: они почувствовали неуверенность в своих действиях, которые не подтвердил высший орган государственной власти.

Ясно также, что, если бы заседание Верховного Совета было проведено, на нем, скорее всего, был бы поднят и вопрос об ошибках, допущенных членами ГКЧП. И это вполне вероятно повлекло бы соответствующие оргвыводы. Которые предопределялись текстом действовавшей тогда Конституции.

А в качестве заключительного штриха к картине произошедшего вполне уместно вспомнить слова И. С. Силаева на заседании Верховного Совета РСФСР, когда он публично рассказывал о встрече Горбачева и Лукьянова и о том, как последний на коленях умолял Михаила Сергеевича простить его. Силаев видел эту сцену, он ее даже с восторгом описал. Но тайного ее смысла так и не понял. За что было просить прощения? Ведь Анатолий Лукьянов в состав ГКЧП не вошел. И Верховный Совет так и не созвал. Очень похоже, что Лукьянов умолял простить его за одно только предполагаемое поползновение захватить высшую власть в стране.

Таким образом, очень похоже, что вся эта возня с «осадой» Белого дома действительно выглядела как балаган. Никто тогда это здание штурмовать и не собирался. Более того, судьба ГКЧП решалась вовсе не там. А совместные «танцы» Ельцина – Ростроповича не имели никакого отношения к делу. Была бы команда, обоих арестовали бы. И никаких последствий это наверняка не повлекло бы. Конечно, кроме стонов «пятой колонны».

Итак, мы имеем двух ключевых действующих лиц. Горбачев, который вел дело к развалу страны. И который своими действиями сорвал ГКЧП, предопределяя таким образом крайне тяжелые последствия для государства. Предательство? Действия в интересах других стран? Горбачев по этому поводу сам все прекрасно растолковал. В 2011 году в Турции он ясно заявил, что изначально ставил своей целью уничтожение СССР.

А какова же роль второго действующего лица, Лукьянова? Видимо, как минимум на нем лежит серьезная историческая вина. Его действия привели в конечном итоге к провалу идеи ввести чрезвычайное положение. Действовал ли Лукьянов исключительно с целью захвата власти? Или его поступки были частью плана навредить своей стране в угоду другим государствам? Тут нам с вами остается только гадать. Но ущерб от его действий оказался по-настоящему катастрофическим.

В заключение вполне уместно вспомнить слова одного из наших свидетелей, генерала Варенникова:

«Мы не думали, что Горбачев предатель и изменник (а именно это я потом понял из материалов нашего дела). Думали, что не по Сеньке шапка, но коль уж мы его выбрали президентом, то надо ему помогать. А он каждый раз, когда возникала сложная ситуация, кого-то подставлял...»

К этим словам Валентина Варенникова трудно что-либо добавить. Сказано очень определенно: «Предатель и изменник».

6.3. ГДР и Восточная Европа

Развал СССР предшествовали определенные политические события в Восточной Европе. Страны Восточной Европы являлись членами Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), а также членами военной Организации Варшавского договора. Кроме того, в ГДР находилась довольно большая группировка советских войск, которая называлась Группа советских войск в Германии (ГСВГ). В начале девяностых годов произошло следующее: СЭВ и Организация Варшавского договора распались. ГСВГ была выведена из ГДР, при этом Советский Союз не получил должной материальной компенсации за оставленное там имущество. Западная Германия и ГДР объединились в одно государство (3 октября 1990 года). Страны Восточной Европы, вышедшие из Организации Варшавского договора, вступили в НАТО (12 марта 1999 года – Венгрия, Польша, Чехия, 29 марта 2004 года – Болгария, Румыния, Словакия, 1 апреля 2009 года – Албания).

Как всегда, оценки этих событий и роль в них Горбачева сильно разнятся. На Западе, особенно в Германии, Михаила Сергеевича ценят и помнят. Некоторые же историки говорят, что Горбачев проявил

необоснованную мягкость и податливость. Третьи полагают, что в Восточной Европе произошли события, которые были предопределены объективным ходом истории, и Горбачев ничего тут поделать просто не мог. Кто-то к тому же говорит о том, что Горбачева обманули по поводу нерасширения НАТО на Восток.

Цель данного исследования – попробовать вычленив те вопросы, по которым можно доказать, что Горбачев действовал умышленно в ущерб интересам своего государства и одновременно в интересах каких-то других стран. Поэтому пройдемся по отдельным известным фактам.

Относительно расширения НАТО на Восток, как известно, Горбачеву давались определенные заверения. Но устные. Якобы на встрече в феврале 1990 года госсекретарь США Джеймс Бейкер в ответ на согласие на объединение двух Германий заверил Михаила Сергеевича, что НАТО не будет расширяться за счет стран – бывших членов Организации Варшавского договора.

Кое-кто, в частности Эдуард Шеварднадзе, отрицал факт даже такой устной договоренности. Понятное дело, теперь отрицает и сам Горбачев. Однако существует достаточное количество свидетельств западных политиков, которые подтверждают, что подобное заверение было Горбачеву все-таки дано. Однако это не столь уж и важно. А важно другое: мог ли Горбачев по этому вопросу поступить иначе, дабы гарантировать защиту интересов СССР и не допустить расширения НАТО? И если мог, но не сделал, то было ли его бездействие умышленным?

Справедливости ради следует отметить, что между СССР и США существовали определенные устные договоренности, которые неукоснительно выполнялись. Это касалось, например, неразмещения на территории Турции американских «Першингов». Однако тут же приходится констатировать, что такое исключение вовсе не отменяет общего правила: по существенным вопросам государства договариваются между собой не в устной, а в письменной форме. Мог Горбачев не знать, что международные договоренности оформляются письменными договорами, к тому же подлежащими ратификации? Полагаю, вполне можно утверждать, что его должностное положение полностью исключало такую возможность.

Но может быть, какие-то страны уже пошли навстречу СССР и предоставили ему какие-то такие преимущества или льготы, в связи с чем можно было не настаивать на письменных договоренностях? О таких уступках ничего не известно. Остается предположить, что Михаил Сергеевич в полной мере осознавал, что именно он делает. Точнее, чего не делает.

Кто-то может возразить, что невозможно ограничить в международном договоре со странами НАТО право других стран на вступление в эту организацию. Спорить не станем, конечно, международные договоры не

могут создавать обязательства для государств, в нем не участвующих. Но в этом случае НАТО или его члены могли принять на себя письменное обязательство не принимать в этот военный блок страны Восточной Европы. Лично я не вижу ничего противоправного или невозможного в таком варианте. В конце концов, возможна была хотя бы официальная односторонняя декларация со стороны НАТО. Но даже и ее не потребовал Горбачев.

Вопрос о нераспространении НАТО на восток тесно увязан, как я уже упомянул выше, с другим вопросом – с объединением двух Германий. Михаил Сергеевич просто дал свое на то согласие. А что же Советский Союз получил взамен? И мог ли вообще получить? Это – очередной сложный вопрос. После окончания Второй мировой войны вплоть до 90-х годов XX века Германия оставалась разделенной. Это был один из итогов войны. А гарантией такого разделенного статуса были в том числе советские войска в ГДР.

Понятно, что разделенные народы могут объединиться и вопреки находящимся на территории одного из них войскам третьего государства. Но это сложный путь, связанный, скорее всего, с длительной борьбой, с сопротивлением по типу партизанского, с постепенным расшатыванием влияния этого самого третьего государства. То есть речь идет о значительных усилиях, материальных затратах, возможно, о потерянных жизнях. А если обойтись без всей этой трудоемкой борьбы и просто получить согласие упомянутого третьего государства на объединение? Несомненно, что такое согласие может стоить достаточно дорого.

СССР не получил за свое согласие ничего. Ровно ноль. Хотя можно было претендовать на деньги, на инвестиции, на доступ к высоким технологиям, на закрепленные соответствующими договорами обязательства нейтрального статуса. Можно было, по крайней мере, списать долги Советского Союза обоим Германиям.

А вывод ГСВГ из ГДР? Тут можно было получить не только, так сказать, плату за услугу, но и компенсацию за оставленное имущество. И, что самое интересное, немцы были готовы на такую компенсацию. По разным источникам, речь шла как минимум о 100 миллиардах долларов (называли сумму в 160 миллиардов марок). Мало того, на рабочем уровне эксперты СССР и Германии даже согласовали текст соответствующего договора с соответствующими цифрами. Это говорит о том, что немецкие власти были готовы на такие расходы. Невозможно представить себе, чтобы члены немецкой делегации проявили по такому вопросу какое-то своеволие. Полагаю, что в архивах Министерства обороны России вполне можно найти описание этих переговоров, также как и текст проекта договора. То, что такие документы существуют, я знаю вполне достоверно. Непосредственно перед

расстрелом Белого дома этот вопрос неформально обсуждался в Верховном Совете РФ.

Таким образом, Горбачеву было достаточно дать свое согласие на подписание этого договора, вот и все. Или хотя бы прислушаться к мнению экспертов, которые оценивали указанное имущество не менее чем в 28 миллиардов долларов. Но Михаил Сергеевич поступил иначе. Он ничтоже сумняшеся попросил у Гельмута Коля предоставить совсем иную сумму, чуть более десяти миллиардов долларов. Немцы, понятное дело, согласились. Но очень сильно удивились, если судить по мемуарам немецких участников этих переговоров. Более того, осмелев, они в ответ даже потребовали компенсации за ущерб, нанесенный окружающей среде. В результате сумма, выплаченная немцами, существенно сократилась.

А как с вопросом о членстве объединенной Германии в НАТО? Ведь сам собой напрашивался вариант закрепления в соответствующем международном договоре ее нейтрального статуса. Но Горбачев не стал настаивать на этом. Более того, сам проявил инициативу. Вот что пишет об этом американский журналист К. Уолш:

«В июне 1990 года во время визита Горбачева в США за чашкой чая в кабинете президента Буша в присутствии советников обоих президентов и глав дипломатических посольств советский лидер заявил как бы мимоходом, что согласен признать членство объединенной Германии в НАТО, если этого захочет немецкий народ. Присутствующие были потрясены».

Уолш также отметил, что Буш даже попросил Горбачева повторить то, что он сказал.

А вот что говорит еще один свидетель. Причем такой, которому трудно не поверить. Это Джек Мэтлок, посол США в СССР в 1987–1991 годах. Мэтлок был участником встречи Горбачева и Буша на Мальте в декабре 1989 года. По словам Мэтлока, **«самым существенным на Мальте было достижение неформального понимания в том, что касалось Восточной Европы, Германии и прибалтийских государств... Горбачев уверил президента США, что сила никогда не будет применена в Восточной Европе, что он осознает необходимость вывода советских войск и что он позволит восточноевропейцам свободно избирать себе политико-экономический строй».**

Иными словами, Горбачев пообещал не использовать советские войска в Германии. Более того, пообещал их вывести из ГДР. Кроме того заверил, что СССР не будет возражать, если страны Восточной Европы откажутся от социалистического пути развития.

Интересно и то, что вспоминает Валентин Фалин, дипломат и член ЦК КПСС в 1989–1991 годах:

«Как рассказывал мне В.Брандт (канцлер ФРГ в 1969-1974 гг.), в ходе архызских переговоров Г.Коль (канцлер ФРГ в 1982-1998 гг.) затронул вопрос о судьбах руководителей ГДР. Как с ними быть?

«Вы, немцы, - заявил Горбачёв, - сами лучше разберетесь в этом». Предательство в концентрированном виде. Сдавая Германскую Демократическую Республику, присваивая себе право говорить от имени ГДР, без согласований с её правительством, мы повторяли худшее из прецедентов, никогда не делавших чести правителям.

Чем мне объяснить? Еще до Архыза (на встрече там между Горбачёвым и Колем была достигнута договорённость об объединении Германии) Колю переслали обращение Горбачёва - предоставьте кредит в 4,5 млрд. марок, мне нечем кормить людей, и вы получите все, что желаете.

Переговорщик Горбачёв не удосужился вскрыть ни вторую, ни третью позицию Коля. Оказались не списанными даже наши коммерческие долги перед ГДР.

В компенсацию за собственность наших военных, отходившую к объединенной Германии, стоимостью в сотни и сотни миллиардов марок нам отстегнули на строительство казарм для военнослужащих из группы войск в Германии 14 млрд.».

Эти слова Фалина необходимо прокомментировать. Он ясно видел, что Горбачев действовал в ущерб интересам СССР, но одновременно в пользу Германии. Но Фалин по какой-то причине полагал, что Горбачев занял предательскую позицию только в отношении руководства ГДР. А что касается вывода войск из Германии, то Фалин использовал слова «не удосужился», что можно понимать как какую-то небрежность в работе, а не предательство. Но какая уж тут небрежность?! В СССР существовал определенный бюрократический механизм принятия решений на всех уровнях власти, в том числе и на высшем. Этот механизм был подчас тяжеловесным и неуклюжим. Но его тяжеловесность и была направлена именно на то, чтобы никакие решения не принимались волонтаристски. В рамках этого механизма работала вся государственная машина Советского Союза, от самого маленького клерка до президента страны. По каждому существенному вопросу составлялась соответствующая бумага, которая согласовывалась по кругу со всеми заинтересованными министерствами и ведомствами. И потом эта бумага (так называемая «записка в ЦК») докладывалась на самый верх.

Конечно, Горбачев мог проявить своеволие. И он его проявлял в полной мере. Но тут важно не это. А важно то, что Михаил Сергеевич совершенно точно не мог не знать, как именно принимаются решения в СССР, в частности, по внешнеполитическим вопросам. То есть, занимаясь сдачей

другим государствам национальных позиций, он делал это не в силу «небрежности». А делал это вполне умышленно. Горбачев умышленно нарушал процедуру принятия решений. Следовательно, он жертвовал интересами страны умышленно, а не «по недосмотру» или «по небрежности». Эти его действия были не результатом его некомпетентности и каких-то политических иллюзий, а результатом умышленных действий.

Нередко исследователи биографии Горбачева обращают внимание на то, что он при решении некоторых вопросов шел даже дальше, чем его об этом просили, например, американцы. Это касалось, в частности, вопроса об уходе СССР из Восточной Европы. По словам все того же Валентина Фалина, якобы Киссинджер в то время высказывал мнение, что такой уход не должен превращаться в бегство. Означало ли это, что Горбачев не действовал в этом вопросе по указке США? Может, и не действовал. Но старался сделать даже больше, чем его об этом просили. И это вовсе не означает, что Горбачев не был коллаборационистом. Это лишь значит, что он хотел совершить какие-то действия в пользу других государств или во вред своей стране даже в большей мере, чем его об этом просили за рубежом. Другое дело, что политики в США в то время опасались, что слишком быстрый уход Советского Союза из Восточной Европы может повлечь нежелательные даже для Америки последствия.

Итак, можно попробовать подвести итоги, касающиеся Восточной Европы. Горбачев дал гарантии США, что не применит силу. Он не потребовал адекватной компенсации за вывод советских войск из ГДР, а также за оставленное там имущество. Не потребовал реальных международно-правовых гарантий нейтрального статуса объединенной Германии, а также других стран Восточной Европы. Предал лидеров ГДР. Не получил никаких письменных реальных гарантий нерасширения НАТО на Восток.

По каждому из этих вопросов в выигрыше оставалась какая-то другая страна, а не СССР. Горбачев только сдавал позиции Советского Союза. При этом действовал исключительно ловко, маскировался под такого не очень обращающего внимание на детали романтического политика, который всем верит на слово. И который ждет, что другие страны сами оценят «благородство» Советского Союза и его лидера. Именно в таком ключе пытался, например, выставить Горбачева его ближайший соратник (а по моему мнению, и подельник) В. Болдин.

Однако человеку, знакомому с миром государственной службы, а тем более с аппаратом правительства и президента, такие рассуждения несомненно покажутся фальшивыми. В этом мире нет наивных мечтателей в коротких штанишках. Если ты там смог пробыть наверху, то смело можешь

претендовать на звание исключительно хитрого, беспощадного и циничного хищника.

Конечно же, все эти действия по сдаче позиций СССР в Восточной Европе Горбачев осуществлял вполне осознанно. Болдин рассказывает, как Горбачев обращал внимание на каждую мелочь своего туалета, на детали протокола, на то, что именно он будет дарить тому или иному человеку. А тут «вдруг» эта черта характера вникать в самые мельчайшие детали куда-то улетучивается. Конечно же, нет. Михаил Сергеевич разыграл на посту генерального секретаря, а потом и президента достаточно убедительную роль романтика и верхогляда, проявив себя незаурядным актером. Но я надеюсь, что он войдет в мировую историю в первую очередь все-таки как выдающийся коллаборационист, а потом уже как актер.

6.4. Разграничение в Беринговом море

Нередко Горбачеву и Шеварднадзе ставят в вину заключение в 1990 году соглашения с США о разграничении морских пространств в Беринговом и Чукотском морях. Как говорят критики, в результате этого соглашения СССР потерял значительные пространства в этих морях, не получив взамен ничего. Налицо односторонняя уступка со стороны Советского Союза в пользу США.

Полагаю, что эти критики говорят совершенно справедливо. Уступка действительно была. Но тут надо разобраться поподробнее. Ведь мы с вами исследуем не просто какой-то международный договор. А изучаем вопрос, можно ли предъявить Михаилу Сергеевичу Горбачеву обвинение в том, что он на посту президента СССР действовал как коллаборационист.

Соглашение было подписано не Горбачевым, а Шеварднадзе. То есть формально под документом нет подписи Михаила Сергеевича. Означает ли это, что его вины нет в заключении соглашения? Может, он ни в чем не виноват? Может, во всем виноват Эдуард Амвросиевич, а Горбачев просто ничего не знал?

Конечно, знал! Пройдемся по технологии заключения этого соглашения. Советскую делегацию на переговорах возглавлял заведующий Договорно-правовым отделом МИД СССР Юрий Михайлович Рыбаков. Личность довольно невзрачная, на этот пост был назначен по протекции Пирадова, мужа дочери Громыко. С начальством не спорил, если что, сразу «под козырек». Но это моя личная оценка, с ней можно соглашаться или нет.

Переговоры шли довольно долго. И почти перед каждым раундом переговоров вопрос в письменном виде докладывался вовсе даже не министру Шеварднадзе. А за подписью кого-то из заместителей министра президенту страны. Так что тут не открутишься, что не знал. Архив

документов МИД СССР никуда не денется, там все документы на эту тему имеются. Со всеми позициями и подписями. Поэтому «незнание» исключаем.

Тем более надо иметь в виду, что речь шла не абы о каком вопросе. А о переговорах с крупнейшей мировой державой о пространствах, на которые должна была распространиться ее юрисдикция. Причем в этих пространствах можно было не только ловить рыбу. В архиве МИД СССР имеется документ, из которого следует, что в районе линии разграничения предположительно имеются большие запасы нефти и газа. Этот документ поступил в МИД до завершения переговоров с американцами.

Для того чтобы договориться, надо было определить, где именно пролегает линия разграничения юрисдикции СССР и США. Если одно государство претендовало на какие-то пространства, то это автоматически означало, что другое государство должно было уступить. То есть если США получали себе какой-то кусок моря или континентального шельфа, то это автоматически означало, что СССР этого куска лишался. В конечном итоге речь пошла об уступке нескольких десятков тысяч квадратных километров. Вполне достаточный кусок, чтобы о нем узнал лично Михаил Сергеевич.

Иными словами, вопрос выходил далеко за рамки формальной компетенции министра иностранных дел СССР. Это был на сто процентов вопрос компетенции президента Советского Союза, который мог быть решен только в случае его согласия. В общем, все обо всем знали. И Рыбаков, и Шеварднадзе, и Горбачев. Без согласия президента никакое подобное соглашение заключено не могло быть в принципе. Тем более, что оно предусматривало ратификацию (которой со стороны России нет до сих пор). Более того, соглашение предполагало его временное применение. Это очень серьезное условие. Получалось, что соглашение начинало действовать с момента подписания, а не ратификации. СССР давал согласие на уступку части своей территории без ратификации!

Копнем этот вопрос еще глубже. Проблема разграничения в этой части Мирового океана возникла не с приходом Горбачева. Эта история имела очень глубокие корни. И эти корни знал каждый юрист, который работал в Договорно-правовом отделе МИД СССР. Более того, эти корни вообще знали все юристы, которые занимались в то время международным морским правом.

А корни были следующими. Еще очень давно, в самом начале двадцатого века, некоторые страны выдвинули претензии на части Антарктики. Эти страны претендовали на так называемые сектора, которые ограничивались прямыми линиями, поведенными прямо к Южному полюсу.

Царская Россия не могла пройти мимо такого факта. Но в то время было решено, что если кто-то претендует на далекую Антарктику, то России лучше в качестве ответной меры претендовать на Арктику, которая находилась

совсем рядом. И в 1916 году царское правительство так и сделало. Всем заинтересованным странам была разослана дипломатическая нота, в которой говорилось, что Россия претендует на все острова и земли, как открытые, так и те, которые будут открыты в будущем. При этом были обозначены и границы этих претензий – прямые линии, проведенные к Северному полюсу от восточной и западной оконечностей сухопутной территории государства.

Потом была революция, и лишь через несколько лет у большевиков дошли руки до этого вопроса. Но дошли, надо признать, как следует. Тут претензия была высказана уже не просто на острова, а на морские пространства как таковые. Если бы на месте большевиков было иное правительство, то не исключено, что претензии были бы сформулированы более скромно. Например, как претензии лишь на сушу, а не на море. Но у большевиков все было иначе: если революция, так мировая. И если претензии, то на все, а не на какие-то сомнительные острова, которые, еще не известно, откроют или нет.

Напомним, что тогда, в 1926 году, страну возглавлял Сталин, а также все остальные действующие лица той эпохи, в том числе Троцкий, Бухарин и иже с ними. Короче, это было решение самых что ни на есть революционных лидеров той эпохи. И это было неудивительно, ведь таким образом к Советскому Союзу присоединялось пространство, не намного меньшее, чем сухопутное пространство всей страны.

Понятное дело, другие государства стали против этого формально возражать. Но до войны дело тогда не дошло. А дошло до освоения Арктики, поскольку в умах советских стратегов того времени возникла идея, как именно обосновать присоединение этой огромной части Арктики. Как известно, для того, чтобы претендовать на какую-то вновь открытую территорию, надо об этом заявить. А также осуществить так называемую эффективную оккупацию. То есть, грубо говоря, поставить на такой территории свой флаг, а также солдата, который этот флаг будет охранять.

А нельзя ли приравнять толстые льды Арктики к суше? Если на них можно создавать постоянные поселения, то возникнет эффективная оккупация. И сектор Арктики – наш! Так и решено было сделать. В Арктику направились экспедиции.

Да-да! Научные экспедиции в Арктику совершались не из-за того, что Советский Союз очень любил научные исследования. У этих экспедиций была вполне определенная политическая цель – застолбить наше присутствие в Арктике, подтвердить наши территориальные притязания. Доказать, что на льду можно создавать более или менее стабильные поселения. А измерения температуры и влажности – это было уже попутно. Можно было и не мерить, никому это особо и не было нужно.

Вот отсюда и начались все эти станции на льду с аббревиатурой «СП», то есть «Северный полюс», и цифрой очередной экспедиции. Сразу же появились герои, челюскинцы, папанинцы и так далее. Вот откуда (как) все это появилось, а вовсе не как какой-то особый научный проект.

Со временем, правда, выяснилось, что арктические льды, в отличие от антарктических, не стоят на месте, а перемещаются по всему пространству Северного Ледовитого океана. Концепция эффективной оккупации немного зашаталась, ледяная «суша» оказалась вовсе даже и не сушей. Но от притязаний на Арктику никто и не думал отказываться.

Я все это тут рассказываю, чтобы читателю было понятно, на что именно подняли руку Горбачев и его друг Шеварднадзе. Они замахнулись на самую историю советского государства. Впрочем, продолжим. В один прекрасный момент на самом высоком государственном уровне было принято решение обозначать границы советских претензий на Арктику в виде как бы почти государственной границы. В этом нетрудно убедиться, на любой политической и даже просто географической карте того времени от западной и восточной оконечностей Советского Союза прямо к Северному полюсу тянулось обозначение, полностью соответствовавшее обозначению государственной границы СССР. Единственно, это обозначение не всегда обозначалось красным цветом. И в легенде каждой карты было написано: границы советских полярных владений.

Мало того, в стране была создана специальная секретная межведомственная комиссия по Арктике, которую возглавлял, как правило, заместитель председателя правительства СССР. И все более или менее существенные вопросы, касавшиеся Арктики, проходили в обязательном порядке через эту комиссию. Все было сделано для того, чтобы ненароком какими-то своими действиями не разрушить свои же собственные притязания на Арктику.

Допустим, в Арктике около нашего побережья хотело проплыть какое-то иностранное судно, ледокол, военный корабль. Но там особо не поплаваешь, кругом льды, сложная обстановка. И иностранцы обращались к нам с просьбой оказать поддержку в обеспечении плавания. Мы разрешали. При этом из текста ответа ясно следовало, что мы именно «разрешаем». И, конечно же, предварительно такое решение проходило именно через ту самую секретную комиссию.

Теперь коснемся вопроса о том, что именно представляли из себя те самые восточная и западная границы «советских полярных владений». Это были прямые линии, тянущиеся прямо до полюса. Единственно, на западной границе был сделан прямоугольный уступ около архипелага Шпицберген.

Однако время шло. И в один прекрасный момент стало понятно, что прибрежные зоны любого государства можно использовать не только для

судоходства. Возникло и развилось морское рыболовство. А затем возникло и понятие континентального шельфа. Прибрежные государства стали претендовать на очень большие районы морского дна, примыкавшие к их берегам. Претензии были не бескорыстными, на шельфе нашли нефть и газ и стали успешно добывать. Теоретические притязания на морские пространства стали превращаться во вполне осязаемые деньги.

Но как разграничивать притязания соседних государств? В международном морском праве сложились два критерия: принцип равного отстояния и принцип справедливости. То есть разграничение тяготело к равноотстоящей линии, но за счет принципа справедливости могло от нее и отходить. Что на практике повсеместно и происходило.

Однако тут у СССР возникли проблемы с разграничением в Арктике на западе с Норвегией, а на востоке – с США. Вот мы с вами и добрались до Соединенных Штатов. И тут выяснилось следующее. На западе с Норвегией линия равноотстояния проходила не в нашу пользу. Она залезала на часть Баренцева моря к востоку от линии советских полярных владений. Как быть? В Баренцевом море полно рыбы. И главное, тут есть нефть. Было принято решение начать переговоры с Норвегией. При этом главой делегации назначили некто Подцероба, посла по особым поручениям. Я упоминаю эту фамилию не просто так. Это было большое политическое решение. Этот самый Подцероб был особой личностью. Безвольной и трусливой. Назначив его главой советской делегации, можно было не опасаться, что он проявит инициативу и что-то там такое невзначай по неосторожности норвежцам уступит. Не проявит и не уступит. В результате Подцероб многие годы невольно морочил норвежцам голову, не уступая им ни пяди родной земли (точнее, воды).

А как же американцы? Тут была особая история. Царская Россия в свое время продала Америке Аляску. И в договоре было сказано пару слов о морской границе. Из текста договора следовало, что эта самая граница должна была быть прямой. Казалось бы, вот тебе и карты в руки! Разграничивайся с Америкой по прямой линии. А потом этим прецедентом можно «трамбовать» норвежцев. Но не тут-то было! Конечно, в США очень хорошо понимали все эти тонкости насчет морских границ. И до поры до времени не вступали с нами в переговоры, чтобы не мешать норвежцам. Более того, именно из-за угрозы силового решения вопроса Норвегия решила вступить в НАТО. Мы этим самым разграничением (а еще архипелагом Шпицберген) загнали в НАТО соседнее государство. Вот какая платилась цена за эти «границы советских полярных владений».

Однако на определенном этапе практические интересы лова рыбы и разработки нефти в Баренцевом море, рядом с Норвегией, стали превалировать. Переговоры с норвежцами оживились, была сделана попытка

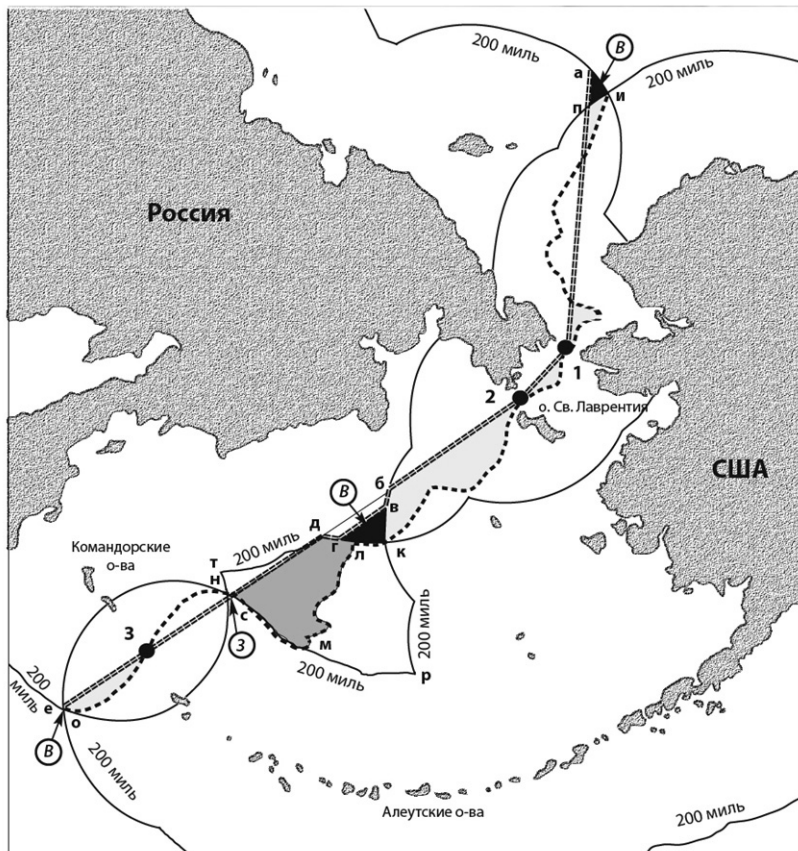
действительно найти какое-то решение. И наконец Советский Союз пошел на компромисс. Была обозначена так называемая «серая зона», в пределах которой обе страны должны были договариваться о своих действиях. Что-то типа совместного управления. Но линия западной границы советских полярных владений отвергнута не была.

После этого начались переговоры о разграничении с американцами. Казалось бы, продолжай многолетнюю линию Советского Союза, опирайся на русско-американскую конвенцию 1867 года о продаже Аляски, и все будет в порядке! Получишь подтверждение своих притязаний на Арктику. А если не хочешь претендовать на Арктику, то можно разграничиться по равноотстоящей линии. Тогда эта линия пройдет ближе к территории США, и мы получим дополнительный кусок морских пространств. Такой подход тоже имел свои резоны. К этому времени уже была принята Конвенция ООН по морскому праву и было признано право прибрежных государств на исключительные экономические зоны и на континентальный шельф. Причем такие права распространялись не меньше чем на 200 морских миль от берега, а то и дальше. То есть в любом случае значительная часть Арктики была бы советской.

В Беринговом море конвенция 1867 года упоминала всего три точки. То есть тут имелся существенный простор для творчества в ходе переговоров. Через эти точки можно было провести прямые линии разграничения. А можно было вполне правомерно претендовать на равноотстоящую линию, поскольку в середине XIX века еще не было понятия морской экономической зоны или континентального шельфа.

Но Советский Союз «почему-то», несмотря на все вышеизложенные обстоятельства и вопреки своей многолетней линии на секторальный раздел Арктики, вдруг занял особую позицию. Он согласился на разграничение по прямой линии в Чукотском море. Казалось бы, все хорошо. Но нет! Здесь произошло ухудшение для СССР правовой ситуации, существовавшей до злополучного соглашения 1990 года. Согласно его статье 2 **«линия разграничения морских пространств идет на север по меридиану» 168 градусов 58 минут 37 секунд «западной долготы через Берингов пролив и Чукотское море по Северному Ледовитому океану, насколько допускается по международному праву».** Последнее словосочетание – юридически не тождественно тому, которое было предусмотрено в тексте российско-американской конвенции 1867 года: **«направляется по прямой линии безгранично к северу».** Включенную в текст соглашения 1990 года новую формулировку можно толковать в том смысле, что стороны соглашения считали, что международное право не допускает, чтобы линия, разграничивающая пространства двух государств в Северном Ледовитом океане, простиралась до Северного полюса. Но такого ограничения

Российская Империя и США в 1867 году не предусматривали. Именно в точке Северного географического полюса пересекаются секторальные границы, установленные русско-английской конвенцией 1825 года и русско-американской конвенцией 1867 года.

- Линия разграничения по соглашению 1990 г.
 - Срединная линия
 - Линии 200-мильных зон
 - Срединные точки
 - Ⓟ — “восточные специальные районы”
 - Ⓡ — “западный специальный район”
- Участки, потерянные СССР/Россией по Соглашению 1990 г.:
- в экономической зоне
 - в спорной экономической зоне (вдоль линии Конвенции 1867 г.)
 - ▒ на континентальном шельфе

Иными словами, СССР, дав согласие на эти несколько слов **«насколько допускается по международному праву»**, поставил Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года выше претензий СССР на сектор в Арктике. Потому как претензии на сектор, конечно же, не соответствовали этой конвенции. Если бы СССР и США договорились о разграничении своих морских пространств до полюса, то тем самым они бы создали определенную международную практику, с которой впоследствии можно было бы примирить и нормы конвенции 1982 года. Но делегация СССР предпочла иной подход, разрушающий всю конструкцию секторального раздела Арктики.

Читатель может тут сказать, что ведь американцы не хотели претендовать на сектор в Арктике. Как можно было их заставить согласиться на то, чего они не хотели? Можно было. Во-первых, конвенция 1867 года действовала и определенно давала основания претендовать на линию разграничения до полюса. Во-вторых, и СССР, и США могли бы каждый остаться при своем мнении. Просто надо было воспроизвести в соглашении 1990 года точную формулу конвенции 1867 года, вот и все. То есть повторить уже действующую норму права, которую никто в мире не оспаривал. Но не добавлять к ней слова **«насколько допускается по международному праву»**.

Однако соглашение 1990 года касалось не только Арктики, но и Тихого океана (Берингова моря), где по конвенции 1967 года были обозначены всего три точки. Об этом уже было сказано выше. И вот тут никто не мешал требовать разграничения в соответствии с принципами Конвенции ООН по морскому праву. Это было бы и законно, и справедливо. Однако советская делегация не стала настаивать на равноотстоящей линии. Тут она вдруг согласилась на прямые линии!

Мало того, прямые линии в географии бывают тоже разными. Бывает ортодромия, а бывает локсодромия. Разница в том, что локсодромия прямо соединяет те или иные точки. В конвенции 1867 года именно такие точки и были обозначены. А ортодромия требует дополнительных точек разграничения. Для локсодромии необходима так называемая меркаторская проекция, которая и использовалась в 1867 году.

Как нетрудно догадаться, делегация СССР не стала настаивать на локсодромии, то есть на точном понимании конвенции 1867 года. А США активно возражали против локсодромии. Почему? Потому что ортодромия была им более выгодна и позволяла присоединить к своим морским пространствам дополнительную часть Берингова моря.

Отказ от разграничения по равноотстоящей в Беринговом море, а также все эти манипуляции с прямыми линиями привели к тому, что доля США при

разделе оказалась больше на несколько десятков тысяч квадратных километров.

А может, и не было никаких потерь для СССР? Может, мы тут что-то путаем? Читатель может не сомневаться, на этот счет уже имеются по крайней мере два решения российских государственных органов. 12 февраля 2003 года Счетная палата Российской Федерации провела проверку воздействия соглашения на рыбопромысловую отрасль России и подготовила отчет со следующей оценкой: **«За период действия советско-американского Соглашения о линии разграничения в Беринговом море (1991—2002 года) потери России составили 1,6—1,9 млн тонн рыбы, что эквивалентно 1,8—2,2 млрд долларов США».**

14 июня 2002 года Государственная Дума РФ приняла постановление № 2880-III ГД, в котором, в частности, было отмечено следующее:

«В результате разграничения морских пространств в соответствии с Соглашением в Беринговом море к США отошли: часть исключительной экономической зоны СССР площадью 23,7 тысячи квадратных километров, фактически переданная Советским Союзом Соединенным Штатам Америки еще в 1977 году; часть исключительной экономической зоны СССР площадью 7,7 тысячи квадратных километров; участок континентального шельфа площадью 46,3 тысячи квадратных километров в открытой центральной части Берингова моря, находящийся за пределами 200 морских миль от исходных линий. При этом участок континентального шельфа, отошедший в этой части Берингова моря к Российской Федерации, составил всего 4,6 тысячи квадратных километров.

На отдельном участке исключительная экономическая зона Соединенных Штатов Америки за счет неоправданно уступленной площади исключительной экономической зоны СССР превысила расстояние в 200 морских миль от исходных линий, что противоречит статье 57 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву (1982 года)».

В общем, тут уже пора подводить итоги. В результате всех этих переговоров СССР дал согласие на заключение соглашения, по которому терял довольно значительные морские пространства. Именно терял, так как использование уже согласованных международным сообществом правил, ясно записанных в Конвенции ООН по морскому праву, позволяло на полном законном основании требовать иного раздела морских пространств.

Я так подробно рассказал обо всей этой подоплеке разграничения морских пространств, чтобы читателю было хорошо понятно, о чем именно шла речь. Не о каком-то малозначительном вопросе, который неожиданно появился и был решен так, как было в тот момент удобнее для страны. А о

долговременной политической линии, которую многие годы проводил СССР, жертвуя ради этого значительными денежными и материальными средствами, а подчас и человеческими жизнями. И вот именно эта долговременная линия государства и была поломана Горбачевым и Шеварднадзе. Причем умышленно поломана. Вопрос был слишком значительный, чтобы пытаться представить его как мелкий и технический. У Горбачева был умысел на уступку части морских пространств, на которые СССР мог на законной основе претендовать. И эта уступка была умышленно сделана в пользу другого государства.

Может быть, СССР получил какой-то бонус в других вопросах? Нет, не получил. Даже самые яростные адвокаты соглашения с США 1990 года не приводят каких-то данных о том, что в каких-то вопросах США в качестве ответной любезности что-то уступили СССР. Да и что может быть эквивалентно потере части своей территории? Только передача в ответ другой территории.

Итак, можно, видимо, констатировать, что по вопросу разграничения морских пространств с США Горбачев умышленно пожертвовал интересами своей страны в пользу другого государства. Что и является признаком коллаборационизма.

6.5. Ракетный комплекс «Ока»

Сложный вопрос это разоружение. Являлись ли действия Михаила Сергеевича Горбачева при заключении разоруженческих договоров неоправданной и, главное, умышленной уступкой США? Сложность тут заключается во многом. Конечно, внешне может показаться, что уничтожать свое собственное оружие – нерационально. Тем самым ты ослабляешь свои вооруженные силы. Однако тут же высказывается возражение, что и твой потенциальный противник тоже что-то у себя уничтожает.

Сторонники таких договоров также указывают, что в результате ты вовлекаешь другую страну в переговоры и тем самым создаешь возможность для налаживания сотрудничества и по другим вопросам. Или хотя бы сдерживаешь враждебную деятельность такого государства. В таких словах есть определенный резон. Тем более, что такие договоры заключались, как правило, с США, поэтому наладить сотрудничество и сдержать враждебность было особо важно.

По логике, сокращение вооружений должно быть как минимум симметричным, не предоставляющим односторонних преимуществ какой-либо из сторон. Но на практике это, как правило, было невозможно. Модели отдельных видов вооружений у разных стран всегда разные. Причем у одной стороны модель может быть уже морально или физически устаревшей и

подлежащей утилизации в любом случае. А у другой стороны сходная модель оружия может быть менее эффективной, но при этом только что поставленной на вооружение. Так что трудно однозначно утверждать, что в тех или иных случаях договоры несимметричны и несправедливы.

Сторонники разоружения также утверждают, что слишком большое количество разных видов вооружения может представлять дополнительную угрозу миру. Ведь чем больше, например, ракет или боеголовок, тем больше шансов, что может произойти непредвиденная авария. Теоретически, но больше также вероятность, что опасное оружие может попасть в руки террористов.

Тем не менее, как я полагаю, при заключении некоторых разоруженческих договоров все-таки имел место эпизод, который можно трактовать как действия Горбачева в ущерб интересам собственной страны и одновременно в пользу другого государства. Причем умышленные действия, что важно для их юридической квалификации. Речь идет о включении в Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности ракетного комплекса «Ока». Сам договор был подписан генсеком ЦК КПСС М.С. Горбачевым и президентом США Р. Рейганом в Вашингтоне в декабре 1987 года.

Подписанию договора предшествовала довольно сложная работа по формулированию его положений. Какие ракеты включать в него, а какие нет? Сама идея договора заключалась в том, чтобы уничтожить довольно многочисленные ракеты средней дальности, которые в принципе могли нести ядерный заряд. Якобы это оружие являлось особо опасным и дестабилизирующим.

Как известно, согласно этому договору Советский Союз уничтожил значительно больше ракет, чем США. В классе ракет средней дальности, если не учитывать устаревшие ракеты Р-12 и Р-14, за одну моноблочную ракету «Першинг-2» мы отдали 2,8 трёхблочных ракет «Пионер». Полностью ликвидировав группировку ракет меньшей дальности «Темп-С» (718 ракет, 135 пусковых установок), взамен не получил практически ничего. Американцы ракет этого класса в боевом составе уже не имели. Устаревшие ракеты «Першинг-1А» (170 единиц) были выведены из боевого состава, складированы, и к ним оставалась всего одна неразвернутая пусковая установка. Так что даже сам по себе этот договор многие совершенно обоснованно рассматривают как несправедливый.

Однако одна из советских ракет вообще не была предметом переговоров. Это – «Ока». Ее дальность была меньше 500 километров, то есть формально она не относилась к охватываемым проектом договора ракетам с дальностью полета от 500 до 5500 км. Соответственно, эта ракета и не обсуждалась внутри страны как кандидат на сокращение. Не обсуждалась, значит,

Министерство обороны было лишено возможности высказать свои соображения о том, какие отрицательные последствия может повлечь ликвидация таких ракет.

И вот перед итоговым подписанием договора вдруг появляется министр иностранных дел Шеварднадзе в сопровождении своего американского коллеги и заявляет Горбачеву, что с министром обороны СССР вопрос о включении в договор «Оки» согласован. Дальше происходит следующее. Горбачев никак не ставит под сомнение эти слова и не пытается их перепроверить. Хотя по всем формальным правилам государственной бюрократии такое было необходимо. А вместо этого тут же соглашается на включение в договор и «Оки».

Как потом выяснилось, вопрос об «Оке» с Министерством обороны СССР согласован ни в каком виде не был. А если бы министра спросили, он бы высказался резко против. В результате согласно договору группировка из 239 новейших ракет «Ока» была ликвидирована.

Казалось бы, в данном эпизоде основная вина лежала на Шеварднадзе. Ведь он, по сути, обманул Горбачева. Однако тут видна и вина самого Горбачева. Ведь в определенный момент он «узнал», что вопрос не был согласован. Значит, он как высший руководитель государства мог и должен был совершить ряд обязательных шагов. Которых он не совершил. Для начала он должен был строго наказать Шеварднадзе, чего сделано не было. И это свидетельствует о том, что Горбачев был, по сути, в сговоре с Эдуардом Амвросиевичем. Видимо, Горбачев не хотел брать на себя ответственность за такой серьезный шаг. И поручил Шеварднадзе его «обмануть». Не наказав Шеварднадзе, Михаил Сергеевич тем самым сам перевел себя в разряд его подельников. То есть своим бездействием доказал свою вину.

Горбачев также мог поднять вопрос о ракете и после подписания договора. Такое допускается международным правом. Можно было вообще возобновить переговоры. Или сделать оговорку при ратификации. Это уничтожило бы договор? Нет. Такова обычная практика. В таких случаях, если руководитель страны не хочет терять лицо, но хочет поменять уже достигнутую договоренность, он ссылается на особое мнение парламента, на то, что в стране демократия, и руками депутатов меняет текст. Это привело бы лишь к возобновлению переговоров, если вопрос был интересен противоположной стороне. А в данном случае он был очень интересен для американцев, тут можно не сомневаться.

Можно считать, что в вышеописанном эпизоде Горбачев действовал как коллаборационист? По мнению автора, именно так дело и обстояло.

6.6. Деньги от Ро Дэ У

Представим себе такую ситуацию: я являюсь должностным лицом. И вот в один прекрасный день беру от какого-то постороннего лица определенную сумму денег. Преступление это или нет? Состав преступления «взятка» в Уголовном кодексе довольно сложный. Для того чтобы стать взяточником, надо выполнить определенные условия. Быть должностным лицом. Взять деньги со стороны. Намереваться совершить за это вознаграждение какие-то действия. Причем эти действия должны входить в служебные обязанности.

На практике в России в тюрьму по обвинению во взятке можно попасть в упрощенном порядке. Следователи и суды довольно свободно трактуют Уголовный кодекс в этой части. Самое главное, чтобы была доказана передача денег должностному лицу. И срок почти гарантирован.

Я сам как юрист занимаю по этому вопросу двойственную позицию. С одной стороны, мне хочется, чтобы требования закона выполнялись неукоснительно. Иначе возникнет следующая ситуация. Простой человек откроет Уголовный кодекс и начнет изучать, что он может делать, а что запрещено законом. При этом несомненно предполагается, что уголовный закон должен быть сформулирован так просто, чтобы любой гражданин мог понять, что от него хочет государство. И вот по итогам этого изучения человек планирует какие-то свои действия. И вдруг выясняется, что в законе написано одно, а сажают в тюрьму почему-то «в упрощенном порядке», по неполному составу преступления. Разве по таким правилам можно нормально жить? И разве такие правила можно считать справедливыми?

До справедливости тут, к сожалению, далеко. Например, госслужащий решил подработать на стороне. Или все тому же госслужащему дают в долг. Точнее, ему говорят, что дают в долг. А на самом деле уже сообщили в милицию, что с них этот служащий якобы вымогает взятку. Или все то же должностное лицо готово за деньги выполнить какую-то дополнительную работу, которая прямо в его служебные обязанности не входит. В общем, список тут может быть довольно длинным. А в результате этот служащий получает лет десять тюрьмы. Хотя если строго по закону, то в худшем случае должен быть просто изгнан с работы.

Однако все эти рассуждения о необходимости соблюдать закон рассчитаны на простого человека, на рядового обывателя, который с трудом может понять, как именно толкуется Уголовный кодекс правоприменителем. А как быть с высшим должностным лицом в государстве? Ведь такое лицо не просто обладает юридическими знаниями, чтобы оценивать свои собственные поступки. Такое лицо еще и по закону обеспечено помощью юристов высшей квалификации. И предполагается, что должностное лицо в обязательном порядке консультируется с ними в любой сколь-нибудь

сложной ситуации. Иными словами, к такому должностному лицу вполне оправданно применять требования более высокого порядка, нежели к простому обывателю. При этом речь даже не идет о том, посадить президента в тюрьму или нет (хотя в Южной Корее, например, сажают). А о том, как правильно оценить те или иные поступки такого высшего должностного лица.

Короче, формально можно считать доказанным, что имели место следующие факты. В 1991 году, ранней весной Михаил Сергеевич Горбачев по пути из Японии посетил Южную Корею. Где он и его супруга получили по чеку на предъявителя на сумму сто тысяч долларов США каждый. Через полгода один из чеков был изъят при обыске у заведующего секретариатом Болдина. Ни сам Горбачев, ни Раиса Максимовна не отрицали, что получили эти чеки. И уже после упомянутого обыска направили чеки на благотворительность.

Кстати, сам Болдин утверждает, что это были не чеки, а конверт, туго набитый купюрами. Скорее всего, неточен именно Болдин. Сто тысяч долларов – это уже не конверт, а небольшой мешок. Возможно, он перепутал эти деньги с еще какими-то подношениями Горбачеву.

Итак, именно эти действия Горбачева нам с вами сейчас и надо оценить применительно к понятию «коллорабационизм». С одной стороны, неизвестно, за что именно были переданы эти деньги. С другой стороны, у президента страны полномочия очень широкие. В его компетенцию входят очень многие вопросы. Грубо говоря, он в силу своей должности может почти все. То есть если не привязываться строго к Уголовному кодексу, то тут как минимум присутствует состав аморального поведения. Но нам с вами и не надо садить Горбачева в тюрьму. А надо понять, действовал ли он тут в интересах своего государства или нет.

Разбираемся дальше. Допустим, что президенту вообще часто преподносят дорогие подарки, а то и деньги. И подчас отказать от них никак нельзя. Как надо поступать в таком случае? Если оставлять себе, то несомненно возникает как минимум зависимость от стороны, преподносящей подарки, а тем более деньги. В этой связи существует правило – полученные подарки у себя не оставлять. Либо сдавать в музей, либо отправлять на благотворительность, либо передавать в специальный фонд. И это правило действует в отношении любых чиновников. Даже если оно формально не записано, все равно получение дорогих подарков может повлечь, например, увольнение с работы или какие-либо похожие санкции. То есть такое поведение однозначно осуждается.

Получается, что Горбачев должен был сдать эти деньги если не сразу же после приезда, то по крайней мере в разумное время. Но он этого не сделал. Ни он, ни его супруга. Может быть, забыл? В конце концов, у президента

великой страны полным-полно дел, можно и забыть про какие-то сто тысяч долларов.

Нет, такой вариант не получается. Чеки были переданы в присутствии свидетелей. И уже через три дня после описываемых событий в Москве на прием к Горбачеву пришел сам Крючков, возглавлявший тогда КГБ. И так вот прямо и сказал в лицо Михаилу Сергеевичу насчет существования этих самых злополучных чеков. Потому как Крючков понимал, что этот факт может получить огласку и таким образом стать фактором давления на Горбачева.

В общем, про «забывчивость» тут говорить никак не приходится. Даже если и «забыл», то председатель КГБ напомнил яснее ясного. В ответ Горбачев, по словам Крючкова, пробормотал что-то неопределенное, что, мол, бумаг много, среди них, наверное, этот чек и завалился. Беседа закончилась, а Михаил Сергеевич дальше поисками заниматься не стал.

Но и обналичивать чеки ни он, ни Раиса Максимовна после этой беседы с Крючковым все-таки не стали. Сам Горбачев, судя по всему, передал чек Болдину. А его супруга и вовсе хранила свой чек у себя дома. И только после ГКЧП и уже упомянутых обысков оба признались, что это были именно их чеки. И направили их на поддержку, если не ошибаюсь, какого-то детского дома в Рязани.

Итак, нам надо оценить эти действия. Деньги получил, но не сдал, а оставил себе. Получил от иностранца. То есть как минимум попал в какую-то моральную зависимость от другого государства. Причем знал и понимал, что именно он делает. Иными словами, умышленно совершал действия, ставившие его в зависимость от другой страны. Но зависимость от других стран по определению предполагает ущерб интересам своей собственной страны. Скажем честно, тут некоторые признаки коллаборационизма вполне налицо.

Для полноты картины обозначим и еще некоторые события, имевшие определенное отношение к этим деньгам. Горбачев, например, проявил непонятную уступчивость по вопросу о принадлежности островов Южно-Курильской гряды и признал этот вопрос спорным. То есть 16–19 апреля 1991 года он посетил Японию, признал наличие территориального спора (СССР многие годы отрицал сам факт спора), чем серьезно уступил японцам, а в Южной Корее получил деньги. Тут есть связь?

Это были не единственные деньги, которые получал Михаил Сергеевич за рубежом. Как лауреат Нобелевской премии мира он получил эту самую премию в денежном выражении. Причем не двести тысяч долларов, а больше миллиона.

Была еще итальянская премия «Фьюджи» в Риме. А также немецкая премия Отто Ханса. И все в короткий промежуток времени. Часть

полученных денег была перечислена в школы и госпитали. Но часть осталась.

Конечно, формально можно получать премии, тем более престижные и международные. Но согласитесь, если на вашего президента вдруг потоком начинают литься деньги из-за рубежа, пусть хоть под каким угодно соусом, это начинает вызывать вопросы. Тем более, что не все эти деньги сдаются государству или направляются на благотворительность.

А вот что заявил Болдин в интервью Караулову в программе «Момент истины»:

«Я свидетель, как окучивали Раису Максимовну и в других странах, в том числе и в Америке. Это, может быть, не выглядело в виде денег, но те драгоценности, которые она получала, - это довольно серьезные вещи были и они стоили много больше, чем то, что дал Ро Дэ У».

Если супруга президента получает за рубежом серьезные подарки, то это явно не вписывается по крайней мере в моральные рамки. Деньги, подарки – это как минимум зависимость. А может быть, и вознаграждение за какие-то поступки.

Подведем небольшой итог. Коллаборационист действует в интересах другого государства в ущерб интересам собственной страны. Иногда он поступает так бескорыстно. Иногда за вознаграждение. В любом случае подарки и деньги, врученные другими государствами, – это свидетельство их признательности. То есть такие подарки являются косвенным доказательством того, что соответствующее лицо делало что-то в пользу других стран. И, скорее всего, в ущерб интересам своего собственного государства.

6.7. Беловежский сговор

В конце 1991 года начальник Управления Генеральной прокуратуры Союза ССР по надзору за исполнением законов о государственной безопасности В.И. Илюхин возбудил уголовное дело в отношении президента СССР М.С. Горбачева за измену Родине по ст. 64 УК РСФСР. Что же такого совершил Михаил Сергеевич, если на него даже стали заводить уголовное дело, да еще по такой тяжелой статье? Кстати, измена Родине как раз и предполагает, что соответствующее лицо действует в интересах другого государства, но в ущерб собственной стране. Очень близко к понятию «коллаборационизм».

А случилось вот что. 8 декабря 1991 года Ельцин (Россия), Шушкевич (Белоруссия) и Кравчук (Украина) подписали в Беловежской пуще Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. Это был «интересное» соглашение. Оно распускало Советский Союз и декларировало,

что входившие в него союзные республики, а именно РСФСР, Белоруссия и Украина, уже как суверенные независимые государства создают СНГ. То есть была предпринята попытка разрушить СССР, президентом которого являлся Горбачев.

Как высшее должностное лицо Горбачев должен был обеспечивать целостность СССР и его безопасность, в том числе и в силу данной им присяги, он был обязан в этой ситуации как-то отреагировать. Однако он безмолвствовал. С 8 по 21 декабря 1991 года, в течение целых двух недель, весь мир напряженно следил за президентом Советского Союза. Но тот не делал абсолютно ничего. Правда, посетил со своей супругой театр.

Наконец в 7 вечера 25 декабря 1991 года первый и последний президент СССР Михаил Горбачев заявил в прямом эфире Центрального телевидения об уходе с поста **«по принципиальным соображениям»**. И уже через 45 минут после того, как Горбачев произнес слова: **«В силу сложившейся ситуации с образованием Содружества Независимых Государств, я прекращаю свою деятельность на посту президента СССР»**, в Кремле был спущен красный государственный флаг СССР и поднят флаг РСФСР.

Как можно оценить подобное бездействие Михаила Сергеевича? Не будем копать слишком глубоко и говорить о статье 64 Уголовного кодекса РСФСР. Поговорим лучше о коллаборационизме. Начнем немного издалека. Вообще, откуда появилось это Беловежское соглашение? Обычно исследователи кратко констатируют, что этот документ был составлен чуть ли не там же, в Беловежской пуще. Сели три президента, подумали немного, выпили. И нарисовали на листке бумаги этот самый договор. Который тут же и подписали.

На самом деле это не так. Проект соглашения готовился заранее. Было и место, где он разрабатывался. Были и люди, которые этим делом персонально занимались. Место написания проекта – Договорно-правовой отдел МИД СССР (ДПО). Полагаю, что над текстом работали персонально Яков Островский и Леонид Скотников. Я думаю, страна должна знать своих «героев».

За неделю до беловежских событий «вдруг» часть сотрудников ДПО стала переходить на работу в МИД РСФСР. С чего бы это? Союзный МИД со своими многочисленными отделами и заграничными посольствами был серьезной организацией. А МИД РСФСР был малюсенькой конторкой, попав в которую, можно было до пенсии просидеть в ожидании выезда за рубеж. И вдруг туда мигом перебежал пяток сотрудников ДПО. Во главе с уже упомянутым Островским. Они все тоже работали над проектом? Может быть. Но в любом случае были в курсе, что именно происходит. И зная о готовящемся преступлении в Беловежской пуще, предпочли позаботиться о своей личной судьбе, нежели о судьбе своей Родины. По моим меркам,

формально и они – соучастники. Фамилии, кстати, нетрудно установить, не буду здесь отвлекать внимание читателя на второстепенные детали.

Самое забавное, что я тут могу смело называть фамилии соответствующих лиц. И знаете почему? Думаете, меня можно обвинить в клевете? Можно взыскать моральный вред по статье 152 ГК РФ? Это юридически невозможно. Подписание Беловежских соглашений пока в нашей стране не признано уголовным преступлением или хотя бы административным правонарушением. То есть если мы с вами говорим о причастности к беловежским событиям тех или иных людей, мы формально не бросаем тень на их репутацию и не клеветаем на них, обвиняя в чем-то нехорошем. Пока в истории СССР и России Беловежские соглашения вовсе не осуждались, а наоборот, они лежат в основе возникновения государственности Российской Федерации.

Впрочем, подписание Беловежских соглашений пока в нашей стране не признано уголовным преступлением или хотя бы административным правонарушением. То есть если мы с вами говорим о причастности к беловежским событиям тех или иных людей, мы формально не бросаем тень на их репутацию и не клеветаем на них, обвиняя в чем-то нехорошем. Пока в истории СССР и России Беловежские соглашения вовсе не осуждались, а наоборот, они лежат в основе возникновения государственности Российской Федерации. Так что меня даже в клевете обвинить юридически невозможно или взыскать компенсацию морального вреда по статье 152 ГК РФ. Поэтому я могу смело называть фамилии соответствующих лиц. Хотя я не сомневаюсь, что никто из указанных соучастников не посмеет поднимать вопросы о клевете и компенсации. Ведь следствие и судебное разбирательство привлекут к этому вопросу общественное внимание. Все начнут разбираться и доискиваться до истины. А участникам тех событий вовсе не хочется, чтобы кто-то в этом всем копался. Они не хотят быть героями. Они «почему-то» хотят, чтобы их имена остались неизвестными навсегда.

Однако есть во всей этой беловежской истории еще один очень неординарный момент. На самом деле Ельцин со товарищи Советский Союз в Беловежской пуще вовсе не разваливали. Вы удивлены? Ведь все говорят, что именно эта тройка и развалила СССР в означенном месте. Все говорят, а на самом деле ничего они и не разваливали. Они только сделали попытку развалить. Но мало ли кто и мало ли где соберется и мало ли что при этом подпишет! Совсем не всегда подписание таких документов ведет к развалу страны. Здесь, если быть юридически точным, весь фокус в институте признания.

Допустим, мы с вами зашли в кафе и, заказав себе немного вина с закуской, начали что-то такое писать на салфетке. В конце концов, написали,

что мы распускаем Советский Союз. Ну и что? В результате СССР будет распущен? Описанная ситуация выглядит внешне комично. Но только на первый взгляд.

После посещения кафе мы с вами выходим и идем напрямик на телевидение. Где нас почему-то не гонят взащей. А относятся к нам очень даже уважительно. И сообщают всему миру о нашей салфеточке и тексте на ней.

Дальше – больше. Мы с вами ждем, что нас заберет милиция и запрет по крайней мере на сутки в «обезьянник» или даже в вырезатель. Но ничего подобного тоже не происходит. А как раз наоборот. Дикторы с надрывом в голосе сообщают, что три пьянчуги только что распустили в кафе Советский Союз. И те же дикторы и комментаторы спрашивают с полной безысходностью: «Что же нам всем теперь делать?!»

Все взоры обращаются к прокуратуре, милиции. Но там только пожимают плечами. Тут в дело вступают заграничные политические деятели. Которые узнали об «ужасном» происшествии из теленовостей. И тут же, ничтоже сумняшеся, провозглашают, что Советского Союза больше нет.

Мы с вами стоим с совсем растерянными лицами. Ведь мы просто пошутили за бутылкой вина. А тут такие последствия! Может, мы и взаправду можем теперь в этом кафе распустить любое государство?

Вот тут наступает важный юридический момент. Нужно определить, действительно ли это была шутка, или мы на самом деле планировали развал страны? Если на самом деле, то шутки в сторону, потому что здесь вдруг выплывает во всем своем величии Уголовный кодекс. Заглядываем внутрь. И оказывается, что уголовным преступлением являются не только совершенные действия. Планирование и подготовка таких действий – тоже уголовное преступление. Такое преступление на юридическом языке называется неоконченным. Но за него за милую душу отправляют в тюрьму, хотя срок дают поменьше. Все-таки преступление-то неоконченное.

Например, сядем мы вместе и начнем на бумаге излагать, как мы создадим специальную организацию, с помощью которой свергнем законную власть в стране. И неважно, что мы – слишком бестолковые и неорганизованные люди, и никакую власть ни с какими своими организациями свергнуть не способны, что называется, по определению. Это – не важно. А важно, что мы действительно планировали свергнуть эту самую власть. Все. Дальше – самый что ни на есть реальный тюремный срок.

Вернемся к нашему выдуманному сюжету. Нашу салфетку с текстом о роспуске СССР обсуждают на радио и на телевидении. Более того, за рубежом громко говорят, что в результате этих наших действий Советский Союз больше не существует. С юридической точки зрения все это обсуждение и все эти заявления являются доказательством того, что наши

действия действительно могут привести к означенному результату – к развалу страны. То есть тут возникает бесспорное доказательство, что даже если мы шутили, то напрасно. Наша шутка оказалась плохой, нас приняли за настоящих заговорщиков. И теперь нам только одна дорога – в тюрьму.

Однако тут с тюрьмой возникает некоторая заминка. Вопрос-то политический. И он затрагивает интересы высшего должностного лица того самого государства, которое мы вознамерились распустить. Президента СССР Михаила Сергеевича Горбачева. Если страна развалится на несколько кусков, то он лишится предмета своего президентства. То есть тут возникает вопрос, а что сам-то Горбачев по этому поводу думает.

Все смотрят на Горбачева. Ему бы просто сказать, что наша с вами салфетка – это всего лишь неудачная шутка. И даже таких слов будет достаточно. Все государственные министерства и ведомства, а также их сотрудники вздохнут с облегчением и продолжат дальше заниматься своими делами, как будто никаких заговоров на салфетках ни в каких кафе и вовсе не бывало.

Конечно, президент может в такой ситуации поступить и жестче. Например, скажет, что мы с вами – настоящие заговорщики, а наша с вами салфеточка – реальная угроза целостности страны. И такие слова тоже вызовут определенный эффект. Соответствующие правоохранительные органы возбуждают уголовное дело и отправят оперативную группу арестовывать преступников. То есть нас с вами. Может, преступники будут сопротивляться аресту, соберут группу единомышленников, представителей верных им силовых структур? В таком случае группа захвата будет более многочисленной и лучше вооруженной. Милиция и прочие органы нередко арестовывают преступные банды, которые очень даже вооружены и готовы сопротивляться.

Однако наш с вами президент все еще молчит. И такое молчание начинает вызывать уже новый юридический эффект. Это уже не просто молчание. Это уже молчаливое признание. Да, именно признание. Президент ничего не говорит, то есть не оспаривает действий заговорщиков. Хотя обязан это сделать. Выходит, он считает, что их действия действительно означают конец Советского Союза?

Тут начинается второй этап признания. Независимость РСФСР начинают признавать другие страны. Например, Саудовская Аравия. Это не очень большое государство. Но уже и не карлик и не псевдогосударство, мнение которого вообще ничего не значит.

Этот второй этап означает, что наша с вами РСФСР начинает приобретать международную правосубъектность. То есть шутки в сторону – на международной арене возникает новое государство. Кстати, существует не так мало государств, независимость которых признает не только не все

международное сообщество, а всего несколько стран. Ничего, такое государство – тоже государство, хотя шансов стать членом ООН у него, в общем, нет.

Дальше – больше. Независимость РСФСР уже признают многие государства. Через пару месяцев даже США. И на этом этапе мнение президента СССР Горбачева уже никого не интересует. Распад СССР уже признал весь мир, безо всяких дополнительных шагов со стороны Михаила Сергеевича.

Но Горбачев на самом деле не совсем сидит на месте. А готовит настоящую финальную точку в этом самом процессе признания. Он наконец отвергает свои уста и произносит уже упомянутые выше слова: **«В силу сложившейся ситуации с образованием Содружества Независимых Государств я прекращаю свою деятельность на посту президента СССР»**. И этими своими словами он тоже признает, что Советского Союза больше нет.

Вот именно так и произошел распад СССР. В Беловежской пуще были подписаны какие-то бумаги. Но ни у кого из подписавших не было специальных полномочий на такое подписание. Никакой референдум в целях выяснения мнения народа предварительно не проводился. И никто эти самые бумаге «о роспуске СССР» еще не успел ратифицировать. По любым правилам международного права беловежские договоренности на этом этапе юридически ничего не значили. Ничем не лучше нашего фантастического договора в кафе на салфетке. Разве что они морально связывали лиц, которые их подписали. Но именно что морально, а не юридически, и только их самих.

Однако эти самые договоренности вдруг, сначала косвенно, а потом прямо были признаны серьезным документом со стороны средств массовой информации. Вы скажете: «Это был элемент информационной войны». Спорить не стану, именно так дело и было.

Далее последовало признание зарубежных политиков, для начала устное. Потом – признание независимости со стороны некоторых стран. А потом распад СССР публично признало и главное заинтересованное лицо – президент СССР Горбачев.

Вот такую, если быть точным, юридическую ситуацию мы имеем по вопросу о развале СССР и о формальном статусе Беловежских соглашений. Ельцин и его дружки сделали попытку развалить страну. Но на самом деле страну развалил президент этой самой страны Михаил Сергеевич Горбачев. Развалил не просто бездействием. Развалил сначала молчаливым согласием, что Беловежские соглашения имеют какую-то юридическую силу. А потом и вовсе публичным согласием с фактом развала.

Как мы видим, в этом грязном и черном деле Горбачеву активно помогали другие страны и их политики. Если не ошибаюсь, первым выступил

госсекретарь США со словами: **«Советского Союза больше не существует»**. То есть для полноты юридической картины можно констатировать, что действия Горбачева были не просто направлены на нанесение ущерба его стране. Они были поддержаны из-за рубежа. Что ясно свидетельствует о том, что тут сформировался полноценный статус лица, имеющего название «коллорационист». Действуя в ущерб СССР и в пользу других стран, Михаил Сергеевич честно заработал себе звание коллорациониста. Причем тут даже не важно, был ли у него сговор с другими странами, или нет. Был умысел, поскольку Горбачев как президент не мог сослаться на юридическую безграмотность. Он действовал (бездействовал) умышленно и целенаправленно. И даже без доказанного факта сговора с другими странами он объективно действовал в интересах других стран. То есть однозначно – коллорационист.

Надо отметить, что об особом отношении Горбачева к загранице свидетельствовал, пусть косвенно, один внешне не очень заметный факт. После подписания Беловежских соглашений между Горбачевым и Ельциным в конце концов произошло объяснение. И о чем же они говорили? В чем обвинил Горбачев Ельцина? В развале страны? Вовсе нет. Он обвинил его в том, что Ельцин вперед Горбачева позвонил президенту США. Этакое своеобразное соревнование за то, кто более верно служит заморскому дяде.

Как всегда пройдемся по сопутствующим обстоятельствам. Ключевой вопрос – это бездействие Горбачева. И тут у него находятся защитники. Например, Ципко, бывший помощник секретаря ЦК КПСС Александра Яковлева, заявляет, что **«конкретную вину за распад СССР несет наш славный маршал — демократ Шапошников, который, как мне рассказывал Горбачев, отказался арестовать беловежских заговорщиков»**.

Конечно, это оправдание таковым вовсе не является. Ясно, что для ареста Ельцина не надо было поднимать всю советскую армию. Достаточно было и чего-то поменьше. Более того, формально было бы достаточно, чтобы Горбачев публично заявил, что Ельцина надо арестовать. Но он этого как раз и не сделал. Хотя прекрасно знал, как это надо делать. События вокруг ГКЧП показали, что, если нужно, Горбачев может даже тайно записать воззвание к народу, чтобы сорвать замыслы заговорщиков. То есть в одном случае он смог сорвать планы мнимых заговорщиков. А через полгода полностью «разучился» делать то же самое в отношении настоящих заговорщиков.

Попутно отметим, что Михаил Горбачев бездействовал и раньше, еще до беловежского сговора. Например, когда 28 ноября 1991 года Борис Ельцин объявил о переходе под российскую юрисдикцию 70 союзных министерств, Гохрана и Госбанка. Госбанк вернулся в ведение союзных органов только

потому, что самоуправство Ельцина возмутило лидеров других союзных республик.

Обратим внимание и еще на одно дополнительное обстоятельство. 11 декабря Комитет конституционного надзора СССР выступил с заявлением, осуждавшим Беловежское соглашение. Казалось бы, вот юридическое основание для того, чтобы Горбачев, например, квалифицировал беловежские договоренности как ничтожные. Или для того, чтобы он дал соответствующее указание правоохранительным органам для принятия мер в отношении заговорщиков. Но нет, Горбачев проигнорировал позицию Комитета конституционного надзора СССР. Опять тут просматривается умышленное преступное бездействие.

Кстати, вполне уместно тут упомянуть, как именно были формально в дальнейшем оценены Беловежские соглашения. Так, 15 марта 1996 года Государственная Дума Российской Федерации приняла два постановления: № 156-П ГД «Об углублении интеграции народов, объединявшихся в Союз ССР, и отмене Постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года „О денонсации Договора об образовании СССР“»; № 157-П ГД «О юридической силе для Российской Федерации — России результатов референдума СССР 17 марта 1991 года по вопросу о сохранении Союза ССР».

Первое из постановлений признавало утратившим силу соответствующее постановление Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года и устанавливало, **«что законодательные и другие нормативные правовые акты, вытекающие из Постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года „О денонсации Договора об образовании СССР“, будут корректироваться по мере движения братских народов по пути все более глубокой интеграции и единения».**

Вторым из постановлений Государственная Дума денонсировала Беловежские соглашения. Постановление, в частности, гласило:

«1. Подтвердить для Российской Федерации — России юридическую силу результатов референдума СССР по вопросу о сохранении Союза ССР, состоявшегося на территории РСФСР 17 марта 1991 года.

2. Отметить, что должностные лица РСФСР, подготовившие, подписавшие и ратифицировавшие решение о прекращении существования Союза ССР, грубо нарушили волеизъявление народов России о сохранении Союза ССР, выраженное на референдуме СССР 17 марта 1991 года, а также Декларацию о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, провозгласившую стремление народов России создать демократическое правовое государство в составе обновленного Союза ССР.

3. Подтвердить, что Соглашение о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 года, подписанное Президентом РСФСР Б. Н. Ельциным и государственным секретарем РСФСР Г. Э. Бурбулисом и не утвержденное Съездом народных депутатов РСФСР — высшим органом государственной власти РСФСР, не имело и не имеет юридической силы в части, относящейся к прекращению существования Союза ССР».

Однако для того, чтобы быть полноценным коллаборационистом, необходимо действовать не только во вред собственной стране, но и на пользу других стран. Так, может, никакие страны не желали распада СССР? Может, такой распад нигде и не ставился в качестве официальной задачи? Ставился, очень даже ставился. Пройдемся, для примера, по США. Хотя можно упомянуть и другие страны, в частности, Великобританию. Но все-таки, давайте поговорим о США. Начнем с Директивы ЦРУ США 1945 года, разработанной небезызвестным Алленом Даллесом: **«Мы бросим все, что имеем, все золото, всю материальную мощь и ресурсы на обольщение и одурачивание людей».** Речь здесь идет об СССР. А вот что написано дальше: **«Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить... Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного необратимого угасания его самосознания...»**

Сказано очень ясно и убедительно. Да и остальной текст не менее убедителен. Однако пойдем дальше. Упомянем Директиву Совета национальной безопасности США 20/1 от 18 августа 1948 года. Там тоже много чего интересно написано. Но процитируем следующую фразу: **«Наши усилия, чтобы Москва приняла наши концепции, равносильны заявлению: наша цель содержание советской власти. Отправляясь от этой точки зрения, можно сказать, что эти цели не достижимы без войны, и, следовательно, мы тем самым признаём: наша конечная цель в отношении Советского Союза - война и свержение силой Советской власти».**

Однако одно дело, директивы государственных органов. А другое дело — закон. В США имеется и закон, касающийся целостности СССР. Это принятый Конгрессом США 17 октября 1959 года «Закон о порабощенных нациях» PL 86-90. В этом законе США прямо связывали стратегические перспективы своей национальной безопасности с необходимостью развала России на несколько десятков так называемых независимых государств.

Можно также упомянуть и так называемую Доктрину “Освобождение”. Она была разработана в 1989 году специальным исследовательским центром “Фонд “Наследие” по заказу администрации президента США Буша. Ее суть заключалась в технологиях развала СССР и последующем управлении процессами, происходящими в России

Таким образом, можно констатировать, что по крайней мере США были заинтересованы в развале СССР. Следовательно, можно не сомневаясь квалифицировать действия Михаила Сергеевича Горбачева как направленные на защиту интересов другой страны в ущерб интересам его собственного государства. Это и называется коллаборационизмом.

А в завершение вспомним о «царице доказательств», то есть о признании своей вины самим преступником. И в этой связи еще раз процитируем слова Горбачева, сказанные им самим на семинаре в Американском университете в Турции в 1999 году:

«Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма, невыносимой диктатуры над людьми...»

Когда же я лично познакомился с Западом, я понял, что я не могу отступить от поставленной цели. А для ее достижения я должен был заменить все руководство КПСС и СССР, а также руководство во всех социалистических странах. Моим идеалом в то время был путь социал-демократических стран».

6.8. Признание независимости Литвы, Латвии и Эстонии

Понятно, что какая-то часть населения Литвы, Латвии и Эстонии стремилась к независимости этих союзных республик. Однако до прихода к власти Горбачева все попытки в этом направлении в лучшем случае сводились к мелким политическим акциям и успешно пресекались правоохранительными органами. Лишь во второй половине 80-х годов прошлого века соответствующая часть населения этих республик смогла создать легальные политические организации, с помощью которых движение за независимость стало более или менее значительным.

Затем высшие органы законодательной власти этих республик приняли решения, провозглашавшие государственную независимость. Тогда центральные власти СССР предприняли как формальные, так и практические шаги, чтобы этому воспрепятствовать. Однако затем их независимость была все-таки признана. Какова была роль лично Горбачева в том, что прибалтийские республики смогли выйти из состава СССР? Не было ли в его действиях (или бездействии) признаков того, что он поступал в ущерб

интересам страны, которую возглавлял? Или не стремился ли он при этом действовать к выгоде других стран? Попробуем во всем этом разобраться.

Итак, в ночь на 11 марта 1990 года Верховный Совет Литовской ССР во главе с Витаутасом Ландсбергисом провозгласил независимость Литвы. Было заявлено о прекращении действия Конституции СССР на территории республики и о возобновлении действия литовской конституции 1938 года. Независимость Литвы в этот момент не была признана ни центральным правительством СССР, ни другими странами (кроме Исландии). В ответ на это советским правительством в середине 1990 года была предпринята «экономическая блокада» Литвы, а позже была применена и военная сила — начиная с 11 января 1991 года советскими частями были заняты Дом печати в Вильнюсе, телевизионные центры и узлы в городах, другие общественные здания. 13 января была взята под контроль телебашня в Вильнюсе, прекращено республиканское телевидение.

30 марта 1990 года Верховный Совет ЭССР принял решение о государственном статусе Эстонии. Заявив, что «оккупация» Эстонской Республики Советским Союзом 17 июня 1940 года не прервала де-юре существования Эстонской Республики, Верховный совет объявил государственную власть Эстонской ССР незаконной с момента её установления и провозгласил восстановление Эстонской Республики.

4 мая 1990 года Верховный Совет Латвийской ССР принял Декларацию о восстановлении независимости Латвийской Республики.

Итак, что должен был делать в такой ситуации президент Советского Союза? Видимо, предпринять все от него зависевшее, чтобы не допустить распада СССР и выхода из его состава трех прибалтийских республик. Надо было совершить формальные действия, из которых следовало бы, что Советский Союз не признает попыток этих республик выйти из своего состава и считает их соответствующие решения незаконными. Кроме того, надо было, видимо, предпринять какие-то шаги по линии правоохранительных органов, а может быть, и вооруженных сил. Во всяком случае, не создавать ситуацию, когда выход из состава страны какой-то ее части не сопровождался никаким применением силы, чтобы подобный сепаратизм предотвратить.

Основания совершить такие действия у Горбачева имелись вне всяких сомнений. И самый весомый аргумент — это итоги референдума, состоявшегося 17 марта 1991 года, когда 76,43 % принявших в нем участие граждан высказались за сохранение обновлённого СССР. Иными словами, можно твердо говорить о том, что к весне 1991 года ясно определилась воля населения СССР по вопросу о его целостности. И эту волю должны были претворять в жизнь все те лица, которые руководили Советским Союзом. А

президент страны – в первую очередь. Президент должен был прилагать все усилия, чтобы эту волю своего народа претворить в жизнь.

В общем, сначала действительно какие-то действия были предприняты для того, чтобы воспрепятствовать выходу Литвы, Латвии и Эстонии из состава СССР. Например, 3 апреля 1990 года Верховный Совет СССР принял закон, объявляющий юридически ничтожными декларации Верховных Советов прибалтийских республик об аннулировании вхождения в СССР и вытекающие из этого последующие решения. И это было очень грамотным и юридически хорошо выверенным решением.

Однако затем события приобрели совсем иную направленность. И в конце концов в сентябре 1991 года Литва, Латвия и Эстония не просто стали претендовать на статус независимых государств. Советский Союз признал их независимость. Признал вопреки результатам уже упомянутого мартовского референдума.

Если быть точным, то 5 сентября 1991 года президент США Буш заявил о признании независимости прибалтийских республик. А на следующий день, 6 сентября М. С. Горбачев подписал постановления Государственного Совета СССР №№ ГС-1, ГС-2, ГС-3 о признании независимости республик Латвии, Литвы, Эстонии.

Нет никаких сомнений, что подписанные Горбачевым постановления не соответствовали ни Конституции СССР, ни Закону СССР от 03.04.1990 № 1409-1 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». То есть можно смело констатировать, что президент СССР действовал в этом вопросе с нарушением формальных требований Конституции СССР, а также соответствующих законов. Иными словами, действовал незаконно. Ведь в республиках Латвии, Литве и Эстонии не проводились референдумы по поводу выхода из СССР, они были подменены или опросом населения, или голосованием за независимость республик. Не был установлен и переходный период для рассмотрения всех спорных вопросов. Кроме того, Государственный Совет под руководством Горбачева превысил свои полномочия и принял решение по вопросу, относящемуся к компетенции Верховного Совета СССР.

Итак, можно попробовать подвести итоги по данному вопросу. С одной стороны, республики, входящие в состав СССР, стремятся к независимости. С другой стороны, президент СССР не предпринимает тех шагов, которые от него требуются, чтобы как-то противодействовать этому. Более того, в конечном итоге Горбачев подписывает документы, признающие независимость этих республик. И делает это, нарушая процедуру, установленную Конституцией СССР и соответствующим законом. Кроме того, Горбачев действует вопреки результатам референдума, проведенного 17 марта 1991 года.

Можно ли констатировать, что указанные действия М.С. Горбачева были направлены против интересов СССР? Видимо, можно. А имелась ли какая-то объективная угроза или непреодолимая сила, которая побуждала его так поступить? Например, существовала ли угроза гражданской войны, если бы независимость прибалтийских республик не была признана? Или существовала ли угроза нападения на СССР других государств? Никаких объективных данных, подтверждающих это, нет. В прибалтийских республиках не было актов массового применения силы против институтов власти СССР. Значит, нельзя было утверждать, что промедление с признанием независимости вызовет что-то похожее на гражданскую войну. Не было также никаких угроз от других государств применить силу в отношении Советского Союза, если тот не признает независимость Литвы, Латвии и Эстонии. В любом случае Горбачев тут мог бы проявить то самое бездействие, которое он продемонстрировал после заключения Беловежских соглашений. Но нет, в этом случае как раз наоборот Михаил Сергеевич проявил инициативу и подписал уже упомянутые акты Государственного Совета, признающие независимость прибалтов.

Были ли другие государства заинтересованы в признании независимости этих республик? Конечно. Я не случайно упомянул выступление президента США 5 сентября. Это выступление ясно говорило, что Соединенные Штаты считают признание независимости Литвы, Латвии и Эстонии соответствующим их национальным интересам. И уже на следующий день Горбачев совершил действия, объективно направленные на ту же самую цель. Но если президент СССР совершал действия, которые вредили его собственной стране, но были выгодны, например, США (и не только США), то являлся ли он при этом коллаборационистом? Видимо, да.

В довершение картины упомянем тут же и то, что сказала о Горбачеве Маргарет Тэтчер:

«Когда мы получили информацию о ближайшей смерти советского лидера (речь шла о Ю.В. Андропове.), то задумались о возможном приходе к власти с нашей помощью человека, благодаря которому мы сможем реализовать наши намерения. Это была оценка моих экспертов (а я всегда формировала очень квалифицированную группу экспертов по Советскому Союзу и по мере необходимости способствовала дополнительной эмиграции из СССР нужных специалистов). Этим человеком был М. Горбачёв, который характеризовался экспертами как человек неосторожный, внушаемый и весьма честолюбивый. Он имел хорошие взаимоотношения с большинством советской политической элиты, и поэтому приход его к власти с нашей помощью был возможен...»

Конечно, это очень сдержанная оценка. Но даже и в таком виде она позволяет понять, как именно Горбачев пришел к власти в СССР и что именно о нем при этом думали на Западе.

А вот еще одна оценка, уже со стороны Б. Клинтона: **"Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы"**.

6.9. Матиас Руст

В 1987 году в Москве произошло внешне не такое уж и особенное событие. Недалеко от Красной площади, на Васильевском спуске приземлился одномоторный самолет. Из кабины выбрался восемнадцатилетний мальчишка, немец Матиас Руст. На самолет были наклеены не слишком броские изображения атомной бомбы. А сам Руст выразился примерно в том духе, что он – посланец мира.

Само по себе такое событие вряд ли могло надолго привлечь внимание СМИ. Да, действительно, иностранец залетел на территорию СССР, при этом не был сбит средствами ПВО, несколько раз облетел Кремль и сел прямо на площадь перед ним. То есть теоретически, грубо говоря, если бы на борту была бомба, Руст мог бы взорвать Кремль.

Других вредных последствий от этого перелета и посадки заметно не было. Можно было отнестись ко всему эпизоду с чувством юмора и отпустить юного пилота восвояси. Можно было проявить строгость и наказать его за незаконное пересечение государственной границы, а также за несанкционированные полеты в советском воздушном пространстве, особенно над Москвой. В конце концов, можно было задать вопрос пограничникам и сотрудникам войск ПВО страны, почему такие полеты вообще оказались возможными.

Разбирательство действительно было проведено. И выяснилось, что пограничники не оплошали, а засекли цель и даже присвоили ей определенный номер. Средства ПВО так же, как и пограничники, засекли эту цель. Более того, был поднят истребитель, который вступил в визуальный контакт с этим самолетом. Однако сбивать Руста никто не стал. А дальше самолет потерял. Точнее сказать, когда он попал в зону Московского округа ПВО, то его приняли за стаю птиц, что было неудивительно, самолетик был довольно-таки небольшой.

Конечно, можно было предъявить какие-то претензии и тем, кто отвечал за воздушное пространство непосредственно над Кремлем. Вряд ли хорошо, если над резиденцией всего руководства страны можно столь беспрепятственно летать.

Факт, что истребитель ПВО видел Руста, но не сбил, можно считать достоверно установленным, поскольку пилота за эти действия впоследствии наградили. Таким образом, претензии к ПВО объективно могли быть предъявлены довольно ограниченные. Цель они засекли, даже перехватили. Но не сбили, что было не так уж и плохо. Ведь совсем незадолго до этого на Дальнем Востоке был сбит корейский пассажирский «Боинг», что вызвало серьезный международный резонанс. Еще раз сбить гражданский самолет в подобной обстановке?

В общем, объективных претензий к военачальникам было немного. Да, потеряли самолет на подходе к Москве. Да, ничего не предприняли, когда он летал над Москвой. Вот, пожалуй, и все претензии. И какое же за это могло быть наказание? Если по уму, то тут вообще не за что было наказывать. Ведь самолет был гражданским и довольно небольшим. Никакие военные задачи он выполнять явно не мог. А ПВО, заметим себе, предназначено для противодействия именно военным воздушным целям, а вовсе не гражданским. То есть этот эпизод можно было принять к сведению и что-то по мелочи подправить в системе противовоздушной обороны, чтобы в следующий раз подобные инциденты не происходили.

В конце концов, если бы дело приняло какой-то особо неприятный политический оборот, то можно было бы, например, демонстративно уволить

кого-то из военачальников. Политики так нередко делают, чтобы перевалить вину с себя на кого-то еще и успокоить публику.

Однако все вышеперечисленные последствия могли бы случиться при нормальном политическом руководстве. Эпизод, понятное дело, был доложен Горбачеву во всех деталях. И тот своей волей создал вокруг него информационный шум. Хотя вполне мог бы этого не делать, чтобы не привлекать излишнего внимания ко всей этой истории. Нет, Михаил Сергеевич решил привлечь. Шум был поднят невероятный. В результате у Горбачева появился повод уволить отдельных военачальников. Своего поста лишился министр обороны Соколов, а также еще около сорока генералов. Руста судили, но затем через год с небольшим отпустили восвояси.

Подытожим: ПВО самолет обнаружила. И истребитель его перехватил. Но не сбил. Затем самолет сел на Васильевском спуске. Согласитесь, повод явно незначительный, чтобы раздувать это дело, обвинять военных в некомпетентности и увольнять всю верхушку министерства обороны страны. С их стороны особого просчета допущено явно не было. Не сбили? После корейского «Боинга» это был вопрос политический, а не военный, тут вообще военных не за что было винить. Надо было даже похвалить, что не сбили.

А теперь попробуем найти вину лично Горбачева. Ясно, что его реакция была явно непропорциональной. При этом он знал, что военные не упустили Руста, а как раз наоборот, перехватили его. Но не сбили, оставили в покое. Чем он воспользовался и долетел до Москвы. Иными словами, Горбачев знал, что оснований предъявлять к военным серьезные претензии почти не было. Однако умышленно придал всей этой истории скандальную окраску и отправил на пенсию всю военную верхушку страны. То есть отправил на пенсию всю военную верхушку страны, создав условия для ее замены своими ставленниками, и к тому же деморализовал армию. Если ее так наказывают ни за что, значит, лучше вообще никаких действий не предпринимать в подобных спорных ситуациях!

Может, вместо старых генералов Горбачев назначил новых, которые были еще лучше? Кадры для назначения на освободившиеся должности он выбирал сам. И, надо полагать, хорошо при этом подумал. Во всяком случае, новая военная верхушка не стала возражать против заключения Договора с США о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. И не возражала, когда был развален СССР.

А как же Руст? Уж его следовало бы держать в тюрьме до посинения, чтобы другим неповадно было. Однако именно его вскоре после суда и выпустили. Но не выпустили тех офицеров, которые попали в тюрьму по обвинению в халатности в связи с этими самыми перелетом и посадкой.

Таким образом, при самом непосредственном участии Горбачева была умышленно ослаблена и деморализована Советская Армия. Была создана обстановка необоснованной критики и нападков на советских военных. И были устранены те военные, которые возражали против заключения уже упомянутого договора с США.

Были ли все эти действия выгодны другим странам? Конечно, тут, как говорится, двух мнений быть не может. Все те страны, которые рассматривали СССР как потенциального военного противника, в первую очередь США, от таких действий Горбачева выиграли. То есть можно констатировать, что тут Михаил Сергеевич Горбачев умышленно действовал в ущерб интересам собственной страны и к выгоде других стран.

Я пока не касался многих довольно странных деталей всей этой истории, которые наводят на мысль, что весь перелет был задуман западными спецслужбами как масштабная провокация. Если так, то получается, что Горбачев и вовсе не просто симпатизировал Западу в ущерб своей собственной стране, а осознанно участвовал в операции иностранных спецслужб против СССР. Может быть и так.

Перечислим хотя бы вкратце эти детали. Приземление самолета было зафиксировано сразу несколькими профессиональными видеокамерами (три работали, одну не включили). То есть не исключено, что самолет в Москве уже ждали.

Радиолокационное поле СССР обычно до этого дня менялось раз в сутки. А тут оно перед прилетом Руста вдруг не менялось аж целых пять суток. Почему? То, что радиолокационное поле не менялось, позволяло проложить маршрут самолета в зонах, недоступных для локоаторов.

Но это еще не все. Самолет коснулся земли даже не на Васильевском спуске, а на Большом Москворецком мосту. И как нарочно на этом самом мосту были «почему-то» срезаны троллейбусные провода. Если бы этого не было сделано, не исключено, что самолет вообще не смог бы приземлиться в центре Москвы.

Было также установлено, что Руст по дороге к Москве совершал промежуточную посадку. Дело в том, что ему не хватало топлива в баках, чтобы без посадки долететь до Москвы. И он, совершив такую посадку, дозаправился. В этой связи возникло законное подозрение, что у Матиаса Руста имелся сообщник на территории Советского Союза.

Был и еще один странный эпизод, озвученный в эфире российского телевидения (канал ТВЦ). Якобы в Финляндии к советской девушке, приехавшей туда в качестве модели, подошел молодой человек. Они познакомились, и он оставил ей свой номер телефона. Однако в СССР девушку задержали сотрудники КГБ. Как выяснилось, телефон принадлежал не кому иному, как самому Матиасу Русту. Какое-то время девушку

допрашивали, готовя к выступлению на суде над Рустом. При этом предполагалось подтвердить версию о том, что Руст летел в СССР в том числе для того, чтобы найти эту свою даму сердца. Потом КГБ девушку отпустил, а на суде основной оказалась версия, что Руст прилетел все-таки как посланец мира.

Все эти странности наталкивают на мысль, что перелет Руста был заранее хорошо подготовленной и спланированной операцией западных спецслужб. Если так, то при содействии Михаила Сергеевича она оказалась вполне успешной.

6.10. Разглашение секретных сведений

Есть и еще один эпизод в деятельности Михаила Сергеевича Горбачева, который следовало бы упомянуть в связи с вопросом о коллаборационизме. Возможно, это небольшой вопрос. Но тут дело не в том, большой он или нет. Ведь мы пытаемся собрать те факты, которые могут служить достаточно надежными доказательствами коллаборационизма.

Обратимся к мемуарам одного из ближайших сподвижников Горбачева, Александра Яковлева. Он опубликовал книгу под названием «Омут памяти». И в ней описал встречу Горбачева с Маргарет Тэтчер:

«Переговоры носили зондажный характер до тех пор, пока на одном заседании в узком составе (я присутствовал на нём) Михаил Сергеевич не вытащил на стол карту Генштаба со всеми грифами секретности, свидетельствовавшими, что карта подлинная. На ней были изображены направления ракетных ударов по Великобритании... Премьерша рассматривала английские города, к которым подошли стрелы, но пока ещё не ракеты. Затянувшуюся паузу прервал Горбачёв: «Госпожа премьер-министр, со всем этим надо кончать, и как можно скорее». «Да», – ответила несколько растерянная Тэтчер».

Самое интересное, что и сам Горбачев в своей книге «Жизнь и реформы» также касается этого эпизода:

«Я разложил перед премьер-министром Великобритании большую карту, на которую в тысячных долях были нанесены все запасы ядерного оружия. И каждой из таких вот клеточек, говорил я, вполне достаточно, чтобы уничтожить всю жизнь на Земле. Значит, накопленными ядерными запасами всё живое можно уничтожить 1000 раз!»

Итак, можно твердо констатировать, что эпизод с секретной картой достоверно доказан. Конечно, сам Горбачев скромно умалчивает, что карта была секретная. Но тут можно, я полагаю, вполне довериться и Александру Яковлеву.

Конечно, проще всего оценить такие действия с точки зрения Уголовного кодекса. Понятно, что речь идет об уголовном преступлении. Но можно ли рассматривать подобный поступок как акт коллаборационизма?

Был ли нанесен ущерб интересам Советского Союза? Конечно, был. Разглашение секретных сведений несомненно наносит ущерб интересам государства. Более того, речь идет не просто о каких-то малозначимых секретных сведениях. Упомянутая секретная карта касалась планов возможного ядерного удара по Великобритании. Очень чувствительная тема для обороны страны! Более того, по сути, Горбачев этими действиями выставил собственное государство чуть ли не в виде агрессора, который якобы на самом деле вознамерился сжечь в ядерном пламени невинную мирную Великобританию.

Нет нужды говорить, что показав эту карту, Горбачев совершил также действия, выгодные другой стране. Конечно же, англичанам было интересно и полезно ознакомиться с планами ядерных ударов своего потенциального противника. Думаю, Тэтчер если и не поблагодарила Михаила Сергеевича публично, то в душе – это уж наверняка.

Последний аспект для квалификации таких действий – действовал ли Горбачев умышленно? Понимал ли он, что именно он делает? Может, он просто в силу особенностей своей природы разгласил секретные сведения по неосторожности? В таком случае состав уголовного преступления имеется. А коллаборационизм – не получается.

Но если предположить неосторожность, то мы должны также предположить, что человек, прошедший до самого высшего государственного поста, не понимал, что такое секретный документ и как с ним положено работать. Можно такое допустить? Если бы дело слушала коллегия присяжных, то я сильно сомневаюсь, что хоть кто-то из них в любом мыслимом или немыслимом составе стал бы утверждать, что тут есть состав преступления, совершенного по неосторожности.

Несомненно, что Горбачев понимал смысл грифа «секретно». И несомненно, он понимал, что разглашение секретных сведений – уголовное преступление. Но точно так же он понимал, что никто его не сможет привлечь к уголовной ответственности. Ведь он – высшее должностное лицо. То есть тут Горбачев в дополнение ко всем своим другим проступкам еще и злоупотребил своим служебным положением. Впрочем, еще раз повторюсь, тут не уголовный суд. Мы пытаемся вытащить персону Горбачева на суд истории.

Что руководило Горбачевым в этом эпизоде – понятно. Он очень хотел ликвидировать, пусть хоть частично, ядерное оружие Советского Союза. В этих целях можно было просто начать соответствующие переговоры,

обсудить текст договора и подписать его. Нет никаких сомнений, что Запад во все времена был готов на сокращение советского ядерного оружия.

Но нет! Горбачев хотел совершить какой-то особо демонстративный шаг, который бы вошел в анналы истории. Он и вошел. Но только соотечественники нередко оценивают его не как проявление «нового мышления» и шаг к построению справедливого мироустройства. А как откровенное предательство интересов собственного государства в угоду Западу. Понятно, что Горбачев боготворил западные страны и их образ жизни. И всячески старался им угодить. В том числе и за счет интересов собственной страны. Что проявлялось как в больших вопросах, так и в мелочах. Что мы и видим на примере данного поступка.

6.11. Что в итоге?

Наверное, тут можно уже подвести и некоторые итоги, касающиеся Михаила Сергеевича Горбачева. Он не сотрудничал с фашистами. И не сотрудничал с оккупантами. Он не создавал на чужбине воинские формирования из собственных сограждан, которые воевали бы с его соотечественниками. Не вел Горбачев и разлагающей пропаганды, используя «вражеские голоса». Как раз наоборот, он занимал в своей стране высшие государственные посты. Однако на этих постах он время от времени совершал определенные поступки, которые все-таки заставляют думать о нем именно как о коллаборационисте.

К сожалению, подавляющее большинство этих поступков, которых мы не коснулись в данной главе, имеет скрытую, латентную форму, и поэтому затруднительно давать им однозначную оценку. По своему результату это, скорее всего, были поступки предателя и коллаборациониста. Но их таковыми трудно назвать, не зная истинных мотивов и субъективного отношения к той или иной ситуации самого Горбачева. Ведь теоретически можно допустить, что он заблуждался. Или был введен в заблуждение другими людьми. Или просто просчитался или недоглядел.

Но все-таки существуют и такие поступки, которые можно более или менее достоверно оценить. И можно утверждать, имел ли Горбачев умысел на причинение вреда своей Родине или нет. Речь идет о получении, по сути, взятки от иностранцев. Или об умышленном занижении размеров компенсации за оставленное в Германии советское имущество. Об уступках значительной части советской территории другим странам, причем без видимой компенсации. О явном бездействии и нежелании противодействовать развалу страны. Более того, об умышленных действиях по созданию в стране критической кризисной ситуации.

Если все так, как я описал в этой книге, то несомненно, что Михаила Сергеевича Горбачева можно считать самым настоящим коллаборационистом. Причем не рядовым, а выдающимся. Замаскировавшимся под политического романтика и сторонника прогрессивных преобразований. Но твердо при этом преследовавшего цель нанесения ущерба своей стране в угоду другим государствам. В чем он немало и преуспел. В общем, история всех нас рассудит и все расставит по своим местам.

Эпилог

А что, собственно говоря, я хотел доказать читателю этой книжкой? Получается ли в результате хоть какой-то итог, применимый ко всем описанным в книге персонажам? Судьба у них у всех разная. Михаил Горбачев смог избежать жестких обвинений в предательстве. Из России на Запад не сбежал, даже получил награду из рук одного из руководителей страны. Это при том, что Михаил Сергеевич в конце концов сам, по сути, признался в предательстве. И при том, что трудно, наверное, найти в России человека, который считал бы Горбачева положительной фигурой в советской истории.

Шарль де Голль тоже никак не пострадал за свое более чем рискованное сотрудничество с британцами. Никто его открыто не называет ни предателем, ни коллаборационистом. Более того, многие утверждают, что имя де Голя вписано золотыми буквами в историю Франции.

Мы коснулись в этой книге также биографии такой не очень известной личности, как Лакшми Сахгал. В какой-то момент она была на грани попадания в разряд предателей и изменников в собственной стране. Но потом даже, похоже, вопреки воле самой Сахгал судьба ее радикально изменилась. Лакшми вознеслась почти к самой вершине власти. В любом случае Лакшми Сахгал, бесспорно, прожила длинную и счастливую жизнь. И никакое сотрудничество с японцами, как выяснилось, тому помешать не смогло.

А как же Махатма Ганди? Кончил он по всем обычным человеческим меркам довольно плохо – был убит, причем по политическим мотивам. Однако для индийцев он – человек однозначно героический, почти святой. Да и во всем мире имя Ганди, как правило, является синонимом самых лучших человеческих качеств. Прямо скажем, любой, наверное, позавидует такому месту в мировой истории. Получается, что, даже если Махатма Ганди и занимался тайным сотрудничеством с британцами против своих соотечественников, боровшихся за независимость Индии, это не помешало ему войти в историю с ярлыком полубожества и эталона человеческой честности и благородства?

А как быть с Алексеем Власовым, генералом Красной армии, попавшим в плен к фашистам, сотрудничавшим с ними, а потом осужденным к смертной казни через повешение? Вот уж кто плохо кончил, так это точно генерал Власов. Казалось бы, вот тут уж точно нет никаких сомнений, этот человек жил предателем и умер как предатель. Однако с немцами в дружеских отношениях был и описанный нами в этой книге индеец Субхас Чандра Бос. Он тоже, как и Власов, формировал из своих соотечественников боевые отряды. И эти отряды должны были сражаться с индийцами, которые служили в британской армии. При этом не будем забывать, что вся элита

индийских борцов за независимость встала именно на сторону британцев против Германии и отказалась на период войны от попыток сбросить колониальное иго. То есть Индийскому легиону Боса точно пришлось бы сражаться не против британцев, а против индийцев.

Мало того, бойцы Субхаса Чандры Боса в конце концов вступили в боевое столкновение с собственными соотечественниками, правда, уже на стороне не Германии, а Японии – в битве за Импхал. То есть индийцы под предводительством Боса все-таки убивали индийцев.

Но и этого мало. Бос был вполне даже на дружеской ноге со всем руководством фашистской Германии. Его принимал сам Гитлер. А уж про других фашистских лидеров и говорить не приходится. Бос был частым героем немецких кинохроник того времени. Получается, наш индийский герой дружил с организаторами геноцида других народов, устроившими многочисленные концлагеря и Холокост? Получается именно так. И тем не менее судьбы Власова и Боса различаются радикальным образом. Бос считается на своей родине бесспорным национальным героем. А Власов – грязным предателем, имя которого и упоминать-то неприлично.

Конечно, можно тут рассуждать, что Индия, в отличие от СССР, была колонией, а британцы – колонизаторами (Почему тогда индийцы сражались на их стороне против немцев?). И борьба против несправедливых колонизаторов списывает все грехи. А вот Власов боролся против коммунизма в стране, которая не была никакой колонией, потому и предатель. Может, и так. В любом случае одному ставят памятники по всей стране, а имя второго используют как пример предательства и коллаборационизма.

Одно мне точно ясно. Попытка сотрудничать с другими государствами – дело крайне рискованное. Даже если руководствоваться самыми благородными побуждениями и желать своей стране самого наилучшего. Не исключено, что все равно соотечественники это не оценят и при возможности расправятся самым жестоким образом. А может случиться и иначе. Иностранное государство действительно поможет, и вчерашний коллаборационист и предатель вдруг вознесется с иностранной помощью к вершине власти, откуда будет только посмеиваться над своими незадачливыми вчерашними врагами. Как мы видим, такое тоже запросто бывает. Если не успел вовремя поймать предателя, осудить его и, главное, казнить, значит, потом не жалуйся, когда тебе предложат возложить венки к его памятнику. Власова поймали, осудили и казнили. Де Голля судили и приговорили к смертной казни за предательство. Но поймать и казнить не смогли. Лакшми Сахгал поймали, начали судить, но до приговора дело не дошло. Махатму Ганди казнили, но без суда и следствия. Только Субхас

Чандра Бос избежал суда, международного трибунала и официального приговора. Однако жизнь свою все равно сохранить не смог.

Редактор Е.Н.Студителева

Трофимов Владимир Николаевич

Коллаборационисты: мнимые и настоящие. Субхас Чандра Бос, Махатма Ганди,
Шарль де Голль, Андрей Власов, Михаил Горбачев

Подписано в печать 22.12.2014. Формат 60x84 1/16
Печать цифровая. Печ. л. 12,8.
Тираж 250 экз.

Отпечатано в типографии «ВАШ ФОРМАТ»
г. Москва, ул. Донская, 32
Тел: 8 (495) 749-45-84
E-mail: zakaz@kniga-premium.ru